

Социолингвистика

Sociolinguvistika

[http:// sociolinguistics.ru](http://sociolinguistics.ru) № 4 (24) 2025

ISSN 2713-2951

СОЦИОЛИНГВИСТИКА

**№ 4(24)
2025**

Основан в 2020 г.

Выходит четыре раза в год

СОЦИОЛИНГВИСТИКА

научный журнал

№ 4 (24) 2025

ISSN 2713-2951

DOI: 10.37892/2713-2951

Главные редакторы

В.М. Алпатов (академик РАН, д.ф.н., Институт языкознания РАН)

А.Н. Биткеева (д.ф.н., профессор РАН, Институт языкознания РАН)

Заместитель главных редакторов

Т.И. Ретинская (д.ф.н., Орловский государственный университет им. И.С. Тургенева)

Ответственный редактор номера

А.Н. Биткеева (д.ф.н., профессор РАН, Институт языкознания РАН)

Ответственный секретарь

С.В. Кириленко (к.ф.н., Институт языкознания РАН)

Редакционная коллегия

Б.М. Атаев	д. филол. н., Махачкала, Россия
Лувсандоржийн Болд	акад. Монгольской академии наук, проф., Улан-Батор, Монголия
Т.Г. Боргоякова	д. филол. н., Абакан, Россия
Н.Б. Вахтин	член-корр. РАН, д. филол. н., Санкт-Петербург, Россия
Моника Вингендер	проф., Гиссен, Германия
Е.В. Головкин	член-корр. РАН, д. филол. н., Санкт-Петербург, Россия
Л. Гренобль	проф., Чикаго, США
Г.А. Дырхеева	д. филол. н., Улан-Удэ, Россия
К.Ю. Замятин	к. филол. н., Москва, Россия
Н.И. Иванова	д. филол. н., Якутск, Россия
О.А. Казакевич	к. филол. н., Москва, Россия
М.Я. Каплунова	к. филол. н., Москва, Россия
А.А. Кибрик	член-корр. РАН, д. филол. н., Москва, Россия
Ли Юймин	проф., Пекин, КНР
В.Ю. Михальченко	д. филол. н., Москва, Россия
Дж.Н. Мустафина	д. филол. н., Набережные Челны, Россия
М.Р. Овхадов	д. филол. н., Грозный, Россия
Тьерри Поншон	проф., Реймс, Франция
Мишель Тамин	проф., Реймс, Франция
Э.А. Салихова	д. филол. н., Нефтекамск, Россия
Араи Юкиясу	проф., Саппоро, Япония
Э.В. Хилханова	д. филол. н., Москва, Россия
Нгуен Ван Хьеп	проф., Ханой, Вьетнам
Чжао Жунхуэй	проф., Шанхай, КНР
Чжао Шицзюй	проф., Ухань, КНР

ISSN 2713-2951

SOCIOLINGUISTICS

**No. 4 (24)
2025**

Established in 2020
Published four times a year

SOCIOLINGUISTICS

Scientific Journal

No. 4 (24) 2025

ISSN 2713-2951

DOI: 10.37892/2713-2951

Editors-in-Chief

Vladimir M. Alpatov (Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences)

Aysa N. Bitkeeva (Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences)

Deputy Editor-in-Chief

Tatjana I. Retinskaya (Orel State University)

Executive editor of the issue

Aysa N. Bitkeeva (Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences)

Executive Secretary

Svetlana V. Kirilenko (Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences)

Editorial Board

B.M. Ataev	DSc in Philology, Professor, Makhachkala, Russia
Luvsandorjiin Bold	Academician of the Mongolian Academy of Sciences, Ulaanbaatar, Mongolia
T.G. Borgoyakova	DSc in Philology, Professor, Abakan, Russia
N.B. Vakhtin	Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, DSc in Philology, Professor, St. Petersburg, Russia
Monika Wingender	Professor, Giessen, Germany
E.V. Golovko	Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, DSc in Philology, St. Petersburg, Russia
Lenore Grenoble	Professor, Chicago, USA
G.A. Dyrkheeva	DSc in Philology, Professor, Ulan-Ude, Russia
K.Yu. Zamyatin	PhD in Philology, Moscow, Russia
N.I. Ivanova	DSc in Philology, Yakutsk, Russia
O.A. Kazakevich	PhD in Philology, Moscow, Russia
M.Ya. Kaplunova	PhD in Philology, Moscow, Russia
A.A. Kibrik	Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, DSc in Philology, Moscow, Russia
Li Yuming	DSc in Philology, Professor, Beijing, China
V.Yu. Mikhachenko	DSc in Philology, Professor, Moscow, Russia
Dzh.N. Mustafina	DSc in Philology, Professor, Naberezhnye Chelny, Russia
M.R. Ovkhadov	DSc in Philology, Professor, Grozny, Russia
Tierry Ponchon	Professor, Reims, France
Michel Tamin	Professor, Reims, France
E.A. Salikhova	DSc in Philology, Professor, Neftekamsk, Russia
Arai Yukiyasu	Professor, Sapporo, Japan
E.V. Khilkhanova	DSc in Philology, Moscow, Russia
Nguyen Van Hiep	Professor, Hanoi, Vietnam
Zhao Ronghui	Professor, Shanghai, China
Zhao Shiju	Professor, Wuhan, China

СОДЕРЖАНИЕ

От редакции	8.
-------------------	----

К ЮБИЛЕЮ АКАДЕМИКА РАН В.М. АЛПАТОВА

<i>Михальченко В.Ю.</i> В.М. Алпатов и социолингвистика..	10
---	----

К 75-ЛЕТНЕМУ ЮБИЛЕЮ ИНСТИТУТА ЯЗЫКОЗНАНИЯ РАН РУССКИЙ ЯЗЫК

<i>А.П. Майоров</i> Русский язык XVII – XVIII вв. в Сибири как предмет региональной социолингвистики.	14
<i>О.В. Трофимова, Д.Ш. Харанутова</i> Термин <i>инородец</i> в историко-лингвистическом освещении.	34

ЯЗЫКИ НАРОДОВ РОССИИ

<i>Б.Ч. Ооржак, Э.К. Аннай, Б.М. Тензин</i> Языковые ориентации современных тувинцев: результаты социолингвистического исследования.	54
<i>И.А. Пакина, Е.Н. Маскаева</i> Языковой ландшафт пешеходных туристских маршрутов Саранска	69
<i>А.Н. Биткеева, В.В. Филиппова, И.С.Хохолова</i> Экспертиза социального воздействия на язык и культуру в городской среде: опыт города Мирный Республики Саха	97
<i>Т.Г. Боргаякова, А.В. Гусейнова</i> Языки Южной Сибири: особенности репрезентации в сфере туризма (на материале интернет-дискурса)	119
<i>Э.А. Салихова</i> Социолингвистическая модель функционирования языков в образовательном пространстве полиэтнического региона (на примере республик Башкортостан и Тыва)	137

ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНЫЕ И ПОЛЕВЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

<i>М.Ya. Kaplunova, Li Jia.</i> Emergency language service in multilingual countries. ...	160
---	-----

ТРИБУНА МОЛОДОГО УЧЕНОГО

<i>Р.А. Данилова</i> Молодежь саха (якуты) в условиях языкового сдвига. ...	178
---	-----

ХРОНИКА НАУЧНОЙ ЖИЗНИ

Первая международная летняя лингвистическая школа на Байкале «Этнокультурно-языковое пространство трансграничья: история и современность», Республика Бурятия, 2025 (<i>Д.Ш. Харанутова</i>)..	194
--	-----

СЛОВАРЬ СОЦИОЛИНГВИСТА

Арготизмы (<i>Т.И. Ретинская, М.В. Орешкина</i>)	203
Требования и рекомендации к оформлению статей	224

CONTENTS

Editorial preface.	9
----------------------------	---

ON THE ANNIVERSARY OF THE ACADEMICIAN OF THE RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES VLADIMIR M. ALPATOV

<i>Vida Yu. Mikhalchenko.</i> Vladimir M. Alpatov and sociolinguistics	10
--	----

IN CELEBRATION OF THE 75TH ANNIVERSARY OF THE INSTITUTE OF LINGUISTICS, RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES

THE RUSSIAN LANGUAGE

<i>Aleksandr P. Mayorov.</i> The Russian language of the 17th–18th centuries in Siberia as a subject of regional sociolinguistics.	14
--	----

<i>Olga V. Trofimova, Kharanutova D. Sh.</i> The term <i>inorodets</i> in a historical and linguistic perspective.	34
--	----

LANGUAGES OF PEOPLES OF THE RUSSIAN FEDERATION

<i>Ellada K. Annai, Bailak Ch. Oorzhak, Bailak M. Tenzin.</i> Linguistic orientations of modern Tuvans: results of sociolinguistic research.	54
--	----

<i>Iraida A. Pakshina, Elena N. Maskaeva.</i> The linguistic landscape of Saransk walking routes . . .	69
--	----

<i>Aysa N. Bitkeeva, Irena S. Khokholova, Viktoria V. Filippova.</i> Social impact assessment on language and culture in an urban environment: the case study of Mirnyi, Sakha Republic (Yakutia)	97
---	----

<i>Tamara G. Borgoyakova, Aurika V. Guseinova.</i> Languages of Southern Siberia: representation in the field of tourism (based on internet discourse)	119
--	-----

<i>Elvina A. Salikhova.</i> Sociolinguistic model of language functioning in the educational space of a multiethnic region (using the example of the republics of Bashkortostan and Tyva).	137
--	-----

EXPERIMENTAL AND FIELD RESEARCH

<i>Maria Ya. Kaplunova, Li Jia.</i> Emergency language service in multilingual countries	160
--	-----

YOUNG SCHOLAR'S ENDEAVOURS

<i>Rosa A. Danilova.</i> Youth of Sakha (Yakuts) in conditions of language shift.	178
---	-----

CHRONICLE OF SCIENTIFIC LIFE

The first International Summer Linguistic School on Lake Baikal "Ethnocultural and linguistic space of the transborder: history and modernity", Republic of Buryatia, 2025 (<i>Darima Sh. Kharanutova</i>)	194
--	-----

SOCIOLINGUISTIC GLOSSARY

Argotisms (<i>Tatjana I. Retinskaya, Maria V. Oreshkina</i>)	203
--	-----

Style sheet	224
-----------------------	-----

ОТ РЕДАКЦИИ

Перед вами специальный выпуск журнала «Социолингвистика», посвященный 75-летию Института языкознания РАН и 80-летию юбилею академика РАН Владимира Михайловича Алпатова.

На протяжении десятилетий Институт языкознания РАН был и остается главным центром лингвистических исследований в России. Под его крышей формировались и развивались ведущие научные лингвистические школы, рождались фундаментальные теории, создавались грамматики и словари языков народов России и мира. Здесь кропотливо собирались сведения об исчезающих языках, выстраивались сложные теоретические модели, расшифровывались древние тексты, формировались и успешно развиваются новые направления языкознания – социолингвистика, психолингвистика, нейролингвистика и т.д.

Институт языкознания РАН – это прежде всего люди. Научный авторитет института связан с именами выдающихся ученых лингвистов, чьи труды определили лицо мировой лингвистики XX и XXI веков. Ярким представителем этой плеяды является академик РАН В.М. Алпатов, главный редактор журнала «Социолингвистика», чей 80-летний юбилей отмечается в 2025 г. Статья-посвящение научной деятельности Владимира Михайловича Алпатова как социолингвиста открывает этот номер.

Данный юбилейный номер – не просто дань уважения прошлому. Это срез современного состояния отечественной социолингвистики. Статьи номера отражают широкий спектр социолингвистических направлений: от аспектов исследования региональной социолингвистики до новых экспериментальных и полевых исследований на обширном языковом материале языков Российской Федерации. Страницы этого номера – яркое свидетельство того, что российская социолингвистика сегодня – это динамичная, многоголосая и востребованная дисциплина.

Этот номер и поздравление, и приглашение к диалогу. Преемственность и инновация – вот два ключевых слова, определяющих современный путь Института языкознания РАН. Редакция журнала «Социолингвистика» поздравляет Институт языкознания РАН и Владимира Михайловича Алпатова с юбилеем и желает процветания и новых выдающихся достижений!

А.Н. Биткеева

EDITORIAL PREFACE

This is a special issue of the journal Sociolinguistics, dedicated to the 75th anniversary of the Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences (RAS) and the 80th birthday of RAS Academician Vladimir M. Alpatov.

For decades, the Institute of Linguistics of the RAS has been and remains the leading center for linguistic research in Russia. Under its roof, prominent scientific schools of linguistics were formed and developed, fundamental theories were born, and grammars and dictionaries of the languages of Russia and the world were created. Here, meticulous data on endangered languages were collected, complex theoretical models were constructed, ancient texts were deciphered, and new branches of linguistics – such as sociolinguistics, psycholinguistics, and neurolinguistics – were established and continue to flourish.

The Institute of Linguistics of the RAS is, above all, its people. Its scientific authority is linked to the names of outstanding linguists whose work has shaped the face of global linguistics in the 20th and 21st centuries. A prominent representative of this lineage is Academician Vladimir M. Alpatov, editor-in-chief of Sociolinguistics, whose 80th birthday is celebrated in 2025. The opening article of this issue is dedicated to his scientific contributions as a sociolinguist.

This anniversary issue is not merely a tribute to the past. It provides a snapshot of the current state of Russian sociolinguistics. The articles reflect a wide spectrum of research directions, from studies of regional sociolinguistics to new experimental and fieldwork-based investigations involving extensive linguistic data from the languages of the Russian Federation. The pages of this issue vividly demonstrate that Russian sociolinguistics today is a dynamic, polyphonic, and highly relevant discipline.

This issue serves both as a celebration and an invitation to dialogue. Continuity and innovation are the two key words defining the contemporary trajectory of the Institute of Linguistics of the RAS. The editorial board of Sociolinguistics congratulates the Institute and Vladimir M. Alpatov on their anniversaries and wishes continued prosperity and outstanding achievements!

Aysa N. Bitkeeva

К ЮБИЛЕЮ АКАДЕМИКА РАН ВЛАДИМИРА М. АЛПАТОВА

**ON THE ANNIVERSARY OF THE ACADEMICIAN OF THE
RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES VLADIMIR M. ALPATOV**

<https://doi.org/10.37892/2713-2951-4-24-10-13>

В. М. АЛПАТОВ И СОЦИОЛИНГВИСТИКА

Владимир Михайлович Алпатов является известным в России и за рубежом ученым-языковедом, активно работающим в ряде областей отечественной лингвистики. Основные проблемы научной деятельности ученого – японский язык, теория языка, история науки, а также социолингвистика. О весьма активной научной работе ученого свидетельствуют ее результаты: опубликованы 22 (а со всеми вторыми или третьими изданиями 33) книги ученого, его научные взгляды изложены в более чем 200 статьях. Значительное место в ряду научных достижений академика В.М. Алпатова занимают его труды по социолингвистике. Сегодня, в день юбилея видного ученого, уместно кратко рассмотреть основные его работы в области социальной лингвистики.

Основными трудами В.М. Алпатова по социальной лингвистике являются: «150 языков и политика: 1917–2000. Социолингвистические проблемы СССР и постсоветского пространства», «Япония: язык и общество», а также «Социолингвистика. Учебник для вузов» (2024). Попытаюсь вкратце высказать свое мнение о каждой из этих книг.

Наиболее масштабной по охвату материала и одновременно по глубине анализа социолингвистических проблем СССР и постсоветского пространства является монография «150 языков...», которая была издана в 1988 году, а второй раз с дополнениями, новыми материалами – в 2000 году. В этой книге представлен обобщающий очерк истории языковой ситуации и языковой политики в нашей стране с 1917 по 2000 год. Анализ языковых процессов начинается с периода 20-х-30 годов – времени языкового строительства, отдельные раздел книги посвящен ученым того времени. Переходя к более поздним этапам развития социолингвистики, автор подчеркивает значение трудов В.А. Аврорина, а также материалов массовых социолингвистических исследований М.Н. Губогло (1979), Копыленко М.М. (1990). Автор указывает на необходимость анализа общих тенденций языкового развития, скромно называя свою книгу «некоторый предварительный очерк истории и современного состояния

языковой ситуации и языковой политики». Необходимо отметить, что эта важная для характеристики языковой жизни переходного периода (периода распада СССР) книга показывает стремление автора освещать проблемы данного исторического этапа достаточно широко и глубоко, хотя в это время еще не была накоплена достаточно широкая совокупность конкретных социолингвистических фактов относительно языковой жизни страны того времени. Автор часто использует классификации языковых фактов, применяет метод моделирования языковых явлений. Так, например, рассматривая различные ситуации общения, он выделяет восемь стратегий выбора языка общения. Анализируя каждую из них, автор определяет и роль родного языка в этих стратегиях. В книге обозначен ряд проблем, которые решаются с широким применением иностранных источников, что придает тексту научного исследования объективность и глубину, свидетельствуя о стремлении автора к использованию мирового опыта в отечественных исследованиях. Книга отличается особым вниманием к освещению ряда проблем, которые были особенно актуальными в исследуемый переходный период: родной язык и его место в социально-коммуникативной системе разных республик, языковая ориентация разных языковых общностей, отношение к родному языку (языковая лояльность) и т.д. Эта книга, по моим наблюдениям, является одной из самых цитируемых книг по социальной лингвистике, так как отсутствуют другие исследования по языковому строительству в стране в этот период (кроме в основном фактологического описания процесса в монографии Магомета Исмаиловича Исаева «Языковое строительство в СССР»), а также исследований относительно периода распада СССР.

Другой книгой, в которой отражены социолингвистические взгляды В.М. Алпатова, является монография «Япония: язык и общество», в которой основное внимание автора уделено японскому языку, однако имеются интересные мысли о национальном составе жителей Японии, которые позволяют задуматься о пересмотре подходов к этой проблеме. По существующей социолингвистической классификации языков мира, страны, в которых коренное население составляет не менее 90%, считаются моноэтническими. По этому принципу Японию тоже нередко относят к одноплеменным, племенным государствам (Л.Б. Никольский, В.М. Солнцев и др.). В книге «Япония: язык и общество» подчеркивается, что «везде, пусть и в небольшом количестве, существуют национальные меньшинства» (с.22). Даже в одноплеменной Японии, как пишет В.М. Алпатов, проживает более полумиллиона корейцев, несколько десятков тысяч айнов, а также иммигранты из Филиппин, Тайваня, Бразилии, Перу. Айнскому языку посвящена специальная статья В.М. Алпатова «Судьба айнского языка». Таким образом, в этой книге содержится суждение о том, что репертуар

языков страны, ее социально-коммуникативная система обычно состоит из ряда языков, которыми пользуются разные языковые общности, иногда даже достаточно малочисленные. На наш взгляд, действительно, языковая биография страны обычно включает родные языки всех языковых общностей, а не только языки многочисленных этносов.

Третьей по важности для социолингвистической науки является книга «Социолингвистика». Это учебник для вузов, изданный в 2024 году. В нем представлены разделы: «Общественные функции языка», «Языковая политика», «Языки и культура» и др. Учебник содержит современные материалы, отражающие основные направления социолингвистики, включая основные экстралингвистические, культурные, этнические, религиозные, политические и гендерные характеристики, которые оказывают значительное влияние на становление и функционирование языка в обществе. Главная цель учебника – познакомить студентов с основными понятиями науки и широким кругом проблем, которые изучаются в рамках социолингвистики и касаются ее исследовательских интересов. Материалы учебника имеют междисциплинарный характер и отражают связи лингвистики с рядом наук, таких как социология, политология, культурология, психология, география и др. Особое внимание уделяется изложению самых современных отечественных и зарубежных концепций. Этот учебник, несомненно, является откликом видного ученого на появление социолингвистики в программах высших учебных заведений и становится поддержкой, способствующей закреплению позиций этой относительно молодой, но перспективной науки – междисциплинарного раздела лингвистики.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что труды академика В.М. Алпатова в области социолингвистики содержат множество идей, как и труды других ее классиков, поэтому юбилей уважаемого академика — это одновременно праздник отечественной науки, в том числе и социолингвистики.

В.Ю. Михальченко

ЛИТЕРАТУРА

- Алпатов В. М.* (2000) 150 языков и политика: 1917–2000. Социолингвистические проблемы СССР и постсоветского пространства. М.: Крафт+, 384 с.
- Алпатов В. М.* (1988) Япония: язык и общество. М.: Наука, 240 с.
- Алпатов В. М.* (2024) Социолингвистика. Учебник для вузов. СПб., Краснодар, М.: Лань, 416 с.
- Алпатов В. М.* (2018) Японистика. Теория языка. Социолингвистика. История языкознания. М.: Языки славянских культур, 640 с.
- Алпатов В. М.* (1997) Судьба айнского языка // Малые языки Евразии: социолингвистический аспект. М.: Изд-во МГУ, с. 123–138.

REFERENCES

- Alpatov, V.M. (2000) *150 yazykov i politika: 1917–2000. Sotsiolingvisticheskie problemy SSSR i postsovetskogo prostranstva* [150 Languages and Politics: 1917–2000. Sociolinguistic Problems of the USSR and the Post-Soviet Space]. Moscow: Kraft+, 384 p. (In Russian).
- Alpatov, V.M. (1988) *Yaponiya: yazyk i obshchestvo* [Japan: Language and Society]. Moscow: Nauka, 240 p. (In Russian).
- Alpatov, V.M. (2024) *Sotsiolingvistika. Uchebnik dlya vuzov* [Sociolinguistics. A University Textbook]. Saint Petersburg, Krasnodar, Moscow: Lan, 416 p. (In Russian).
- Alpatov, V.M. (2018) *Yaponistika. Teoriya yazyka. Sotsiolingvistika. Istoriya yazykoznaniya* [Japanese Studies. Theory of Language. Sociolinguistics. History of Linguistics]. Moscow: Yazyki slavyanskikh kultur, 640 p. (In Russian).
- Alpatov, V.M. (1997) Sudba ainskogo yazyka [The Fate of the Ainu Language], in *Malye yazyki Evrazii: sotsiolingvisticheskiy aspekt* [Minor Languages of Eurasia: A Sociolinguistic Aspect]. Moscow: Moscow State University Press, pp. 123–138. (In Russian).

Михальченко Вида Юозовна – доктор филологических наук, профессор, главный научный сотрудник Научно-исследовательского центра по национально-языковым отношениям, Институт языкознания РАН.

Адрес: 125009 Российская Федерация, г. Москва, Большой Кисловский пер., 1/1

Эл. адрес: vida-mi@mail.ru

<https://orcid.org/0000-0002-0953-3466>

Vida Yu. Mikhalchenko – Doctor of Philology, Professor, Chief Researcher of the Research Center on Ethnic and Language Relations of the Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences. Address: B. Kislovsky lane 1/1, Moscow, Russia, 125009.

Email address: vida-mi@mail.ru

<https://orcid.org/0000-0002-0953-3466>

Для цитирования: *Михальченко В. Ю.* В.М. Алпатов и социолингвистика // Социолингвистика. 2025. № 4 (24). С. 10–13. DOI: 10.37892/2713-2951-4-24-10-13

For citation: *Mikhalchenko V.Y.* Vladimir M. Alpatov and sociolinguistics // Sociolinguistika. 2025. No. 4 (24). Pp. 102–13. (In Russian). DOI: 10.37892/2713-2951-4-24-10-13

Заявление о конфликте интересов | Conflict of interest statement

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares no conflicts of interests.

The article was submitted 08.04.2025;
approved after reviewing 30.10.2025;
accepted for publication 17.11.2025.

К 75-ЛЕТНЕМУ ЮБИЛЕЮ ИНСТИТУТА ЯЗЫКОЗНАНИЯ РАН

IN CELEBRATION OF THE 75TH ANNIVERSARY OF THE INSTITUTE OF
LINGUISTICS OF THE RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES<https://doi.org/10.37892/2713-2951-4-24-14-33>РУССКИЙ ЯЗЫК XVII – XVIII вв. В СИБИРИ
КАК ПРЕДМЕТ РЕГИОНАЛЬНОЙ СОЦИОЛИНГВИСТИКИ

УДК 81'27

Александр П. Майоров

Институт русского языка
им. В. В. Виноградова
Российской академии наук,
Российская Федерация

Аннотация

Становление и историческое развитие сибирских региолектов русского языка в социолингвистическом аспекте – предмет исследования, проведенного на материале памятников забайкальской деловой письменности.

В XVII столетии колониальная политика в Сибири предопределяла, во-первых, формирование социальных значений ключевых терминов как результат семантического сдвига в словах разговорного стиля, обозначавших реалии нового социально-политического пространства; во-вторых, образование семантических регионализмов, отражающих восприятие русскими представителей сибирского автохтонного населения без учета этнокультурной специфики устройства их сообществ и представление инородца как «чужого», независимо от его социального статуса (являлся он подданным России или нет).

В XVIII столетии в Российской империи языковая ситуация коренным образом меняется, что повлекло за собой активные межъязыковые контакты русских с коренными народами Сибири. В этот период появлялись многочисленные автохтонные заимствования, охватившие практически все сферы жизнедеятельности русских и ставшие неотъемлемой частью их словаря. В то же время складывается уникальная ситуация диглоссии. В ней национальный литературный язык, нормы которого были переосмыслены на книжно-славянской основе, противопоставлен региолекту, главная функция которого – обслуживать сферу повседневного общения. Суть диглоссного противостояния хорошо прослеживается с помощью применения понятия «языковая личность» при анализе языка частных писем того времени.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: региолект, колониальный дискурс, социальное значение, межъязыковые контакты, регионализмы, заимствование, соционим, политоним, языковая личность

Статья опубликована на условиях Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0).

© Александр П. Майоров, 2025

<https://doi.org/10.37892/2713-2951-4-24-14-33>

THE RUSSIAN LANGUAGE OF THE 17th–18th CENTURIES IN SIBERIA AS A SUBJECT OF REGIONAL SOCIOLINGUISTICS

UDC 81 27

Alexander P. Mayorov

Vinogradov Russian
Language Institute of the
Russian Academy of
Sciences,
Russian Federation

Abstract

The formation and historical development of Siberian regiolects of the Russian language from a sociolinguistic perspective constitute the central focus of the present study, which is based on materials from monuments of Transbaikalian administrative and business writing.

In the seventeenth century, colonial policy in Siberia predetermined, first, the emergence of social meanings in key terms as a result of semantic shifts in colloquial vocabulary denoting the realities of a new socio-political space; and second, the development of semantic regionalisms reflecting Russians' perception of representatives of the Siberian autochthonous population without regard to the ethnocultural specificity of their social organization, as well as the conceptualization of non-Russians as "others," irrespective of their social status (whether or not they were subjects of the Russian state).

In the eighteenth century, the linguistic situation within the Russian Empire underwent radical change, which led to intensified interlingual contacts between Russians and the indigenous peoples of Siberia. During this period, numerous autochthonous borrowings emerged, encompassing virtually all spheres of Russian everyday life and becoming an integral part of the Russian lexicon. At the same time, a unique situation of diglossia took shape, in which the national literary language – whose norms were reinterpreted on the basis of the Church Slavonic bookish tradition – was opposed to the regiolect, whose primary function was to serve the domain of everyday communication. The essence of this diglossic opposition can be clearly observed through the application of the concept of the "linguistic personality" in the analysis of private correspondence from the period.

KEYWORDS: regiolect, colonial discourse, social significance, interlingual contacts, regionalisms, borrowing, socionym, polytonym, linguistic personality

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0).

© Alexander P. Mayorov, 2025

1 | Введение

XVII – XVIII вв. в истории русского языка – это период, когда на вновь осваиваемых территориях Восточной Сибири и Дальнего Востока появляются многочисленные региональные варианты русского языка, по-другому называемые «региолекты». Внеязыковыми факторами формирования региолектов выступают новые геополитические и социокультурные условия функционирования русского языка, а также определенная языковая политика Российского государства. Исследование данных региолектов по определению должно базироваться на социолингвистическом подходе.

В специальных комментариях нуждается термин «региолект», который был введен в оборот в 1990-е гг. [Трубинский, 1991; Герд, 2001] и стал в дальнейшем использоваться преимущественно в двух значениях:

1) региолект как язык любого города, представляющий собой уникальный вариант общенационального языка (во взглядах А. С. Герда, Е. В. Ерофеевой, Б. Я. Шарифуллина и др.);

2) региолект – региональный вариант русского национального языка как результат взаимодействия говоров вторичного образования с языками коренных народов на территориях позднего заселения и с русским литературным языком (например, в исследованиях дальневосточного региолекта Е. А. Оглезневой, колымского региолекта Ю. А. Резвухиной, забайкальского региолекта А. П. Майоровым, И. Ж. Степановой, Е. В. Зыряновой).¹ Историческое освещение корректирует суть исследуемого понятия: во-первых, региолект XVII – XVIII вв. сложно трактовать как язык города, поскольку у провинциальных населенных пунктов того времени, по умолчанию характеризующихся как «города», не наблюдается элементов собственно городской культуры² в качестве одного из важных признаков идентификации региолекта в указанном определении; во-вторых, в XVII в. вряд ли можно говорить о взаимодействии говоров вторичного образования и русского литературного языка, поскольку формирование говоров как таковых и норм национального литературного языка находилось только в начальной стадии их становления.

¹ Подробнее проблема понятия региолекта в синхронном и диахронном аспектах рассматривается в работах [Букринская, Кармакова 2020; Мишанкина 2014].

² Согласно М.Н.Тихомирову, городская культура определяется по ряду признаков: высокому уровню грамотности горожан, наличию городских книгохранилищ и ризниц, а также городской литературы [Тихомиров 1956: 261–282].

В данной статье ставится цель на материале языковой ситуации Забайкалья в указанный исторический период проследить тенденции развития регионального варианта русского языка, обусловленного социолингвистическими факторами.

Историческая динамика региональных вариантов русского языка на восточных окраинах России активно изучается уральскими (южноуральскими), пермскими, томскими, тюменскими, красноярскими, забайкальскими, якутскими, дальневосточными (хабаровскими, амурскими) учеными. Однако, как правило, подобные исследования проводятся в рамках лингвистического источниковедения, когда изучаются, прежде всего, определённые языковые уровни, представленные в письменных памятниках определенных жанров, в первую очередь, лексический, фонетико-орфографический, морфологический, синтаксический и др.. При этом изучение лингвопрагматических факторов (социальных и социокультурных), обуславливающих отбор языковых средств в той или иной дискурсивной практике, отходит на второй план. Применение социолингвистического подхода в современной исторической русистике отрицать нельзя, но надо отдавать себе отчет в том, что заявленное в названии статьи понятие региональной социолингвистики обязывает автора учитывать последние достижения в данной области языкознания.

Сегодня в социолингвистике регулярные связи между динамикой общества и развитием языка переосмысливаются в социоконструктивистском подходе: язык исследуется не как система, а как социальное действие — дискурс. При этом язык рассматривается «в ряду факторов, которые оказывают воздействие на функционирование и эволюцию общества» [Никольский 1976: 131]. Поскольку речь идет о лингвистическом конструировании социального пространства, в ходу новые понятия: «социальный контекст», «социальное значение» [Eckert, Labov 2017], «языковая идеология» [Irvine, Gal 2000], «политический дискурс» [Paul A. Chilton 2004], «гибридная идентичность» [Bhabha 1994], «языковой сдвиг» [Гренобль 2021] и др.

Динамичная природа региолекта предопределяет актуальность диахронного подхода к его исследованию. Он особенно востребован в отношении языковых ситуаций на территориях позднего (вторичного) заселения — Урала, Западной и Восточной Сибири, Дальнего Востока. Современные взаимоотношения литературного языка с региолектом и говорами вторичного образования на этих территориях сохраняют следы своеобразных языковых изменений, происходивших в восемнадцатом столетии — в период становления литературного языка нового типа, а их специфика во многом была связана с особенностями формирования региолектов в предшествующую эпоху.

2 | Сибирский региолект в XVII в.

Для понимания природы регионального варианта русского языка в период изначального его функционирования необходимо исходить из анализа социально-политических и социокультурных предпосылок освоения новых земель русскими первопроходцами. Разные дискурсивные практики российской власти этого периода приобретали новые черты в геополитических условиях освоения Сибири и Дальнего Востока, с учетом которых их целесообразнее объединить под названием «колониальный дискурс».

Власть в Московской Руси XVII в. еще сохраняла признаки так называемого вотчинного государства или, по М. Фуко, власти-господства [Фуко 2007: 59-63]. Отсюда одна из главных целей внутренней политики – «гомогенизация подданных, т.е. покорение с низведением личностного начала до ничтожества и холопской покорности, приучение жить по воле ближнего наместника и дальнего царя» [Никольский 2017: 15]. Это, безусловно, распространяется на новых подданных – представителей колонизированных народов. Вместе с тем, деятельность Российской империи во вновь осваиваемых регионах имеет много граней: в геополитическом отношении кавказская колониальная политика и ее дискурс имеют специфику (особый институт аманатства, иная конфессиональная политика, отсутствие сбора ясака и др.), а действия власти и ее колониальный дискурс в Сибири XVII в. по тем же параметрам характеризуется другими чертами.

2.1 Языковые средства колониального дискурса

Колониальный дискурс на этом этапе представлен не только в распорядительных документах (указах, памятях) и отчетно-исполнительных (воеводских отписках), но и в просительной документации (челобитных). Лингвистическими средствами построения колониального дискурса служат разноуровневые элементы разговорного русского языка, лежавшие в основе приказного идиома, который использовался в то время, как язык власти. Иными словами, в XVII в. региональный приказный идиом по своей природе генетически был однороден с региолектным языком, с одной стороны, и с легитимным языком, с другой стороны.

Участие языковых средств в построении сибирского колониального дискурса связано с существенными изменениями в их семантике, с появлением у них особых функционально-прагматических свойств. Рассмотрение преобразований у языковых средств, как уже подчеркивалось выше, невозможно без учета социального контекста, пропитавшего дискурсивные практики исторического прошлого; последние содержат имплицитную

информацию, во многом незнакомую современному исследователю. Комплекс фоновых знаний и определенных идеологических воззрений в социальном контексте объясняет выбор этих языковых средств для достижения коммуникативной цели говорящего и обеспечивает адекватное понимание их смысла адресатом. Более того, контекст в дискурсивном анализе интерпретируется как конструируемая говорящим категория, поскольку в дискурсивной практике власти говорящий настроен на формулирование каких-то составляющих контекста в качестве основных и социально значимых смысловых опор, задающих рамки их толкования адресатом.

В качестве примера рассмотрим фрагмент челобитной Ондрюшки Барнешева с просьбой о пожаловании его за «иноземский призыв», за прибыль ясачного соболиного сбора, а также за строительство новых иркутского и ангарского острогов³:

Црю гсдрю и великому кнзю Алексѣю Михайловичю
всеа Великия и Малыя и Бѣлыя Росии самодержцу бьет
челом холопъ твой енисейской сынобоярской Ондрюшка
Барнешевъ в прошломъ великий гсдръ во 174м году по
твоему великого гсдря указу и по грамоте велено мнѣ
холопу твоему быть на твоей великого гсдря службѣ на
Байкале в **Баргузинскомъ остроге** у ясачного соболиного
збору и будучи я холопъ твой на той твоей великого гсдря
службѣ служилъ тебѣ великому гсдрю чистосерднемъ
<так в тексте!> своимъ какъ богу и во всемъ радѣль и
прибыль чинилъ а прибыль тебѣ великому гсдрю **въ**
ясачномъ зборе учинилъ немалую и божиею милостию и
твоимъ <л.249 об.> счастиемъ я холопъ твой вновь **под твою**
великого гсдря царского величества высокую руку в
вѣчное холопство въ ясачной платежъ из за камени
иноземцовъ **неясачных людей призвал** четырнатцат[ь]
члвкъ з женами и з детми и по их бусурманской вере **к**
шерте привель и ясакъ с нихъ взял и те **иноземцы** моево
холопа твоего призыву и донынѣ тебѣ великому гсдрю
ясакъ с себя и сродниковъ своих платять сполна

³ Здесь и далее в иллюстративном материале старорусский текст приводится с упрощением графико-орфографических особенностей скорописи делового письма.

бѣспереводно да и впред[ъ] тебѣ великому гсдрю та
прибыл[ъ] прочна будетъ и стоятелна да я холоп твой на
Байкале ж по Верхнѣй Ангаре реке вновь поставилъ
Ангарской острогъ для твоего гсдрва **ясачного
соболиного збору** (СПФ АРАН, ф. 21, оп. 4, Д. 23, л. 249-
249 об., 1671).

Полужирным шрифтом выделены те языковые средства, которые выступают в роли элементов, формирующих колониальный дискурс в рамках просительного документа. Дискурсивные элементы (или дискурсеми колониального дискурса) в данном фрагменте можно разделить на три тематические группы:

- 1) деятельность по колонизации: *призвать под твою великого государя высокую руку; призвать в вечное холопство; привести к шерте; поставить острог;*
- 2): колониальное налогообложение: *призвать в ясачной платеж, учинить прибыль в ясачном зборе, ясачный соболинъ сбор;*
- 3) колонизированные: *неясачные люди; иноземцы.*

Каждая из дискурсем отличается своим социолингвистическим наполнением, и это можно показать на примере слова *острог*, активно употребляющегося в тексте просительного документа.

Первоначально слово *острогъ* обозначало внешнее окружное укрепление города обычно в виде частокола [Сл. XI-XIV т. VI: 190]. Значение ограждения у лексемы сохраняется в старорусском языке, вместе с тем в нем появляется новое значение 'укрепление, крепость' [Сл. XI-XVII, вып. 13: 159-160], которое в принципе опознается у слова в контексте челобитной *быть в Баргузинском остроге, поставить Ангарский острог*. Однако экстралингвистический, социальный контекст вкупе с лингвистическим контекстом всей челобитной помогает выделить у реалии, скрывающейся за словом *острог*, три новых социальных функции:

- 1) административный центр региона (*быть на твоей великого гсдря службѣ в Баргузинскомъ остроге, подлинной чертежѣ, я холопъ твой въ Енисейскомъ остроге въ съезже[й] избе столнику и воеводе Кирилу Аристарховичю Яковлеву с сею челобитною подал*);
- 2) деятельность сибирской администрации по сбору ясака (*поставилъ Ангарской острогъ для твоего гсдрва ясачного соболиного збору*);
- 3) защита ясачных подданных (*велено в Ыркуцком новой острогъ поставить для обережи от немирных мунгалских людей разныхъ земель*).

Помимо этого, в семантике регионального варианта слова *острог* содержится множество иных социальных коннотаций, связанных с деятельностью сибирских властей по содержанию аманатов, обеспечению безопасности русских служилых людей, предоставлению довольства казакам, участию в поддержке русско-монгольских и русско-китайских отношений и мн.др.

Таким образом, как дискурсема *острог* в контексте освоения сибирских территорий приобретает социальное значение 'окруженное деревянными стенами с башнями селение, которое служило укрепленным пунктом, а также своеобразным административным центром на восточных рубежах Московского государства'. В связи с этим выражение *поставить острог* означало не просто заниматься возведением оборонительных строений. Сооружение острога выступало символом государственного строительства и расширения границ Российской империи на восток.

2.2 Лингвистическая стратегия русских при освоении Сибири

Примечательной особенностью функционирования русского языка в сибирском регионе XVII в. является специфика межъязыковых контактов, отражающая социокультурную и коммуникативную направленность колониального дискурса. Точнее сказать, признаки результатов межкультурного и межъязыкового контактирования по письменным памятникам того времени практически не прослеживаются, и социальным фоном такого слабого взаимодействия культур на данном этапе оказывается исключительное стремление русской власти привести в свое подданство как можно больше племен сибирского коренного населения с целью получения пушного налога. Соответственно, вырабатывалась стратегия поведения русских, которая отличалась двумя основополагающими чертами: 1) восприятие сообществ сибирского автохтонного населения, исключаяющее учет социально-политической и этнокультурной специфики их устройства; 2) восприятие представителя коренных народов Сибири как «чужого», независимо от его социального статуса (являлся он подданным России или нет).

В сибирском колониальном дискурсе XVII в. первая черта проявляет себя следующим образом. Освоение территорий, населенных коренными народами циркумбайкальского региона, должно было сопровождаться межэтническими и межъязыковыми контактами, результатом которых ожидалось бы употребление в русском документном дискурсе автохтонных заимствований, обозначающих административные должности в бурятском обществе того времени. Этого не происходит, и отсутствие или спорадическое использование в забайкальском региолекте русского языка должностных терминов *даруга*, *зайсан*, *засул*,

тайша, *шуленга*, заимствованных из бурятского, монгольского, китайского языков, объясняется тем, что данные слова заменяются русскими наименованиями *князец* (*князек*), *лучшие люди*. В контексте эпистемы колонизации⁴ и выстраивания жесткой вертикали власти-господства разграничение инородцев по социальному статусу оказывалось ненужным. Эта мысль подтверждается исследованием историка А. С. Зуева, который отмечает, что «русская власть уже с начала присоединения Сибири ввела для местных народов понятную себе самой социальную градацию, которая не вполне отражала реалии социальных и потестарно-политических отношений в аборигенных сообществах», выделяя у них только четыре социальные страты – князья, лучшие люди, улусные люди и холопы [Зуев 2013: 67].

Замещение автохтонных заимствований *даруга*, *зайсан*, *засул*, *тайша*, *шуленга* русскими терминами *князец* (*князек*), *лучшие люди* вызвано выполнением последними функции дискурсом по упрочению имперского сознания у бывших и новых российских подданных, закреплением за термином представления о вассальной зависимости ясачных людей.

Вторая черта актуализируется в строгой дифференциации «своих» и «чужих» в новом социально-политическом пространстве. Для маркирования последних в сибирском колониальном дискурсе XVII в. широко использовался термин *иноземцы*. У данного соционима выявляется солидная история функционирования в русском языке, начиная с XVI в. относительно очень разных категорий ясачного автохтонного населения от Поволжья до севера и северо-востока Сибири⁵. В трудах П. С. Игнаткина, А. С. Зуева, А. Ю. Конева, А. А. Люцидарской, Т. А. Опариной, Г. Х. Самигулова, В. А. Слугиной, Ю. Слѣзкина активно дискутируются вопросы социально-правового статуса этого термина, географии его распространения, конвертации термина из политонима в соционим и др. Большинство исследователей сходятся в том, что «в соционим *иноземец* вкладывался смысл религиозно-культурной инаковости сибирских аборигенов и их неполной политической подчиненности

⁴ Термин «эпистема» с широкой амплитудой колебания его дефиниций ввел в научный оборот Мишель Фуко. В «Археологии знания» (1969) под эпистемой ученый понимает «совокупность связей, способных в определенную эпоху объединить те дискурсивные практики, которые порождают эпистемологические фигуры, науки, а иногда и формализованные системы» [Фуко 2004: 351]. В принципе стратегия отбора среди всех возможных высказываний тех, что могут оказаться принятыми внутри как некой структуры мышления, присуща и языку власти, колониальному дискурсу в частности.

⁵ Так, по характеру ясака выделяются три категории ясачного населения: 1) ясачные Поволжья, которые по типу хозяйства были близки к государственным крестьянам и платили ясак за владение вотчинными правами на медовые угодья и бобровые гоны; 2) ясачные Урала, запада и юга Сибири – охотники, рыболовы либо скотоводы, для которых ясак был основным видом государственной подати, соответствующим типу хозяйства; 3) население севера и северо-востока Сибири, у которого ясак был видом дарообмена [Самигулов 2018: 342].

властям» (такое обобщение точек зрения разных ученых проведено в [Игнаткин 2013: 92]). В то же время уточняется, что в восточно-сибирском употреблении слова «русскими упор делался на таких его значениях, как политическая независимость, сопротивление, противоборство, неподчиненность или неокончательная подчиненность русской власти» [Зуев, Игнаткин 2016: 74].

Материал забайкальских письменных памятников свидетельствует, что соционим *иноземцы* употребляется безотносительно к указанным выше признакам:

*чтобы в том острошке служилым людям от **иноземцов** жить безстрашно ... а государь, их пожалует, велит их от иных **иноземцов** оберегать* (Историч. выбор, №14 с.42, 1648); *велено ссыльного **иноземца** Ондreja Бернацкого з женою и з детьми перевести из Енисейского на Верхотурье и государева ему служба служить* (Историч. выбор, №25, с.138, 1651); *бьют челомъ сироты твои конных тунгусовъ **иноземцы** Баликагирского роду Чянго да Екокогирского роду Байдонко* (Историч. выбор, №27, с.140, 1658); *да блись Яравинского того ж острогу живутъ немирные и неясачные **иноземцы** табунецкие люди* (Историч. выбор, №40, с.155, 1666); *и после его **иноземцы** ясаиные люди Баргузинского и Баунътовского и Кучидцого остроговъ сошлись на Яравну с промысловъ своих* (Историч. выбор, №41, с.156, 1666); *и их де служилых людей и **ясачных** **иноземцовъ** по дорогамъ и под острогами неприятельские **иноземцы** побивают многих* (Историч. выбор, №59, с.249, 1678); *и буде по твоему призыванью те **иноземцы** в православную христианскую веру крещены и намъ великому государю служатъ в христианской вере, и за то мы великий государь жалуемъ тебя похваляемъ* (Историч. выбор, №65, с.310, 1682) и т.п.

Слово *иноземец* в забайкальском региолекте XVII в. обладает широкой семантикой, указывая на врагов русских (*неприятельские иноземцы*), просто на нерусское происхождение представителей коренных народов Сибири (*бьют челом ... конных тунгусовъ иноземцы*), на отношение их к российскому подданству в составных наименованиях *ясачные* (*ясашные*)

иноземцы и *неясачные (неясашные) иноземцы*, а также в свободном употреблении (*те иноземцы ... крещены*). Характерно, что, с одной стороны, это слово в составном наименовании *ясачные (ясашные) иноземцы* выступает синонимом устойчивого выражения *ясачные (ясашные) люди*, а в составе выражения *неясачные (неясашные) иноземцы* – синонимом *неясачные (неясашные) люди*⁶. С другой стороны, оно может употребляться в атрибутивном словосочетании, осложненном приложением: *иноземцы ясашные люди* и *иноземцы неясашные люди*, и в нем существительное *иноземцы*, выступая в роли приложения, характеризует «ясашных» и «неясашных» людей как нерусских. Иными словами, приведенные примеры не позволяют увидеть приписываемые слову семантические признаки «политической независимости, сопротивления, противоборства, неподчиненности или неокончательной подчиненности русской власти», и в сухом остатке получаем выраженный признак инаковости (причем необязательно религиозной), характеристику чуждости автохтонных народов Сибири в рамках оппозиции «свой—чужой».

3 | Сибирский региолект в XVIII в.

Существенные преобразования сибирского региолекта на следующем этапе обусловлены кардинальными переменами, происходившими в жизни Российской империи на протяжении всего восемнадцатого столетия. В смене социокультурного климата определяющую роль сыграли реформы Петра Великого, давшие толчок к применению принципиально новой стратегии дальнейшего освоения Сибири. Петр I понимал: чтобы эффективно управлять такой полиэтнической страной, как Россия, нужно в первую очередь обладать знаниями о народах, ее населяющих. Как верно замечено, «сам имперский принцип власти, процесс построения имперской сверхэтнической идентичности на основе интеграции населяющих территорию империи народов требует возникновения особого института — власти знаний» [Березницкий 2022: 47]. Вспомним в связи с этим инициированные Петром I первые научные экспедиции в Сибирь для сбора и анализа этих знаний – экспедиция Мессершмидта, Первая и Вторая Камчатская экспедиция и др.

⁶ Употребительность словосочетаний *ясачные (ясашные) иноземцы* и *ясачные (ясашные) иноземцы* в забайкальской деловой письменности XVII в. одинакова, и это никак не подтверждает тезис Г.Х.Самигулова о том, что выражение «ясачные люди» было гораздо более распространенным, чем «ясачные иноземцы» [Самигулов 2018: 349].

3.1 Автохтонные заимствования в сибирском региолекте

Следующая прагматическая задача – изучить социокультурные, политические и экономические особенности жизни и быта инородцев (называемых ранее *иноземцами*, *иновърцами*) с тем, чтобы они превратились в истинных подданных Российской империи, перестав быть жителями иной земли, знания о которых ограничивались в основном тем, что они другие. В забайкальском регионе все этнические сообщества захватывает процесс аккультурации, и с российской стороны он реализуется в таком освоении инокультурных явлений, в результате которого последние становятся неременными составляющими социокультурной жизни русских в регионе, а их наименования – элементами активного словаря в их региональной речи. Характерно, что многочисленные автохтонные заимствования в основном из бурятского, а также монгольского, китайского, эвенкийского языков проникают практически во все важные сферы жизнедеятельности русских. Вот лишь некоторые примеры новых иноязычных слов, появившихся в забайкальском региолекте XVIII в.:

Лексика мира природы (флора и фауна, рельеф местности, климат и др.)	Хозяйственно-бытовая лексика (посуда и домашняя утварь, одежда и др.)	Пища, напитки	Ткане-обозначения	Лексика животноводства	Административно-общественная лексика
алагдаган, боболжа, гуран, еврашка, зерен (цере), зумура; арица, ашкара, мыкер, шикша	дыгиль, ергач (яргак), курма, ожи (очи), тырлик, гутулы (бутулы), чарки (черки); кокоур, лонок, калауж (калаус, калауз), капчиг, тулун, хаптагай (хобтагай), ширя	жулань (жулан), затуран, ладзумей (лозумей), луган, саломат, тар, уй 'сорт чая', шаньга, алакша, арака, кумыз, тарасун	голь 'китайская шелковая ткань', даба, далемба, урубок, фанза, чалдар (челдар), шанхай (шенхай) 'вид шелковой ткани'	атан, ботогон, бура, 'верблюд-самец', бурун 'теленос', гурегашек, инга, каширык (качарик, качерик), качарык, халзаной, халюной (калюной), чанкирой, шаргулой	анбан, бошко, ван, дарога, зайсан, зангин, заргучей, окинзангин, тушимел (тушемел), ясаул, цуглан, яла (ела)

Естественным следствием тесных межъязыковых контактов является заимствование безэквивалентной лексики, преимущественно представленной в таблице (названия явлений природы, домашней утвари и посуды, пищи, напитков и др.). Однако следует обратить особое внимание на появление в региолектном словаре немотивированных межъязыковых лакунов, в частности, заимствованных из бурятского языка наименований мастей лошадей (халзаной,

чанкирой) и половозрастных номинаций домашних животных (*инга* ‘самка верблюда’, *каширык* ‘теленка по второму году’). Обозначаемые бурятизмами понятия должны опознаваться и в русской картине мира: скажем, и у русских лошадь может иметь белые отметины на лбу и на ногах, однако у бурят это явление обозначается отдельным словом *халзан*. Активное заполнение лакун в наименованиях лошадиных мастей в русском региолекте уже объясняется воздействием особых социальных факторов того времени, актуальных на территории Забайкалья: например, требованиями детального описания лошадей при таможенном контроле перегона табуна через границу⁷, либо при расследовании кражи или угона лошадей, либо при их продаже, перекупке и пр.

3.2 Ситуация диглоссии в сибирских регионах

Кардинальные изменения в языковой ситуации России XVIII в. приводят, как известно, к формированию литературного языка нового типа. Происходит размежевание социальных функций по разным идиомам: теперь у литературного языка на секуляризированной книжно-славянской основе формируется единая языковая норма, которая позволяет ему выполнять коммуникативные задачи во всех сферах жизнедеятельности Российской империи, в том числе, в сфере официально-деловой коммуникации, ранее автономно обслуживаемой приказным идиомом, в котором исключалось использование книжно-славянских языковых средств.

Народно-разговорному языку оставалось в основном удовлетворять нужды повседневно-бытового общения, и, соответственно, в сибирских регионах складывалась своеобразная языковая ситуация, в которой преимущественно создавалось диглоссийное противостояние литературного языка региолектам нового типа. Если раньше в любых жанрах деловой письменной речи XVII в. разговорные формы служили средствами легитимного дискурса, то в XVIII в. их в этих функциях полностью заменяют книжно-славянские элементы. Поэтому встает вопрос: как реконструируется тот или иной региолект XVIII в., если вход в деловой язык его элементам уже был запрещен?

Разговорная речь (РР) в ее региональном звучании проникала в такие жанры деловой письменности XVIII в., как просительные документы (челобитные, объявления, доношения,

⁷ К примеру, вот как указом Генерального пограничного правления капитану кяхтинского пограничного поста Тренсу отдается распоряжение о том, чтобы перед отсылкой в государев табун описать масть и приметы лошадей, которые были конфискованы у брацкого ясашиного иноземца на границе:

... а по приеме оны^х лошаде^е вышепомянуты^м брацки^м ва^м освидете^лствова^т | по^ллинно ли те лошади в ше^рст^и | и примѣты и него | были всѣты | ежели по свидете^лству по^ллинно | явя^тся те лошади ево то тебе описа^в в ше^рсти | л. 475 об. | | примѣты и прислать оны^х в Чико^ускую Стре^лку (ПЗДП, №2, 1730, с.11).

прошения и пр.), расспросные (допросные) речи, частно-деловые письма, а также в жанры различного рода регистрационной документации (приходно-расходные книги, таможенные книги, описи имущества и др.). Она не могла быть там не представлена, так как особенности коммуникативной направленности и тематики документов предопределяли употребление именно разговорных средств. В подобных случаях эти жанровые разновидности деловой письменности XVIII в. оказываются чуть ли единственным источником реконструкции региолекта: публицистические, художественные произведения, созданные в Сибири и способные также отражать разговорную речь, по крайней мере, в Забайкалье этого периода времени, не найдены. Таким образом, сибирский региолект XVIII в. может быть восстановлен благодаря лингвистическому наполнению указанных выше жанров. Однако сугубо лингвоисточниковедческий подход менее эффективен при анализе функций средств литературного языка и региолекта в тех или иных разновидностях деловой письменности, в частности, в эпистолярном жанре. Обратимся к сравнению двух частных писем – частно-делового письма Егора Егоровича Барботдемарина, начальствующего над Нерчинскими заводами, верхнеудинскому коменданту Аппельгрейну с частным неофициальным письмом купца Иванова своему приказчику Прокопию. Подчеркну, что, несмотря на эпистолярные жанровые разновидности, сложно объяснить резкое функционально-стилистическое различие коммуникативно близкого контента двух писем. Даются фрагменты начала писем:

Письмо Е.Е.Барботдемарина	Письмо купца Иванова
<p>Милостивый государь мой Иванъ Андрѣевичъ ! на благосклонное увѣдомленіе ваше о причинахъ побудившихъ свинечныхъ поставщиковъ повѣреннаго Старкова не отправлять до 1го октября изъ Верхнеудинска въ заводы провіанта имѣю честь въ отвѣтъ служить, что объявленіи Старкову со стороны конского падѣжа неосновательны тѣмъ, что язва на лошадеи владычествовала только по правому берегу Онона...</p> <p>1791 г.</p>	<p>Прокопе[и] я уведомылса что ты купилъ сена а ко мнѣ не писалъ что у тебѣ нѣтъ сена однако тебѣ скоро потребуется сюда для допрошу то я тебѣ советую попросить старосту чтобы онъ тебѣ далъ билетъ до сихъ местъ и ти приезжай сюда поскорее а кобылу отдай с конемъ Шилникову в табунъ а возмы гнѣдова да халзаною ризенкою и возми двухъ хомутовъ ...</p> <p>1785 г.</p>

Текст всего письма Барботдемарина маркирован книжно-славянскими лексемами, в фрагменте выделенными полужирным шрифтом: *благосклонное уведомление,*

неосновательны, сеи, объявлении, язва, наискорые, нуждающихся, почтением, преданностью, покорнейше, покорнейший, владычествовала, милостивый, посему, следовательно. Их функционально-стилистическая роль подчинена достижению коммуникативной цели адресанта и соблюдению правил общения между лицами высокого социального статуса. Например, явно с фатической целью, предусматривающей учет особых социальных отношений между адресантом и адресатом (первый имеет чин коллежского советника, второй – чин секунд-майора), употребляются формула обращения *милостивый государь*, формула речевого этикета *имею честь в ответ служить*.

В тексте письма не встретим ни одного регионализма, и в целом язык письма Барботдемарина в свете ситуации диглоссии следует квалифицировать как носителя «высокого» социолекта, противопоставленного «низкому» региолекту, образцом которого выступает послание своему приказчику купца Иванова.

В последнем коммуникативное намерение адресанта идентично коммуникативной цели письма Барботдемарина – побудить адресата выполнить какие-то конкретные действия. Однако в отличие от письма начальствующего над Нерчинскими заводами письмо Иванова составлено с использованием языковых средств забайкальского региолекта. На разных языковых уровнях выделяются:

- нейтрализация твердых и мягких согласных в позиции перед гласными переднего ряда (*возми – возмы, пересипаль, ти ‘ты’ в ных ‘в них’* и др.);
- неразличение шипящих и свистящих (*допрошу, ризенкою* и др.);
- регионализм *халзаною*;
- синтаксис РР (паратаксис – соединение предикативных частей с помощью союзов *и* и *а*).

Объяснить употребление в частных письмах средств разных социальных идиомов сложно без привлечения понятия языковой личности [Караулов 2006: 29], которое может быть применено в отношении разных представителей забайкальского общества того времени. Очевидно, что высокое социальное положение Е. Е. Барботдемарина обязывает его владеть нормами легитимного языка, роль которого теперь выполняет официально-деловой стиль литературного языка, сформированный с использованием книжно-славянских элементов. В то же время применение в эпистолярном жанре нелегитимных форм языка, к которым относится забайкальских региолект, предопределено коммуникативной компетентностью купца Иванова, ограниченной в диглосной языковой ситуации Забайкалья только знанием своего региолекта.

4 | Заключение

Исследование языка региональных памятников деловой письменности показало, что сибирский колониальный дискурс как совокупность дискурсивных практик московской власти, актуальных при реализации колониальной политики в Сибири и на Дальнем Востоке, в XVII столетии представлен документами определенных жанров, преимущественно указами, памятями, отписками и челобитными. Социальная контекстуализация в документах этих жанров сосредоточена на формировании коллективного представления о типичной культурной модели поведения в процессе колонизации осваиваемых сибирских территорий.

В семнадцатом столетии специфика колониальной политики в Сибири была связана со сбором ясака и проявлялась в такой стратегии поведения русских, которая игнорировала социально-политические и этнокультурные особенности устройства сообществ сибирского автохтонного населения, а также определяла восприятие сибирских аборигенов по признаку социальной и религиозно-культурной инаковости. В колониальном дискурсе это выражалось посредством замещения терминов, обозначавших административные должности в бурятском обществе того времени (*шуленга, даруга, зайсан* и др.) русскими наименованиями *князец (князек), лутчие люди*, призванными закреплять за этими терминами представление о вассальной зависимости ясачных людей. Отчуждение представителей коренных народов Сибири в сибирском региолекте выражалось соционимом *иноземцы*.

Языковые средства в условиях социального контекста указанной социальной политики приобретают новые, так называемые социальные значения. Многие разговорные слова (*острогъ, землица, призвать, сборъ*), выступая в роли средств колониального дискурса, характеризовали новые реалии с позиций государственного строительства и расширения границ Российской империи на восток.

В восемнадцатом столетии принципиально иная политика дальнейшего освоения Сибири, вызванная к жизни реформами Петра I, повлекла за собой смену стратегии проявления этноцентризма и интолерантности русских стратегией адаптации и аккультурации в отношении коренных народов Сибири. Это обусловило резкие изменения в межъязыковых связях русского языка с автохтонными языками. Словарь региолекта пополняется большим количеством автохтонных заимствований, которые обозначали не только новые предметы, ставшие неотъемлемой частью жизнедеятельности русских в регионе, но и те понятия, которые для них получили особую социокультурную значимость и эксплицитное выражение через эти заимствования.

В XVIII в. происходит становление литературного языка нового типа на книжно-славянской основе, и в сибирских регионах обозначается заметное противопоставление по социальным функциям национального литературного языка тому или иному региолекту. В провинции формируется своеобразная ситуация диглоссии, в которой региональный вариант русского языка обслуживает нужды обиходно-бытового общения, а литературный язык – сферы формальной и публичной коммуникации. Прибегая к понятию языковой личности, можно объяснить, как средства данных противостоящих друг другу социальных идиомов используются в одних и тех же жанрах письменной коммуникации.

ЛИТЕРАТУРА

- Березницкий С. В.* (2022) Власть знаний как основа деятельности Петра Первого при создании имперской идентичности России // Кунсткамера. № 1 (15). С. 44–54. DOI: 10.31250/2618-8619-2022-1(15)-44-54
- Букринская И. А., Кармакова О. Е.* (2020) Региональные разновидности устной речи // Русская речь. № 4. С. 7–18. DOI: 10.31857/S013161170010731-3
- Герд А. С.* (2001) Несколько замечаний касательно понятия «диалект» // Русский язык сегодня. Вып. 1. С. 45–52.
- Донецкий региолект: монография* (2018) / под ред. В. И. Теркулова. Донецк: Изд-во ООО «НПП Фолиант». 265 с.
- Ерофеева Е. В.* (2005) Вероятностная структура идиомов: социолингвистический аспект. Пермь: Изд-во Пермского ун-та. 320 с.
- Зуев А. С.* (2013) Освоение Московским государством социально-политического пространства Сибири // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология. Т. 12. Вып. 8. С. 61–72.
- Зуев А. С., Игнаткин П. С.* (2016) «Иноземцы»: «свои» и «иные»: понятийно-терминологическая классификация социально-политического статуса сибирских аборигенов в Московском государстве (конец XVI — начало XVIII века) // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология. Т. 15. № 8. С. 67–85.
- Исторический выбор: Россия — Бурятия в XVII — первой трети XVIII века: документы и материалы* (2014) / авт.-сост. О. В. Бураева, С. С. Бураева, М. Н. Балдано. Иркутск: Оттиск. 783 с.
- Игнаткин П. С.* (2013) Соционим «иноземцы» применительно к народам Сибири в деловой письменности Московской Руси (вторая половина XVI — начало XVII в.) // Гуманитарные науки в Сибири. № 4. С. 92–94.
- Караулов Ю. Н.* (2006) Русский язык и языковая личность. Изд. 5-е, стереотип. М.: КомКнига. 264 с.
- Мишанкина Н. А.* (2014) Лингвистический корпус «Томский региональный текст»: теоретико-методологическое обоснование проекта // Вестник Томского государственного университета. № 389. С. 28–37.
- Никольский Л. Б.* (1976) Синхронная социолингвистика. Теория и проблемы. М.: Наука. 166 с.
- Никольский С. А.* (2017) Империя и культура. Философско-литературное осмысление Октября. М.: ИФ РАН. 126 с.
- Оглезнева Е. А.* (2008) Дальневосточный региолект русского языка: особенности формирования // Русский язык в научном освещении. № 2 (16). С. 119–136.

- ПЗДП — Памятники забайкальской деловой письменности (2005) / под ред. А. П. Майорова. Улан-Удэ: Изд-во Бурятского госуниверситета. 260 с.
- Словарь древнерусского языка (XI—XIV вв.). Т. 6 (2002) / гл. ред. И. С. Улукханов. М.: Русский язык.
- Словарь русского языка XI—XVII вв. (1987). Вып. 13 / гл. ред. Д. Н. Шмелев. М.: Наука.
- Тихомиров М. Н. (1956) Древнерусские города. М.: Изд-во политической литературы. 477 с.
- Трубинский В. И. (1991) Современные русские региолекты: приметы становления // Псковские говоры и их окружение. Псков. С. 156–157.
- Фуко М. (2004) Археология знания / пер. с фр. М. Б. Раковой, А. Ю. Серебрянниковой. СПб.: ИЦ «Гуманитарная Академия»; Университетская книга. 416 с.
- Хорошева Н. В. (2011) Региолект как промежуточный идиом во французском и русском языках // Вестник Пермского университета. Вып. 3 (15). С. 32–36.
- Bhabha H. K. (1994) *The Location of Culture*. London: Routledge. 307 p.
- Eckert P., Labov W. (2017) Phonetics, phonology and social meaning // *Journal of Sociolinguistics*. Vol. 21. No. 4. P. 467–496.
- Grenoble L. A. (2021) Социоллингвистика и языковой сдвиг: к пониманию процессов сдвига через призму носителей // *Социоллингвистика*. № 2 (6). С. 9–35. DOI: 10.37892/2713-2951-2021-2-6-9-35
- Chilton P. A. (2004) *Analysing Political Discourse: Theory and Practice*. London: Routledge.

REFERENCES

- Bereznitsky, S.V. (2022) The power of knowledge as the basis of Peter the Great's activity in creating Russian imperial identity. *Kunstkamera*, 1(15), pp. 44–54. DOI: 10.31250/2618-8619-2022-1(15)-44-54. (In Russian).
- Bukrinskaya, I.A. and Karmakova, O.E. (2020) Regional varieties of spoken language. *Russkaya Rech*, 4, pp. 7–18. DOI: 10.31857/S013161170010731-3. (In Russian).
- Gerd, A.S. (2001) Some remarks on the concept of dialect. *Russkiy Yazyk Segodnya*, 1, pp. 45–52. (In Russian).
- Donetsk Regionalllect: Monograph (2018) Edited by V.I. Terkulov. Donetsk: NPP Foliant. 265 p. (In Russian).
- Erofeeva, E.V. (2005) Probabilistic structure of idioms: sociolinguistic aspect. Perm: Perm University Press. 320 p. (In Russian).
- Zuev, A.S. (2013) The Moscow states mastering of the socio-political space of Siberia. *Vestnik Novosibirskogo Gosudarstvennogo Universiteta. Series: History, Philology*, 12(8), pp. 61–72. (In Russian).
- Zuev, A.S. and Ignatkin, P.S. (2016) Foreigners: insiders and others: conceptual and terminological classification of the socio-political status of Siberian aborigines in the Moscow state (late 16th – early 18th century). *Vestnik Novosibirskogo Gosudarstvennogo Universiteta. Series: History, Philology*, 15(8), pp. 67–85. (In Russian).
- Historical Choice: Russia – Buryatia in the 17th – first third of the 18th century: documents and materials (2014) Compiled by O.V. Buraeva, S.S. Buraeva and M.N. Baldano. Irkutsk: Ottisk. 783 pp.. (In Russian).
- Ignatkin, P.S. (2013) The socionym foreigners applied to the peoples of Siberia in the business writing of Muscovite Russia (second half of the 16th – early 17th century). *Humanities in Siberia*, 4, pp. 92–94. (In Russian).
- Karaulov, Y.N. (2006) *Russian language and linguistic personality*. 5th edn. Moscow: KomKniga. 264 p. (In Russian).

- Mishankina, N.A. (2014) The linguistic corpus Tomsk regional text: theoretical and methodological justification of the project. *Vestnik Tomskogo Gosudarstvennogo Universiteta*, 389, pp. 28–37. (In Russian).
- Nikolskiy, L.B. (1976) *Synchronic sociolinguistics: theory and problems*. Moscow: Nauka. 166 p. (In Russian).
- Nikolskiy, S.A. (2017) *Empire and culture: philosophical and literary reflection on October*. Moscow: IF RAN. 126 p. (In Russian).
- Oglezneva, E.A. (2008) Far Eastern regionallect of Russian: features of formation. *Russkiy Yazyk v Nauchnom Osveshchenii*, 2(16), pp. 119–136. (In Russian).
- PZDP – Monuments of Transbaikalian Business Writing (2005) Edited by A.P. Mayorov. Ulan-Ude: Buryat State University Press. 260 p. (In Russian).
- Dictionary of Old Russian Language (11th–14th centuries), Vol. 6 (2002) Edited by I.S. Ulukhanov. Moscow: Russkiy Yazyk. (In Russian).
- Dictionary of Russian Language (11th–17th centuries), Vol. 13 (1987) Edited by D.N. Shmelev. Moscow: Nauka. (In Russian).
- Tikhomirov, M.N. (1956) *Old Russian towns*. Moscow: Political Literature Publishing House. 477 p. (In Russian).
- Trubinsky, V.I. (1991) Modern Russian regionallects: features of formation. *Pskov Dialects and Their Environment*. Pskov, pp. 156–157. (In Russian).
- Foucault, M. (2004) *Archaeology of knowledge*. Translated from French by M.B. Rakova and A.Y. Serebryannikova. St Petersburg: IC Humanitarian Academy; Universitetskaya Kniga. 416 p. (In Russian).
- Khorosheva, N.V. (2011) Regionallect as an intermediate idiom in French and Russian languages. *Vestnik Permskogo Universiteta*, 3(15), pp. 32–36. (In Russian).
- Bhabha, H.K. (1994) *The location of culture*. London: Routledge. 307 p.
- Eckert, P. and Labov, W. (2017) Phonetics, phonology and social meaning. *Journal of Sociolinguistics*, 21(4), pp. 467–496.
- Grenoble, L.A. (2021) Sociolinguistics and language shift: understanding shift processes through the lens of speakers. *Sociolinguistics*, 2(6), pp. 9–35. DOI: 10.37892/2713-2951-2021-2-6-9-35.
- Chilton, P.A. (2004) *Analysing political discourse: theory and practice*. London: Routledge.

Майоров Александр Петрович – д. филол. наук, проф., вед. научн. сотрудник, Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН, Москва, ул. Волхонка, 18/2
Адрес: 670033, Российская Федерация, Улан-Удэ, ул. Ветеранская, д. 24.
Эл. адрес: map1955@mail.ru
<https://orcid.org/0000-0001-9453-8212>

Aleksandr P. Mayorov – Doctor of Philology, Professor, Leading Research Fellow, Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences, Russia. Moscow, Volkhonka, 18/2
Address: Veteranskaya 24, Ulan-Ude, Russia, 670033.
E-mail address: map1955@mail.ru
<https://orcid.org/0000-0001-9453-8212>

Для цитирования: *Майров А.П.* Русский язык XVII - XVIII вв. в Сибири как предмет региональной социолингвистики // Социолингвистика. 2025. № 4 (24). С. 14–33. DOI: 10.37892/2713-2951-4-24-14-33

For citation: *Mayorov A.P.* the Russian language of the 17th-18th centuries in Siberia as a subject of regional sociolinguistics // Sociolinguistika. 2025. No. 4 (24). Pp. 14–33. (In Russian). DOI: 10.37892/2713-2951-4-24-14-33

Заявление о конфликте интересов | Conflict of interest statement

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares no conflicts of interests.

The article was submitted 02.03.2025;
approved after reviewing 10.08.2025;
accepted for publication 30.11.2025.

<https://doi.org/10.37892/2713-2951-4-24-34-53>

ТЕРМИН *ИНОРОДЕЦ* В ИСТОРИКО-ЛИНГВИСТИЧЕСКОМ ОСВЕЩЕНИИ

УДК 81.272

Ольга В. Трофимова

Тюменский государственный
университет,

Российская Федерация

Дарима Ш. Харанутова

Бурятский государственный
университет
имени Доржи Банзарова,

Российская Федерация

Примечание

Исследование выполнено при поддержке Министерства науки и высшего образования Российской Федерации в рамках проекта «Фундаментальные проблемы методики разработки и связанного с ней правового и этического регулирования в сфере применения систем и моделей искусственного интеллекта» (FEWZ-2024-0052).

Аннотация

Статья посвящена истории происхождения, употребления и семантической эволюции термина *инородцы*, относящегося к делопроизводственной и законодательной лексике русского языка XIX — начала XX вв. Введенный в официальный оборот в 1822 году в уставе «Об управлении инородцев», термин первоначально имел нейтральную окраску и использовался как обобщающее наименование коренных народов Сибири, населявших окраины Российской империи.

На материале этимологических, исторических и толковых словарей XVIII–XXI в. раскрывается, как семантика слова изменялась под влиянием социально-политических факторов, расширяясь от обозначения конкретных этносов до более абстрактного понятия «другой» в социальном, этническом и религиозном плане. Рассматриваются официальные документы — именные и сенатские указы, уставы, опубликованные в «Полном собрании законов Российской империи», — демонстрирующие использование термина в различных исторических эпохах и административных практиках.

В статье анализируется становление термина *инородцы* как категории, отражающей социальные, этнические и религиозные различия в контексте истории Российского государства, а также последующая трансформация термина в советской и современной лингвистике.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: инородцы, инородный, коренные народы Сибири, НКРЯ, ГИКРЯ, лексикографические источники, указы, историзм

<https://doi.org/10.37892/2713-2951-4-24-34-53>

THE TERM *INORODETS* IN A HISTORICAL AND LINGUISTIC PERSPECTIVE

UDC 81'272

Olga V. Trofimova

Tyumen State University,

Russian Federation

Darima Sh. Kharanutova

Buryat State University
named after D. Banzarov,

Russian Federation

Acknowledgment

The study was supported by the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation as part of the project “Fundamental Problems of Development Methodology and Related Legal and Ethical Regulation in the Application of Artificial Intelligence Systems and Models” (FEWZ-2024-0052).

Abstract

The article is devoted to the history of the origin, usage, and semantic evolution of the term *inorodtsy* (literally “foreigners” or “people of different origin”), which belongs to the bureaucratic and legislative lexicon of the Russian language in the 19th and early 20th centuries. Introduced into official circulation in 1822 in the Charter “On the Administration of *Inorodtsy*,” the term initially had a neutral connotation and was used as a general designation for the indigenous peoples of Siberia, residing on the outskirts of the Russian Empire.

Based on etymological, historical, and explanatory dictionaries from the 18th to 21st centuries, the study reveals how the semantics of the word shifted under socio-political influences, expanding from the designation of specific ethnic groups to a more abstract notion of “the other” in social, ethnic, and religious terms. Official documents – including nominative and Senate decrees, statutes, and publications of the Complete Collection of Laws of the Russian Empire – demonstrate the term’s use across different historical periods and administrative practices.

The article analyzes the development of *inorodtsy* as a category reflecting social, ethnic, and religious distinctions within the history of the Russian state and its subsequent transformation in Soviet and modern linguistics.

KEYWORDS: *inorodtsy*, *inorodny*, indigenous peoples of Siberia, NKRYa, GIKRYa, lexicographic sources, decrees, historicism

1 | Введение

В официальном делопроизводстве и законодательных актах для обозначения народов и племенных группировок, постепенно включавшихся в состав Российского государства в XVI–XIX столетиях, использовались разные термины: *иноземцы*, *иноверцы*, *ясашные*, *инородцы* и т. д. Исследование этой тематической группы привлекает внимание специалистов различных областей гуманитарного знания: историков, социологов, правоведов и языковедов (А. А. Люцидарской [Люцидарская 1995], П. С. Игнаткина [2013, 2016], А. С. Зуева [Зуев 2016], А. Ю. Конева [Конев 2014], В. В. Колесова [Колесов 2014] и др.).

Из этой группы наибольшей распространенностью на сегодняшний день характеризуется термин *инородец*: возможно, сказываются его родственные связи с прилагательным *инородческий* (вспомним терминологизированные словосочетания типа *инородческие племена*, *инородческий вопрос*, *инородческие управы* и т. д.). Да и само слово *инородец* стало часто мелькать и на страницах СМИ, и на просторах интернета – правда, с несколько другим, измененным смысловым наполнением.

Интересующий нас термин *инородец* изначально появился как обобщающее наименование коренных народов Сибири, населявших окраины Российской империи, согласно уставу «Об управлении инородцев» (1822 г.)⁸.

Сегодня официальный термин *инородцы* интерпретируют иначе. Например, в «Словаре лингвистических терминов» Т. В. Жеребило слово оценивается как «дискриминационный термин, вышедший из употребления». Далее в словарной статье: «До 1917 г. употреблялся для обозначения лиц неславянского происхождения, исповедующих нехристианскую религию» (Жеребило, 2010: 121). Это толкование коррелирует с оценкой и толкованием слова в «Словаре социолингвистических терминов» под ред. В. Ю. Михальченко (ССТ): «Лицо нерусской, неславянской национальности, а также лицо, исповедующее нехристианскую религию. Термин употреблялся в Российской империи и обычно указывал на неравноправное положение человека иной этнической и религиозной принадлежности. В самом начале советской эпохи термин ещё не имел отрицательной окраски, при этом использовался шире, чем до революции:

⁸ Одним из интереснейших исследований на эту тему является работа А. Ю. Конева, которая посвящена истории формирования понятия «инородцы» [Конев, 2014]. В ней определяется время появления исследуемого термина в российской политико-правовой лексике и введения его в оборот в качестве обобщающего наименования коренных народов Сибири. Для изучения вопроса автор помимо архивных источников впервые обращается к раритетным словарям и справочникам-указателям, изданным в XVIII столетии.

к инородцам перечисляли всё нерусское население страны, включая ранее никогда не включавшихся сюда украинцев и белорусов. В дальнейшем термин вышел из употребления как дискриминационный» (ССТ: 76).

Между тем главной причиной появления слова *инородцы* явилось присоединение Сибири к России, начавшееся в конце XVI века, в результате которого в подданство русскому царю было приведено большое количество аборигенных разноэтничных групп населения, проживавших там. Как отмечает П. С. Игнаткин, «поиски способов выработки новых обобщающих названий как для уже известных автохтонных этносоциумов Сибири, так и для тех, с которыми только начиналось знакомство, приводили центральную и местную власть, а также землепроходцев к мысленному масштабированию территорий Северной Азии с проживающими там аборигенами, что влекло к отходу от использования конкретных этнических названий коренных народов Сибири в пользу абстрагирования их образов и подталкивало к выделению более общих признаков, объединявших “сибирских иноземцев”» [Игнаткин 2013: 159]. В официальном делопроизводстве для обозначения этносов, проживающих в Сибири, появились термины *иноверцы*, *иноземцы*, *инородцы* и др. При этом термин *иноверцы* стал употребляться с начала XVIII в., заменив использовавшийся до этого термин *иноземцы*⁹, затем в конце XVIII в. появляется термин *инородцы*.

Заметим, что вышеперечисленные сложные слова объединяет корневая морфема *ин-* (от *иной*), которая «с XII в. <...> получает новое значение ‘другой’: *иноплеменники*, *инородцы*, *иностранные*, *иноверные*, *инойязычные* усеивают листы русских летописей» [Колесов 2014: 880]. Существующие исследования о словах данной тематической группы свидетельствуют об изменении значения: это «другие» люди – *другой веры*, *другой земли*, *другого языка*, *другой страны*, *другого рода* и т. д.

«В древнерусском языке *инъ* и *иной* всегда соответствует греческому *ἄλλος* ‘другой, последующий, всякий прочий’. Он сам по себе, хотя и стоит в общем ряду себе подобных. В сущности, нет более точного описания и распределения лиц в родовой общине: каждый одновременно и один, и иной, индивидуально выделен, но социально все тот же. *Другой* же всегда противопоставлен остальным...» [Колесов 2014: 880–881]. «Словарь Академии Российской» 1792 г. подтверждает (САР, т. 3: стб. 307): *иный* и *иной* ‘другий, **не** тот же самый’ [выделено нами. — О. Т., Д. Х.]. Иначе говоря: от первых памятников древнерусского языка ко

⁹ Исследованию термина *иноземцы* посвящено много публикаций (см. труды П. С. Игнаткина, А. С. Зуева, А. Ю. Конева, А. А. Люцидарской, Т. А. Опариной, Г. Х. Самигулова, В. А. Слугиной, Ю. Слёзкина и др.).

времени формирования русского литературного языка процесс энантиосемии словокорня *инь*, судя по словарям, созданным по письменным текстам, завершился. Однако, как свидетельствуют современные источники, в речевой практике носителей русского языка он оказался связанным с глубинными основами миропонимания и потому вызывающим порой неосознанную эмоционально-оценочную реакцию.

Итак, будем исходить из того, что инородцы в XIX – начале XX в. — «другие», в первую очередь, в социальном отношении.

Исследуя «историю появления и первоначальное значение» слова *инородец*, А. Ю. Конев находит в качестве исходного термин *инородный* в «Материалах...» И. И. Срезневского (а также в «Лексиконе» В. Н. Татищева) и делает вывод, что он «использовался в средневековой русской книжности для обозначения отсутствия либо нарушения кровного родства в противоположность сродству/единородству. Он не нес смысловой нагрузки, связанной с отличиями по принадлежности к какому-либо этносу или государству» [Конев, 2014: 118]. После изучения более 200 архивных документов XVII – начала XVIII в., «относящихся к различным аспектам правительственной политики в отношении туземных народов Урало-Поволжья и Сибири», и не обнаружив в них термина *инородцы*, А. Ю. Конев уверен, что «мнение исследователей, которые считают, что понятие “инородцы”, наряду с терминами “иноверцы” и “иноземцы”, вошло в употребление уже на раннем этапе освоения Сибири и азиатского Севера и закрепилось за нехристианскими народами новозавоеванных территорий <...>, следует признать неосновательным» [Там же: 117].

2 | Лексикографические источники

Для уточнения того, когда появилось слово *инородец* и в каком значении оно бытовало в то время, обратимся к лексикографическим источникам.

В «Материалах для словаря древнерусского языка» И. И. Срезневского, в качестве словарных доминант указываются *иновѣръныйи*, *иноплеменьникъ*, *иностранныи*, *инойзычныи*, но не *инородцы*, при этом прилагательное *инородъныйи* толкуется как ‘разнородный’. Однако гипероним находим при толковании второго значения слова *иный* ‘другой, *alius*’: «Иного рода сжшти (ἀλλογενής, *инородецъ*). Панд. Ант. XI в.» (обратим внимание на год издания словаря — 1893 г.; судя по графику НКРЯ, слово употреблялось тогда достаточно активно) (Срезневский, т. 1, стб. 1101, 1105, 1106, 1108, 1109).

В СлРЯ XI–XIV существительных *инородец*, *инородцы* также нет, прилагательное же *инородьнь* толкуется иначе: ‘свободный, родной по отцу или по матери’ (СлРЯ XI–XIV, т. 4, с. 160). Прочие слова из тематической группы с *ино-* толкуются как ‘чужеземец’ (*иноплеменникъ*), ‘иноземец’ и ‘иноверец’ (*иностранныкъ*), ‘еретический’ (*иновѣрный*); прилагательное *инойзычьнь* имеет два значения: этнографическое ‘инойзычный, варварский’ и (в роли сущ.) оценочное ‘тот, кто говорит двояко, лукавит’ (Там же, с. 156, 159, 162).

О неупотреблении слова *инородец* до XVII века свидетельствует и «Частотный словарь русского языка второй половины XVI – начала XVII века», составленный А. А. Грузбергем по 27 памятникам дипломатической, бытовой и деловой письменности, включая «Историю о Казанском царстве» и статейные списки Ф. Писемского, П. Волкова, А. Резанова и др. [Грузберг, 1974: 3-5]. Необходимо отметить, что в то же время однокоренные существительные и прилагательные тематической группы с *ино-* достаточно активны: *иноверец* (5), *иноверный* (21), *иногородец* (6), *иноземец* (63), *иноземский* (1), *иноизбиенный* (1), *иноплеменный/иноплемянный* (16), *иноплеменник/иноплемянник* (19), *иноплемяннический* (4), *инославный* (15), *иностранный* (1), *инойзычник* (2), *инойзычный* (5) [Грузберг, 1974: 184-185].

Итак, судя по словарям, до XVII века слово *инородец* не употребляется, хотя уже встречается прилагательное *инородный*.

Но уже в СлРЯ XI–XVII находим (преимущественно с толкованием посредством цитат) слово *инородец*: («1. Иноверный. <...>. 2. В знач. сущ. <...>»), *иноплеменникъ* ‘иноплеменник’; *инородец* («1. Единственно рожденный, единственный. <...>. 2. **Иноородец (о нерусских, об иностранцах в Русском государстве. <...>)**»; *иностранный* («1. Иноверный (нехристианский); иноземный <...>. 2. В знач. сущ. *иноземец*, *иноверец*, варвар»); *инойзычный* («1. Неверный, относящийся к язычеству (?). <...>. 2. Говорящий на другом языке, иноплеменный. <...> 3. Иноземный. <...>») (СлРЯ XI–XVII, т. 6: 237, 241, 243, 244.). Как видим, слова *инородец* и *иностранец* воспринимаются авторами словаря как синонимы.

Прилагательное же *инородный* в словаре представлено как многозначное, в первом значении совпадающее с толкованием И. И. Срезневского, во втором — частично со значением в СлРЯ XI–XIV: «*прил.* 1. Разнородный. <...> 2. Рожденный от другой матери или отца. <...> 3. В знач. сущ. *инородец*, *иноплеменник*. Иноплеменницы – инороднии и иноземцы. Алф.¹, 99 об. XVII в.» (СлРЯ XI–XVII, т. 6, с. 242). Источник единственной для третьего значения цитаты — рукописная «Книга, глаголемая гречески алфавит» из фондов Библиотеки Академии наук в Санкт-Петербурге (СлРЯ XI–XVII, справ. вып., с. 270).

В первом академическом толковом словаре, «Словаре Академии Российской» 1792–1796 гг., *инородный* имеет значение ‘иноплеменный, чужеземный’, *инородец* — ‘иноплеменник, чужеземец’ (САР, т. 5, стб. 37); заметим, что в значении слова актуальны семы «земля» и «чужой». Далее, помня о гнездовом принципе составления данного словаря, обращаем внимание на то, что эти сложные слова помещены внутри гнезда с доминантой *род* (с первым значением ‘племя, происхождение целого поколения’ (САР, т. 5, стб. 32), но не *иный*, *иной*, хотя в этом гнезде все слова имеют один корень *ин-* (САР, т. 3, стб. 307–310). Заметим, сема «чужой» толкуется не с отрицательной коннотацией, а с нейтральной — «другой»: *другого племени, другого рода, другой земли*.

Во втором академическом словаре 1847 г. толкования не содержат семы «земля», но в нем есть «род» и «племя»: *инородный* ‘принадлежащий к иному роду, иноплеменный’, *инородец* ‘человек иного рода, иноплеменник’ (Сл 1847, т. 2: 133).

Однако в современном «Словаре русского языка XVIII века» все три корня (*земл-, род-, плем-*) представлены как синонимы: «*Иноородец* — человек иного рода, иноплеменник, иноземец» (СлРЯ XVIII, т. 9: 99).

Таким образом, в русском языке до-национального (до-литературного, т. е. «до языка Пушкина») периода семантика сложных слов с первым корнем *ин-* и вторым (одним из корней *земл-, вер-, плем-, род-, стран-, язык-*) оказывается, по данным указанных выше словарей, тождественной, что и порождает, например, семантическую неопределенность однокоренных слов-терминов (по крайней мере, для современного реципиента) в контекстах указов первого «Полного собрания законов Российской империи» (о чем см. ниже).

В словаре же В. И. Даля в толкованиях слов *инородец, инородка* отсутствуют семы, связанные с корнями *земл-, вер-, стран-, язык-*; семантика *ин-* реализуется через значение ‘другой’ и уточняется через ‘чужой’ («уроженец другого, чужого племени или народа») и иллюстрируется сочетанием *сибирские инородцы*, т. е. «коренные жители, самоеды, якуты, остяки и пр.»; у прилагательного *инородный* фиксируется прежнее значение (Даль, т. 2: 46).

Государственно-административное, а не только торговое и научное освоение Сибири, возрастание значимости этого региона Российской империи в жизни страны в целом (т. е. той же самой земли!) приводит к постепенному осознанию того, что *иноземцы* — это чужие, а *инородцы* — свои. Ср., в частности, следующую цитату из лекций В. О. Ключевского о русской истории: «Периоды нашей истории — этапы, последовательно пройденные нашим народом в занятии и разработке доставшейся ему страны до самой той поры, когда, наконец,

он посредством естественного нарождения и поглощения встречаемых *инородцев* распространился по всей равнине и даже перешёл за её пределы» [Ключевский] (НКРЯ).

Отметим особо, что в «Полном церковно-славянском словаре...» (1900 г.) нет словарной статьи с доминантой *инородец*, но присутствие этого понятия в когнитосфере словаря передается через существительное *иноплеменник*, которое толкуется как 'иностранец'. Здесь же находим: *инодальный* 'иностранец, отдаленный', *иноличный* 'другого цвета', *иномыслен* 'простой', *инославный* 'державшийся другого исповедания, иноверный', *иноверие* 'чуждая, неправая вера' (где 'иной' = 'другой' = 'чужой' = 'неправильный', что закономерно в специальном, православном, словаре) (Полный 1900, с. 223). Ср. в общерусских словарях, отражающих официальное и, следовательно, нейтральное, безоценочное, понимание терминов: *иноверие* 'догматы и обряды вероисповедания, не сходного с господствующим' (Сл 1847, т. 2, с. 132); *иноверец* 'кто исповедует иную, различную с кем или не господствующую в государстве веру' (Даль, т. 2: 45).

3 | Законодательные документы

Издание первого «Полного собрания законов Российской империи» (1649–1825 гг.; ПСЗРИ¹) датируется 1830 г. (<https://runivers.ru/lib/book3130/9846/>). Известно, что формуляр указа как вида (жанра) документа не предполагает наличия реквизита «Название». Однако составители ПСЗРИ¹ во главе с М. М. Сперанским каждому опубликованному ими документу дали заголовок, что существенно облегчает поиск необходимых источников по алфавитным указателям. Исследованная нами выборка по темам «Сибирь», «Иностранцы», «Иноверцы» составила 57 документов 1686–1825 гг., гипероним *инородец* находим в четырех заголовках:

1) Именной указ, данный Сибирскому Приказу, «О нечинении казней и пыток Сибирским ясачным *инородцам* ни по каким делам без доклада Государям, об охранении их от обид и налогов и притеснений, о присылке приказчиков для ясачного сбора людей добрых по выбору градскому, и о наблюдении, чтобы они ясачных людей не грабили, запрещенными товарами не торговали, и вина не курили и не продавали» (№ 1526, 26 декабря 1695 г.) — в тексте указа для называния предмета речи использованы словосочетания *ясачные люди*, *ясачные люди и иноземцы*, *ясачные иноземцы*, *ясачные иноземцы* (ПСЗРИ¹, т. 3, с. 213–215);

2) Именной указ Сибирскому Приказу «О неприводе табаку в улусы к *инородцам* для мены на соболи и на всякую рухлядь, под смертною казнию...» (№ 1590, 23 июня 1697 г.) — в тексте: «... в ясачные улусы к *иноземцам*...» (ПСЗРИ¹, т. 3, с. 329);

3) Именной указ «О непокупке Бухарцам и Калмыкам в Тобольске и в других городах соболей и мягкой рухляди, об отыскании достойных людей для проповеди Евангелия Сибирским *инородцам* и Китайцам ...» (№ 1800, 18 июня 1700 г.) — в тексте: «...чтоб приезжие Бухарцы и Калмыки <...> у *иноземцов* и Русских людей соболей <...> не покупали...»; «... для проповеди в тех *идолопоклонных народах*, тако ж и для приведения *ясачных народов* в веру Христианскую и святое крещение...» (ПСЗРИ¹, т. 4, с. 59–61);

4) Высочайше утвержденный «Устав об управлении *инородцев*» (№ 29126, 22 июля 1822 г.) — первый документ, имеющий в официальном заголовке термин *инородцы*, который используется как в названиях частей Устава (Часть I. Права *инородцев*; Часть II. Состав Управления *инородцами*; Часть III. Наказ Управлению *инородцами*. Часть IV. О порядке сборов податей и повинностей с *инородцев*), так и по всему тексту (ПСЗРИ¹, т. 38, с. 394–417). В формулировке «Устав об управлении *инородцев*» термин упоминается в «Учреждении для управления Сибирских Губерний» (документ № 29125, 22 июня 1822 г.). В нем гипероним *инородцы* (без его толкования) впервые фиксируется в § 99, начинающемся словами: «Управление в Округах малолюдных, населенных кочующими *инородцами*...» (Там же, с. 355).

Однако в «Учреждении...» используется и термин-субститут *инородный*, имеющий следующее толкование: «§ 143. Под именем *инородных* разумеются все племена обывателей не Российского происхождения, в Сибири обитающие» (Там же, с. 358).

В Уставе же определения как такового термину *инородцы* не находим: в его начале происходит процедура поэтапного отождествления упраздняемого термина с новым: «§ 1. Все обитающие в Сибири *инородные* племена, именуемые по ныне *ясачными*, <...> разделяются на три главные разряда. <...> § 2. Первого разряда или *оседлые инородцы* суть <...> § 3. Второго разряда или *кочевые инородцы* суть <...> § 4. *Инородцы* третьего разряда или *бродячие* суть <...>» (Там же, с. 394). Представляется важным обратить внимание на разграничение в § 12 Устава: «Оседлые *инородцы*, Христианскую веру исповедующие, не отличаются от Россиян никаким особым названием; те же из них, кои исповедуют языческую или Магометанскую веру, для различия от прочих, именуются оседлыми *иноверцами*» (Там же, с. 395). В качестве комментария приведем цитату со значимой иллюстрацией из академического словаря 1847 г.: «Иноверец — не держащийся господствующего вероисповедания; исповедующий иную веру. В России находится много *иноверцов*» (Сл 1847, т. 2, с. 132).

Тем же числом, 22 июля 1822 г., датируются еще три документа, регламентирующие жизнь в сибирских губерниях, — положения о земских повинностях, о казенных хлебных запасных магазинах и о разборе исков «по обязательствам, заключаемым в Сибирских Губерниях обывателями разных сословий» (№ 29132, № 29133, № 29134), в текстах которых равнозначны гиперонимы *инородцы* и *инородные*, в частности: «§ 32. *Инородным*, имеющим свои письма, не запрещается писать и записывать условия на их языке» (ПСЗРИ¹, т. 38: 559). Однако в последующих четырех указах (август 1822 г. — февраль 1825 г.), тематически последних в ПСЗРИ¹, фиксируем только сочетание *кочующие народы* или же конкретные этнонимы (гипонимы), например, *Буряты Тункинские, Ольхонские Братские, Больше-Земельские Самояды* и др. (ПСЗРИ¹, т. 38, с. 582; т. 39, с. 385, 386, 470, 471; т. 40, с. 62).

Во втором собрании, насчитывающем 125 томов и включающем документы с 1825 по 1880 г., инородческой проблематике, согласно «Общему алфавитному указателю» (ПСЗРИ², Общ., т. 2: 128–130), посвящено **86 документов** 1831–1872 гг., получивших при публикации, например, такие заголовки, включающие термин *инородцы*:

1) Высочайше утвержденное Положение Сибирского Комитета «О запасном капитале для Камчатских *инородцев*» (№ 6054, 15 марта 1833 г.) — в тексте указа находим: *Камчадалы, тамошние инородцы, инородцы, Камчатские инородцы* (ПСЗРИ², т. 8, отд. 1, с. 148–150);

2) Высочайше утвержденный «Устав об управлении Самоедами, обитающими в Мезенском уезде Архангельской губернии» (№ 8071, 18 апреля 1835 г.) — в тексте: *Самоеды, Сибирские инородцы, бродячие инородцы* (ПСЗРИ², т. 10, отд. 1: 331–346);

3) Именной указ, объявленный Сенату Министром Народного Просвещения, «О мерах к образованию населяющих Россию *инородцев*» (№ 48185, 26 марта 1870 г.) — в тексте: *инородцы, дети Татар-Магометан, инородцев-нехристиан* (ПСЗРИ², т. 45, отд. 1, с. 314);

4) Высочайше утвержденное Положение Комитета Министров, объявленное Сенату Управляющим Министерством Государственных Имуществ, «О предоставлении Генерал-Губернатору Восточной Сибири права награждать должностных лиц Чукотских обществ и других *инородцев* установленными для государственных крестьян форменными кафтанам» (№ 51180, 5 августа 1872 г.) — это последний из перечисленных в алфавитном указателе документов на тему «Инородцы». В его тексте содержатся следующие фрагменты: «из обитающих в пределах Якутской области *инородцев* чукчей Большой Тундры образовано пять обществ»; «как на чукчей, так и на прочих *инородцев* Восточной Сибири»; «разрешить должностным лицам в Чукотских обществах право носить, кроме форменных кафтанов и кортика, по образцу тех, коими награждались вообще *инородцы*, но с тем, чтобы кортики эти

служили только знаком должности, а не наградой и при смене одного лица были передаваемы другому, вновь избранному должностному лицу» (ПСЗРИ², т. 47, отд. 2: 364–365).

Таким образом, если использование термина *инородцы* в документах, включенных в ПСЗРИ² (как на этапе создания документов, так и при их публикации), отражало его актуальное функционирование в государственно-административном дискурсе XIX в. начиная с 22 июля 1822 г. в соответствии с принятым в уставе «Об управлении инородцев» толкованием, то в отношении указов, вступивших в силу до этой даты, употребление термина *инородцы* следует считать дискуссионным.

4 | Термин *инородцы* в историческом дискурсе

Необходимо отметить, что термин *инородцы* применяется в исторических текстах, описывающих события до 1822 г. (мы помним, что это характерно для русских историков, в частности XIX в., например: «... ятвяги были окружены славянами и с одной стороны примыкали к Литве, следовательно, их название отнюдь не изобретено немцами; а под колбягами, как теперь с достоверностью можно сказать, разумелись кочевые или полукочевые *инородцы* южной Руси... [Д. И. Иловайский. Начало Руси (1876)¹⁰]; «*Инородцы*, входившие в пределы Новгородской земли и имевшие с ними столкновения, были: *водь, чудь, емь, корела, заволочьская чудь, печора, югра, пермь* [Н. И. Костомаров. Севернорусские народоправства во времена удельно-вечевого уклада (1863)]; «В XVI веке Аникий Строгонов водворился в Сольвычегодске, <...> вел большой торг мехами с *инородцами*, привлекал к себе русских переселенцев и нажил громадное состояние [Н. И. Костомаров. Русская история в жизнеописаниях ее главнейших деятелей. Выпуск третий: XV–XVI столетия (1862–1875)]; «Болотников погиб, но его попытка всюду нашла отклик: везде крестьяне, холопы, поволжские *инородцы* — все беглое и обездоленное поднималось за самозванца [В. О. Ключевский. Русская история. Полный курс лекций. Лекции 41–53 (1904)¹¹]]».

¹⁰ По данным НКРЯ, в двух текстах Д. И. Иловайского всего 27 употреблений слова *иноронец/инородцы*. Интересно, что в той же монографии «Начало Руси» есть две цитаты с сочетанием *дикие народы* в конструкции противопоставления: «борьбы как с соплеменниками [германцами. — О. Т.], так и с *дикими* угро-тюркскими *народами*»; «в соседстве с *дикими* и культурными *народами*».

¹¹ НКРЯ дает всего 24 цитаты со словом *иноронец/инородцы* из восьми текстов В. О. Ключевского. Однако в той же лекции историк единожды упоминает *дикие народы*, рассказывая о восприятии России Юрием Крижаничем: «Для торговли она заперта со всех сторон либо неудобным морем, пустынями, либо *дикими народами* <...>». Отметим также, что, например, в текстах Н. И. Костомарова (источниках НКРЯ) нет сочетания *дикие народы*, в то время как в семи произведениях Н. М. Карамзина, включенных в НКРЯ, нет *инородцев*, только *дикие народы* (16 использований), в частности: «Россия испытала тогда все бедствия, <...> когда северные *дикие народы* громили ее цветущие области» [Н. М. Карамзин. История государства Российского: Том 4 (1808–1820)].

О схожих ситуациях в историческом дискурсе Л. Н. Гумилев говорил так: «Этноним был тот же, но этнос другой, а это бывает часто» [Гумилев, 1993: 374].

5 | Изучение инородцев силами Русского географического общества

Основанное в России в 1845 г. Русское географическое общество одним из ведущих направлений своей деятельности считало изучение азиатской части России и народов, её населяющих. Термин *инородцы* в это время был уже официально принят. В изданном к 25-летию Общества «Обзрении деятельности Императорского Русского географического общества по Отделению этнографии, действ. чл. Л. Н. Майкова» читаем: «В то время, когда учреждалось наше Общество, <...> были лишь частные, почти случайные попытки изучения русского народа и обитающих в России *инородцев*, основанные на скудном количестве данных <...> [Отделение этнографии] имело в виду, что в пределах России обитает, кроме господствующего русского племени, значительное количество *инородцев*, быт которых сложился под особенными условиями и потому подлежит наблюдению с особых точек зрения» [Двадцатипятилетие, 1872: 47, 49].

Литература, посвященная этому направлению деятельности РГО, представлена в научном аппарате к изданию «“Описание о происхождении языков инородческих племен в Восточной и Западной Сибири”: тексты и контексты» [Описание, 2024], как и лингвистический комментарий к каждому из слов, входящему в название исследуемой в данной монографии архивной рукописи, включая слово *инородец* [Описание, 2024, с. 54–71].

Обратим внимание на следующие слова из «Инструкции этнографической», включенной в «Свод инструкций для Камчатской экспедиции, предпринимаемой Императорским Русским географическим обществом» 1852 г., в некоторой степени объясняющие формируемую на протяжении последних десятилетий отрицательно-оценочную окраску слова *инородец*: «Не должно также упускать из виду и те названия, которыми разные отделы туземного населения означаются у своих соседей-туземцев, а также и у русских, которые с ними знакомы, хотя бы сии последние принадлежали к разряду тех произвольных, насмешливых или ругательных прозвищ, которыми русский человек вообще любит наделять *инородцев*» [Свод, 1852: 18].

6 | Толковые словари современного русского языка

В первом советском толковом словаре под ред. Д. Н. Ушакова при толковании слова *инородец* подчеркивается значимость нового государственного строя и его идеологии в противовес социальной политике царской России.

Слово представлено в качестве не имеющего дискриминационной оценки историзма, при этом остаются значимыми корни *ин-*, *род-*; сема «земля» (актуальная, как показано выше, в исторических словарях до сер. XIX в. и в современных ассоциациях) конкретизируется через административно-географическое словосочетание *восточные окраины*; появляются элементы значения «малый», «меньший» (отмеченные и в ассоциациях); обращается внимание на диахроническую подвижность значения слова: «Иноходец <...> (офиц. дореволюц.). *Первонач.* человек иной народности; впоследствии, как выражение великодержавной идеологии, — человек, принадлежащий к одной из малых народностей, составлявших национальное меньшинство в б. Российской империи (преимущ. о народностях восточных окраин)». Прилагательное *инородный* получает расширенное значение ‘чуждый, посторонний; обладающий совсем другими свойствами’, которое проиллюстрировано примерами *и. явление*, *и. тело* (Ушаков, т. 1, стб. 1209), при этом устойчивое сочетание *инородное тело* толкуется как ‘что-то постороннее, попавшее в чуждую, не свою среду’ (Ушаков, т. 4, стб. 673).

В 17-томном академическом словаре 1956 г. у гиперонима *инородец* появляются помета «устар.» и критерий, уточняющий «иную народность», — «представитель нерусской народности», при сохранении таких составляющих толкования слова, как «официальный», «дореволюционная Россия», «по преимуществу <...> восточной окраины» (БАС, т. 5, стб. 366).

В словаре С. И. Ожегова принадлежность слова к историзмам передается через начальный детерминант времени и места: «В царской России: уроженец восточной, по преимуществу, окраины России, принадлежащий к одному из национальных меньшинств». Значение прилагательного *инородный* толкуется аналогично значению в словаре под ред. Д. Н. Ушакова, сохраненному и в позднейших словарях, однако здесь впервые выделяется переносный оттенок значения ‘о человеке, попавшем в чуждую ему среду, обстановку’ (Ожегов: 222). Отметим, что переносное значение прилагательного проецируется на единичного человека, вне его отнесенности к национальному сообществу, что было и остается основополагающим при толковании однокоренного существительного.

Словарь под ред. А. П. Евгеньевой иллюстрирует значение прилагательного *инородный* сочетанием *инородные явления*, но для оборота *инородное тело*, помимо первого, специализированного (медицинского), предлагает второе значение ‘о ком-, чем-л. чуждом,

постороннем, мешающем'. На сему «мешающий» следует обратить особое внимание при изучении современного функционирования слова *инородец*, которое в качестве термина сохраняет академическую помету «устар.» и «официальный» и включает элементы значения «дореволюционная Россия», «нерусская народность», «обычно восточной окраины Российской империи» (МАС: 669); аналогичные помету и толкование гиперонима видим в словарях под ред. С. А. Кузнецова (БТС: 394) и К. С. Горбачевича (Горбачевич: 292). В толковом словаре Т. Ф. Ефремовой находим толкование, расширенное за счет введения отдельных этнонимов, указания периода активного функционирования слова и обобщенного адресанта: «Наименование, которое давалось царскими чиновниками уроженцам восточной и южной России в XIX — начале XX вв. (обычно кочевым народам: *бурятам, калмыкам, киргизам, якутам* и некоторым другим, обитавшим на территории Сибири и Казахстана)» (инородцы — Толковый словарь Ефремовой).

Как видим, указанные толковые словари русского языка не фиксируют никакой отрицательной оценочности и «дискриминационного» характера у слова *инородец*, как нет и не было его ни при рождении слова, ни в процессе функционирования, что наглядно иллюстрируется материалами официальных документов.

Итак, слово *инородец* появилось как официальное название для нейтрального обозначения принадлежности к другой этнической группе, оно обозначало «своих», но живущих в Сибири, функционировало активно в официальных документах XIX–XX вв. Сейчас его пытаются вернуть в новом, не характерном для него значении, придать ему отрицательную окраску.

Например, в словаре актуальной лексики начала XXI в. под ред. Г. Н. Складневской подчеркивается, что слово *инородец* употребляется «обычно в речи националистов»; см. цитату из официальной «Российской газеты» 2004 г. «Неонацизм в России уже не тот: <...> избивают и убивают тех, кого считают “инородцами”, врагами <...>» (Складневская: 404).

В ответ на запрос «*инородец*» и «*инородцы*» от 26.10.2025 Генеральный интернет-корпус русского языка ГИКРЯ, версия 1.0 (<http://webcorpora.ru>), куда загружены тексты с платформ «ВКонтакте» и «Живой журнал», были получены две выборки контекстов 2006–2015 гг., включающие 73 цитаты, содержащие формы единственного числа, и 77 — множественного. Анализ материалов показал стилистическую и семантическую неоднородность контекстов, преимущественно отрицательно-оценочных¹², рисующих образ

¹² Здесь и далее, иллюстрируя высказываемые положения, мы избегаем приводить наиболее радикальные, практически экстремистские цитаты из текстов ГИКРЯ и НКРЯ.

врага, чужака, иноверца, а также язычника: «... сам термин “язычник” также имеет довольно пренебрежительный оттенок. “Языками” славяне называли представителей иных народностей, то есть тех, кто говорит на других языках, и потому в буквальном смысле “язычник” — это “инородец”» (https://moskvam.ru/publications/publication_1936.html?ysclid=mhok4ujt448689180).

Эти размышления М. Н. Кузнецова 2015 г. о «неоязыческой псевдолингвистике» тиражируются в блогосфере, например: «Говоря простым советским языком, язычник — это иноверец и *инородец*, представитель чужого народа, чужого языка, чужой культуры» (perunica.ru/forum/topic_449/2). Заметим, как исказили семантику слов *иноверец*, *инородец*, заменив значение корневой морфемы *ин-* «другой» на «чужой»!

Думается, что «благодаря» таким текстам и происходит формирование неверного представления о термине *инородец*, и в современной речи оно начинает восприниматься как пренебрежительное, высокомерное, подчеркивающее чужеродность слово.

7 | Заключение

Итак, слово *инородец* — термин, относящийся к делопроизводственной и законодательной лексике русского языка XIX - начала XX вв. и демонстрирующий неразрывную связь с историей Российского государства. Введенный в официальный оборот в 1822 г., он пополнил тематическую группу слов с корнем *ин-* (иной) со значением «другой».

Материалы этимологических, исторических и толковых словарей русского языка XVIII–XXI вв. показывают, что семантика термина *инородцы* изначально была нейтральной, это слово служило обобщающим наименованием коренных народов Сибири, использовалось в официальном делопроизводстве и законодательных актах. Подтверждение тому находим в текстах именных и сенатских указов, уставов и других официальных документов, посвященных Сибири, опубликованных в первом и втором изданиях «Полного собрания законов Российской империи».

Вряд ли мы можем на сегодняшний день констатировать серьезнейший семантический сдвиг в значении термина *инородцы* и говорить об аннулировании его первоначального значения. Тем не менее, словарь социолингвистических терминов (ССТ) и словарь под редакцией Т. В. Жеребило фиксируют использование термина с ранее нейтральной окраской в качестве дискриминационного с отрицательной коннотацией, что является тревожным знаком.

По-видимому, для того чтобы слова, вышедшие из активного употребления в настоящее время, не возвращались в активный оборот с отрицательной коннотацией, не превращались в

политически некорректные термины, существует необходимость в лексикографическом предъявлении и реконструкции некоторых фрагментов исторической и общественной жизни государства в рамках определенного исторического времени.

ИСТОЧНИКИ

- БАС* (1956) Словарь современного русского литературного языка: в 17 т. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1948–1965. Т. 5 (И–К). 969 с.
- БТС* (2000) Большой толковый словарь русского языка: А–Я / Рос. акад. наук, Ин-т лингв. исслед.; Сост., гл. ред. С. А. Кузнецов. СПб.: Норинт. 1534 с.
- ГБУТО ГАТО* — Государственное бюджетное учреждение Тюменской области «Государственный архив Тюменской области».
- Грузберг А. А.* (1974) Частотный словарь русского языка второй половины XVI – начала XVII века. Пермь: Пермский ГПИ. 462 с.
- Даль В. И.* (1989) Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. М.: Русский язык. Т. 2: И – О. 779 с., 1 портр.
- Ефремова Т. Ф.* (2000) Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный. М.: Русский язык. URL: <https://gufo.me/dict/efremova/> (дата обращения: 12.12.2023).
- Жеребило Т. В.* (2010) Словарь лингвистических терминов. Изд. 5-е, испр. и доп. Назрань: ООО «Пилигрим». 486 с.
- МАС* (1985–1988) Словарь русского языка: в 4 т. / Под ред. А. П. Евгеньевой. 3-е изд., стереотип. М.: Русский язык. Т. 1. А – Й. 1985. 696 с.; Т. 4. С – Я. 1988. 800 с.
- НКРЯ* — Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. URL: <https://www.ruscorpora.ru> (дата обращения: 28.06.2024).
- Ожегов С. И.* (1981) Словарь русского языка / под ред. докт. филол. наук, проф. Н. Ю. Шведовой. 13-е изд., испр. М.: Русский язык. 816 с.
- Полный церковно-славянский словарь* (1900) (со внесением в него важнейших древнерусских слов и выражений), содержащий объяснения малопонятных слов и оборотов / сост. свящ. магистр Г. Дьяченко. М.: Тип. Вильде. 1120 с.
- Преображенский* (2010) Этимологический словарь русского языка: в 2 т. М.: Издательство ЛКИ. Т. 1 (А – О). 720 с.
- ПСЗРИ*¹ (1830) Полное собрание законов Российской империи / сост. М. М. Сперанский. СПб.: Тип. II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии. Т. 3. 694 с.; Т. 4. 890 с.; Т. 11. 991 с.; Т. 21. 1070 с.; Т. 38. 1354 с.; Т. 39. 639 с.; Т. 40. 761 с.
- ПСЗРИ*² (1830–1885) Полное собрание законов Российской империи. СПб.: Тип. II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии. Т. 2. 1830. 1561 с.; Т. 8. 1834. 833 с.; Т. 10. 1836. 917 с.; Т. 45. 1874. 897 с.; Т. 47. 1875. 1049 с.
- САР* (1789–1794) Словарь Академии Российской, производным порядком расположенный: в 6 ч. СПб. Ч. 1. От А до Г. 1789. 634 с.; Ч. 3. От З до М. 1792. 761 с.; Ч. 5. От Р до Т. 1794. 602 с.
- Скляревская Г. Н.* (2006) Ваулина Е. Ю., Скляревская Г. Н., Ткачева И. О., Фивейская Е. А. Толковый словарь русского языка начала XXI века. Актуальная лексика / Под ред. Г. Н. Скляревской. М.: Эксмо. 1136 с.
- Сл* (1847) Словарь церковнославянского и русского языка, составленный Вторым отделением императорской Академии наук. Репр. изд.: в 2 кн. СПб.: Изд-во С.-Петербургского университета, 2001. Кн. I (Т. I, II). 928 с.
- Сл ДЗ* (1981) Лексика и фразеология «Моления» Даниила Заточника / отв. ред. Е. М. Иссерлин. Л.: Издательство ЛГУ. 232 с.

- СлРЯ XI–XIV* (1991) Словарь древнерусского языка (XI–XIV вв.): в 10 т. / гл. ред. Р. И. Аванесов. М.: Русский язык. Т. 4 (изживати – моление). 559 с.
- СлРЯ XI–XVII* (1979, 2004) Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 6 (Зипунь – Иянуарий). М.: Наука. 359 с.; Справочный выпуск. М.: Наука, 2004. 814 с.
- СлРЯ XVIII* (1991, 1997) Словарь русского языка XVIII века. Вып. 6 (Грызться – Древный). Л.: Наука. 256 с.; Вып. 9 (Из – Каста). СПб.: Наука. 270 с.
- Срезневский И. И.* (1893) Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам: [в 3 т.]. СПб.: Тип. Имп. Акад. наук, 1893–1903. Т. 1. А – К. 1420 стб., 49 с.
- ССТ* (2006) Словарь социолингвистических терминов / отв. ред. В. Ю. Михальченко. М.: Институт языкознания РАН. 312 с.
- СЯП* (2000) Словарь языка Пушкина: в 4 т. / Отв. ред. акад. АН СССР В. В. Виноградов. 2-е изд., доп. М.: Азбуковник. Т. 2: 3–Н. 1088 с.
- Ушаков Д. Н.* — Толковый словарь русского языка: в 4 т. М.: Гос. ин-т «Сов. энцикл.», ОГИЗ; Гос. изд-во иностр. и нац. слов., 1935–1940. Т. 1. А – Кюрины. 1935. 1566 стб.; Т. 4. С – Ящурный. 1940. 1500 стб.
- Фасмер М.* (1986) Этимологический словарь русского языка: в 4 т. / Пер. с нем. и доп. О. Н. Трубачева. М.: Прогресс, 1964–1973. Т. 2 (Е – Муж). 672 с.

ЛИТЕРАТУРА

- Двадцатипятилетие* (1872) Двадцатипятилѣтіе Императорскаго Русскаго Географическаго Общества. 13 января 1871 года. С. Петербургъ: Типографія Майкова, въ д. Мин. Фин., на Дворц. площ. 1872. С. 47–58. URL: https://elib.rgo.ru/safe_view/123456789/211876/1/MDA0X1IucGRm/ (дата обращения: 12.12.2023).
- Игнаткин П. С.* (2013) Соционим «иноземцы» применительно к народам Сибири в деловой письменности Московской Руси // Гуманитарные науки в Сибири. № 4.
- Зуев А. С., Игнаткин П. С.* (2016) Параметры социально-политической идентификации коренных народов Сибири в Московском государстве XVII в.: к вопросу о семантике соционима «иноземцы» // От Смуты к Империи. Новые открытия в области археологии и истории России XVI–XVIII вв. М.; Вологда. С. 24–30.
- Колесов В. В.* (2014) Древнерусская цивилизация. Наследие в слове. М.: Институт русской цивилизации. 1120 с.
- Конев А. Ю.* (2014) «Инородцы» Российской империи: к истории возникновения понятия // Теория и практика общественного развития. № 13. С. 117–120.
- Люцидарская А. А.* (1995) От «иноземцев» к «инородцам» (один из аспектов колонизации Сибири) // Аборигены Сибири: проблемы изучения исчезающих языков и культур. Новосибирск. Т. 2. С. 165–169.
- Описание* (2024) «Описание о происхождении языков инородческих племен в Восточной и Западной Сибири»: тексты и контексты / исслед., публ., коммент. *Е. Ф. Афанасьева, В. Ю. Гусев, Е. Н. Коновалова* [и др.]; под ред. д-ра филол. наук, проф. *О. В. Трофимовой*. Тюмень: ТюмГУ-Press. 480 с. (Новое «старое» о Сибири; кн. 2).
- Свод* (1852) Свод инструкций для Камчатской экспедиции, предпринимаемой Имп. Русским географическим обществом. СПб. 111 с.

SOURCES

- BAS (1956) *Dictionary of the Modern Russian Literary Language*. 17 vols. Moscow; Leningrad: Publishing House of the USSR Academy of Sciences, 1948–1965. Vol. 5 (I–K). 969 pp. (In Russian).

- BTS (2000) *The Big Explanatory Dictionary of the Russian Language: A–Ya*. Russian Academy of Sciences, Institute of Linguistic Research; compiled and edited by S.A. Kuznetsov. St. Petersburg: Norint. 1534 pp. (In Russian).
- GBUTO GATO — State Budget Institution of the Tyumen Region “State Archive of the Tyumen Region”. (In Russian).
- Gruzberg, A.A. (1974) *Frequency Dictionary of the Russian Language of the Second Half of the 16th – Early 17th Century*. Perm: Perm State Pedagogical Institute. 462 pp. (In Russian).
- Dal, V.I. (1989) *Explanatory Dictionary of the Living Great Russian Language*. 4 vols. Moscow: Russkii Yazyk. Vol. 2: I–O. 779 pp., 1 portrait. (In Russian).
- Efremova, T.F. (2000) *New Dictionary of the Russian Language: Explanatory and Word-Formation Dictionary*. Moscow: Russkii Yazyk. Available at: <https://gufo.me/dict/efremova/> (Accessed: 12 December 2023) (In Russian).
- Zherebilo, T.V. (2010) *Dictionary of Linguistic Terms*, 5th ed., revised and supplemented. Nazran: Pilgrim LLC. 486 pp. (In Russian).
- MAS (1985–1988) *Dictionary of the Russian Language*. 4 vols. Edited by A.P. Evgeneva. 3rd ed., stereotyped. Moscow: Russkii Yazyk. Vol. 1: A–I, 1985. 696 pp.; Vol. 4: S–Ya, 1988. 800 pp. (In Russian).
- NCRL — *National Corpus of the Russian Language* [Electronic resource]. Available at: <https://www.ruscorpora.ru> (Accessed: 28 June 2024) (In Russian).
- Ozhegov, S.I. (1981) *Dictionary of the Russian Language*. Edited by Doctor of Philology N.Yu. Shvedova. 13th ed., revised. Moscow: Russkii Yazyk. 816 pp. (In Russian).
- Complete Church Slavonic Dictionary* (1900) (including the most important Old Russian words and expressions, with explanations of obscure words and phrases), compiled by Rev. G. Dyachenko. Moscow: Vilde Printing House. 1120 pp. (In Russian).
- Preobrazhensky (2010) *Etymological Dictionary of the Russian Language*. 2 vols. Moscow: LKI Publishing. Vol. 1 (A–O). 720 pp. (In Russian).
- PSZRI1 (1830) *Complete Collection of the Laws of the Russian Empire*. Compiled by M.M. Speransky. St. Petersburg: Printing House of the II Department of His Imperial Majestys Own Chancellery. Vol. 3. 694 pp.; Vol. 4. 890 pp.; Vol. 11. 991 pp.; Vol. 21. 1070 pp.; Vol. 38. 1354 pp.; Vol. 39. 639 pp.; Vol. 40. 761 pp. (In Russian).
- PSZRI2 (1830–1885) *Complete Collection of the Laws of the Russian Empire*. St. Petersburg: Printing House of the II Department of His Imperial Majestys Own Chancellery. Vol. 2, 1830. 1561 pp.; Vol. 8, 1834. 833 pp.; Vol. 10, 1836. 917 pp.; Vol. 45, 1874. 897 pp.; Vol. 47, 1875. 1049 pp. (In Russian).
- SAR (1789–1794) *Dictionary of the Russian Academy, arranged in derivational order*. 6 parts. St. Petersburg. Part 1: A–G, 1789. 634 pp.; Part 3: Z–M, 1792. 761 pp.; Part 5: R–T, 1794. 602 pp. (In Russian).
- Sklyarevskaya, G.N., Vaulina, E.Yu., Tkacheva, I.O., Fiveyskaya, E.A. (2006) *Explanatory Dictionary of the Russian Language of the Early 21st Century: Current Lexis*. Edited by G.N. Sklyarevskaya. Moscow: Eksmo. 1136 pp. (In Russian).
- SI (1847) *Dictionary of Church Slavonic and Russian Language*, compiled by the Second Department of the Imperial Academy of Sciences. Reprint ed.: 2 vols. St. Petersburg: St. Petersburg University Press, 2001. Vol. 1 (Vols. I, II). 928 pp. (In Russian).
- SI DZ (1981) *Lexicon and Phraseology of “Molenie” by Daniil Zatochnik*. Edited by E.M. Isserlin. Leningrad: Leningrad State University Press. 232 pp. (In Russian).
- SIRY XI–XIV (1991) *Dictionary of Old Russian Language (11th–14th centuries)*. 10 vols. Edited by R.I. Avanesov. Moscow: Russkii Yazyk. Vol. 4 (izhivati – molenie). 559 pp. (In Russian).
- SIRY XI–XVII (1979, 2004) *Dictionary of the Russian Language (11th–17th centuries)*. Issue 6 (Zipun – Ianuarii). Moscow: Nauka. 359 pp.; Reference issue. Moscow: Nauka, 2004. 814 pp. (In Russian).

- SIRY XVIII (1991, 1997) *Dictionary of the Russian Language of the 18th Century*. Issue 6 (Gryztzsa – Drevnyi). Leningrad: Nauka. 256 pp.; Issue 9 (Iz – Kasta). St. Petersburg: Nauka. 270 pp. (In Russian).
- Sreznevsky, I.I. (1893) *Materials for the Dictionary of the Old Russian Language Based on Written Monuments*. 3 vols. St. Petersburg: Printing House of the Imperial Academy of Sciences, 1893–1903. Vol. 1: A–K. 1420 columns, 49 pp. (In Russian).
- SST (2006) *Dictionary of Sociolinguistic Terms*. Edited by V.Yu. Mikhilchenko. Moscow: Institute of Linguistics RAS. 312 pp. (In Russian).
- SYAP (2000) *Dictionary of Pushkins Language*. 4 vols. Edited by Academician V.V. Vinogradov. 2nd ed., revised. Moscow: Azbukovnik. Vol. 2: Z–N. 1088 pp. (In Russian).
- Ushakov, D.N. *Explanatory Dictionary of the Russian Language*. 4 vols. Moscow: State Institute “Soviet Encyclopedia”, OGIZ; State Publishing House of Foreign and National Dictionaries, 1935–1940. Vol. 1: A–Kyuriny, 1935. 1566 columns; Vol. 4: S–Yashchurny, 1940. 1500 columns. (In Russian).
- Fasmer, M. (1986) *Etymological Dictionary of the Russian Language*. 4 vols. Translated from German and supplemented by O.N. Trubachev. Moscow: Progress, 1964–1973. Vol. 2 (E–Muzh). 672 pp. (In Russian).

LITERATURE

- Dvadsatipiatiletie (1872) *Twenty-Fifth Anniversary of the Imperial Russian Geographical Society, 13 January 1871*. St. Petersburg: Maikov Printing House. pp. 47–58. Available at: https://elibrary.ru/safe_view/123456789/211876/1/MDA0X1IucGRm/ (Accessed: 12 December 2023) (In Russian).
- Ignatkin, P.S. (2013) Socionym “Inozemtsy” in relation to the peoples of Siberia in the business correspondence of Muscovite Russia. *Humanities in Siberia*, 4. (In Russian).
- Zuev, A.S. and Ignatkin, P.S. (2016) Parameters of socio-political identification of indigenous peoples of Siberia in the Muscovite state in the 17th century: on the semantics of the socionym “Inozemtsy”. In: *From the Time of Troubles to the Empire: New Discoveries in Archaeology and History of Russia, 16th–18th Centuries*. Moscow; Vologda. pp. 24–30. (In Russian).
- Kolesov, V.V. (2014) *Old Russian Civilization: Heritage in the Word*. Moscow: Institute of Russian Civilization. 1120 pp. (In Russian).
- Konev, A.Yu. (2014) “Inorodtsy” of the Russian Empire: on the history of the concept. *Theory and Practice of Social Development*, 13, pp. 117–120. (In Russian).
- Lyucidarskaya, A.A. (1995) From “Inozemtsy” to “Inorodtsy” (one aspect of the colonization of Siberia). In: *Aborigines of Siberia: Problems of Studying Endangered Languages and Cultures*. Novosibirsk, Vol. 2, pp. 165–169. (In Russian).
- Opisanie (2024) *Description of the Origin of the Languages of Indigenous Tribes in Eastern and Western Siberia: Texts and Contexts*. Edited by E.F. Afanasyeva, V.Yu. Gusev, E.N. Konovalova, et al.; ed. by Dr. O.V. Trofimova. Tyumen: Tyumen State University Press. 480 pp. (New “old” on Siberia; Vol. 2) (In Russian).
- Svod (1852) *Compilation of Instructions for the Kamchatka Expedition Undertaken by the Imperial Russian Geographical Society*. St. Petersburg. 111 pp. (In Russian).

Ольга Викторовна Трофимова – доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры языкознания и литературоведения, Тюменский государственный университет.

Адрес: 625003, Российская Федерация, Тюмень, ул. Ленина, д. 12.

Эл. адрес: o.v.trofimova@utmn.ru

<https://orcid.org/0000-0002-0577-2443>

Дарима Шагдуровна Харанутова - доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры русского языка и общего языкознания, Бурятский государственный университет имени Доржи Банзарова.

Адрес: 670000, Республика Бурятия, город Улан-Удэ, улица Смолина, 24а.

Эл. адрес: dkharanutova@mail.ru

Е-mail: dkharanutova@mail.ru.

<https://orcid.org/0000-0001-5692-5393>

Olga V. Trofimova – Doctor of Philological Sciences, Professor, Professor of the Department of Linguistics and Literary Studies, University of Tyumen.

Address: Lenin Str., Building 12, Tyumen, Russia, 625003.

E-mail: o.v.trofimova@utmn.ru

<https://orcid.org/0000-0002-0577-2443>

Darima Sh. Kharanutova – Doctor of Philology, Associate Professor, Professor of the Department of Russian Language and General Linguistics, Buryat State University named after Dorzhi Banzarov.

Address: Smolina St. 24a, Ulan-Ude, Republic of Buryatia, Russia, 670000.

Email: dkharanutova@mail.ru

<https://orcid.org/0000-0001-5692-5393>

Для цитирования: Трофимова О. В., Харанутова Д. Ш. Термин *инородец* в историко-лингвистическом освещении // Социолингвистика. 2025. № 4 (24). С. 34–53. DOI: 10.37892/2713-2951-4-24-34-53

For citation: Trofimova O.V. The term *inorodets* in a historical and linguistic perspective // Sociolinguistika. 2025. No. 4 (24). Pp. 34–53. (In Russian). DOI: 10.37892/2713-2951-4-24-34-53

Заявление о конфликте интересов | Conflict of interest statement

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

The authors declare no conflicts of interests.

The article was submitted 01.08.2025;
approved after reviewing 26.11.2025;
accepted for publication 30.12.2025.

ЯЗЫКИ НАРОДОВ РОССИИ

LANGUAGES OF THE RUSSIAN FEDERATION

<https://doi.org/10.37892/2713-2951-4-24-54-68>**ЯЗЫКОВЫЕ ОРИЕНТАЦИИ СОВРЕМЕННЫХ ТУВИНЦЕВ:
РЕЗУЛЬТАТЫ СОЦИОЛИНГВИСТИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ**

УДК 321.01:81'272

Байлак Ч. Ооржак

Тувинский институт
гуманитарных и прикладных
социально-экономических
исследований при
Правительстве РТ,
Российская Федерация

Эллада К. Аннай

Тувинский институт
гуманитарных и прикладных
социально-экономических
исследований при
Правительстве РТ,
Российская Федерация

Байлак М. Тензин

Тувинский институт
гуманитарных и прикладных
социально-экономических
исследований при
Правительстве РТ,
Российская Федерация

Аннотация

В последнее время социолингвисты все больше акцентируют внимание на субъективных аспектах языковой ситуации, так как они играют ключевую роль в понимании отношения языкового сообщества к своему языку и определяют условия его сохранения или исчезновения. Языковые ориентации носителей выступают важным индикатором их приверженности к родному языку, что подчеркивает значимость изучения субъективных факторов в социолингвистике.

В статье представлены результаты анализа языковой ситуации в Республике Тыва, основанные на данных социолингвистического анкетирования 2023 года. Целью анкетирования было выявление языковых ориентаций тувинцев молодого возраста. Результаты анкетирования показали, что большинство респондентов осознает ценность тувинского языка как элемента национальной идентичности. Однако в повседневном общении с детьми предпочитается русский язык, что связано с желанием обеспечить детям успешное будущее через овладение им.

Таким образом, тувинский язык теряет одну из своих наиболее устойчивых сфер функционирования – общение в семье. В такой ситуации главным условием сохранения родного языка, его развития и передачи новым поколениям является активность самих носителей, а также повышение престижа родного языка в условиях прагматичного подхода к решению языкового вопроса.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: тувинский язык; родной язык; языковая ситуация; языковые ориентации; Республика Тыва

<https://doi.org/10.37892/2713-2951-4-24-54-68>

LINGUISTIC ORIENTATIONS OF MODERN TUVANS: RESULTS OF SOCIOLINGUISTIC RESEARCH

UDC 321.01:81'272

Bailak Ch. Oorzhak

Tuvan Institute of Humanitarian
and Applied Socio-Economic
Research under the Government
of the Republic of Tuva,
Russian Federation

Ellada K. Annai

Tuvan Institute of Humanitarian
and Applied Socio-Economic
Research under the Government
of the Republic of Tuva, Russian
Federation,
Russian Federation

Bailak M. Tenzin

Tuvan Institute of Humanitarian
and Applied Socio-Economic
Research under the Government of
the Republic of Tuva, Russian
Federation,
Russian Federation

Abstract

In recent years, sociolinguists have increasingly focused on the subjective aspects of the linguistic situation, as these play a crucial role in understanding a speech community's attitudes toward its language and in determining the conditions for its maintenance or decline. Speakers' language orientations serve as an important indicator of their commitment to the native language, which underscores the significance of studying subjective factors in sociolinguistics.

This article presents the results of an analysis of the linguistic situation in the Republic of Tuva, based on data from a sociolinguistic survey conducted in 2023. The aim of the survey was to identify the language orientations of young Tuvan speakers. The survey results demonstrate that the majority of respondents recognize the value of the Tuvan language as a core element of national identity. However, Russian is preferred in everyday communication with children, a choice motivated by the desire to secure children's future success through proficiency in Russian.

As a result, the Tuvan language is losing one of its most stable domains of functioning – family communication. Under these conditions, the primary prerequisites for the preservation, development, and intergenerational transmission of the native language are the active engagement of its speakers themselves, along with an increase in the prestige of the native language within a pragmatic approach to language policy.

KEYWORDS: Tuvan language; native language; linguistic situation; linguistic orientations; Republic of Tuva

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0).

© Bailak Ch. Oorzhak, Ellada K. Annai, Bailak M. Tenzin, 2025

1 | Введение

Вопросы функционирования тувинского языка как родного языка титульной нации в Республике Тыва и одного из государственных на территории республики является одним из актуальных. Этой теме посвящены работы отечественных социолингвистов и тувиноведов [Аранчин, Монгуш, 1992; Селиверстова, 2005; Мартан-оол, 2014; Цыбенова, 2017; Бавуу-Сюрюн, 2021; Донгак, 2021; Биткеева, Цыбенова, 2022; Боргоякова, Биткеева, 2023; Ооржак, Аннай, Ондар, Саая, 2024; Боргоякова, Донгак, 2024; и др].

Тувинский народ на протяжении своей многовековой истории, сохраняя свои тюркские корни, имел контакты с разными родственными и неродственными народами. В исторически обозримом прошлом, засвидетельствованном письменными памятниками, тувинцы входили в состав Цинской империи. Культурно-исторические, территориальные и языковые контакты с монголами продолжались до первой четверти XX в. [Аранчин, 2011; История Тувы, 2014]. В это же время, в конце XIX и начале XX в. тувинцы начали контактировать с носителями русского языка [Катанов, 1903]. Первые русские переселенцы и приехавшее в Туву в последующее время (до 1940-х гг.) русское население овладевали тувинским языком, поэтому наблюдался групповой русско-тувинский билингвизм [Татаринцев, 1974; Бавуу-Сюрюн, 2021]. С другой стороны, шло развитие тувинско-русского билингвизма. По мнению Б. И. Татаринцева, развитие тувинско-русского билингвизма можно разделить на следующие периоды: 1) конец XIX в. – начало 30-х гг. XX в. – период индивидуального тувинско-русского билингвизма, когда имели место устные заимствования; 2) начало 30-х гг. – середина 40-х гг. XX в. – период группового (культурного) билингвизма, время письменного пути заимствования; 3) середина 40-х гг. – 70-е гг. XX в. – период массового устного и письменного билингвизма [Татаринцев, 1974: 14].

Согласно результатам первых социолингвистических исследований в Туве, проведенных Институтом истории, филологии и философии СО РАН СССР 1967 г., русский язык знали и использовали на селе – 60,8 %, в городе – 88,7 % тувинцев [Сердобов, 1980: 24]. «Уровень владения русским языком у тувинцев в советские годы (60-80-е гг. XX в.) равнялся приблизительно 70,0%» [Цыбенова, 2017: 64]. Однако М. В. Бавуу-Сюрюн справедливо полагает, что считать период до 70-х гг. XX в. временем перехода к массовому тувинско-русскому билингвизму некорректно [Бавуу-Сюрюн, 2021: 241]. Отдаленность и транспортная труднодоступность Тувы по сравнению с другими регионами России, национальный состав, в

котором преобладает титульная нация, не способствовали сбалансированному развитию билингвизма в республике.

Действительно, данные Всесоюзной переписи 1979 года показывают, что только 37,5% тувинского населения владело русским языком. По переписи 1989 года этот показатель увеличился до 58,3%. При этом уровень владения тувинским языком был выше 99 %. Согласно переписи 2010 года уровень владения русским языком среди тувинцев равнялся 81,9 %, а тувинским – 98,9 %.¹³ (по данным [Цыбенова, 2017: 64]).

При этом официальные данные 2021 г. показали, что в Российской Федерации проживают около 303 тыс. тувинцев, из них тувинским языком владеют 87,2 % [Боргоякова, Донгак, 2024: 79], в повседневной жизни тувинский язык используют 81,8 %, а русским языком владеют 90,8 % [там же]. Впервые за все время количество владеющих¹⁴ русским языком тувинцев оказалось выше (на 9,0 %)¹⁵, чем тувинским. При этом «по параметру признания языка родным тувинский язык традиционно представлен высокими показателями – 95,5 %, русский язык признали родным лишь 1,46 % тувинцев» [там же].

Этому способствовали различные факторы, связанные как с общим направлением языковой политикой в Российской Федерации, так и с языковыми ориентациями носителей тувинского языка. В соответствии с п. 6 статьи 14 Закона об образовании Российской Федерации (2018 г.) изучение родного языка и языка образования стало определяться свободным выбором родителей. В связи с обязательностью сдачи ЕГЭ по русскому языку и изучения других дисциплин на русском языке все больше родителей в выборе языка в образовательных учреждениях предпочитают для своих детей русский язык как язык обучения. Переход дошкольного и школьного образования с 2018 учебного года в республике на русский язык также отразился в результатах проведенного опроса.

По справедливому определению С. Ф. Сегленмей, в настоящее время по языковой компетенции складывается три группы тувинских детей: «1) дети, которые хорошо владеют и родным тувинским языком, и русским языком – билингвы; 2) дети, которые знают свой родной язык, но плохо или в недостаточной мере владеющие русским языком; 3) дети, которые владеют только русским языком, не говорящие на языке родителей, полагающие, что родной

¹³ Данные 1979 и 1989 г. по кн.: Советская Тува в цифрах. Стат.сб. – Кызыл, 1991 г.; Данные 2010 г. по сведениям: <http://www.gks.ru>

¹⁴ При этом уровни владения русским языком различны. Анализ по шкале уровней владения русским языком у тувинско-русских билингвов не проводился.

¹⁵ Эти 9 % этнически тувинцев владеют только русским языком, тувинский язык – язык родителей, не знают.

язык не обязателен (их число постепенно возрастает). Родители этих детей считают, что “Родной язык” – лишний предмет в образовании, мешающий учебе» (Сегленмей, 2016: 106).

Указом № 274 от 21 августа 2023 г. Главой Республики Тыва был принят государственный документ «Стратегия государственной поддержки развития тувинского языка в Республике Тыва на период с 2024 по 2033 гг.»¹⁶. Причиной особого внимания со стороны республиканских властей к вопросу функционирования тувинского языка явилось явное возрастание количества тувинских детей, которые не владеют родным языком [Биткеева, Боргоякова, 2023].

Для социалингвистического анализа языковой ситуации, в которой взаимодействуют и функционируют несколько языков, важным и необходимым аспектом является исследование языковой компетенции и языковых установок данного сообщества [Цыбенова, 2017: 62]. Целью данной статьи является освещение некоторых результатов проведенного в 2023 г. анкетирования относительно языковой ситуации в Республике Тыва, а именно основных результатов опроса, которые касаются проблемы языковой ориентации молодых тувинцев в республике. Возраст респондентов, принявших участие в исследовании: 55% – 22-13 лет (2001-2010 г. р.), 27% – 37-23 лет (1986-2000 г. р.), 13% – 52-39 лет (1971-1985 г. р.), 5% – 84-54 года (1940-1970 г. р.), большинство опрошенных респондентов относятся к молодому поколению. Опрос и его анализ проводились сотрудниками сектора языкознания Тувинского института гуманитарных и прикладных социально-экономических исследований при Правительстве Республики Тыва.

2 | Языковые ориентации тувинцев в условиях языкового сдвига

По мнению Г.А. Дырхеевой, к объективным факторам функционирования языка относятся этнокультурные, социально-исторические, демографические, экономические и другие условия, а к субъективным – ценностные ориентации носителей языка, их привязанность к своей культуре и языку, желание расширять социальные функции своего родного языка, степень национальной терпимости, уровень интернационального воспитания [Дырхеева, 2002: 59]. С активным развитием антропоцентрической парадигмы социалингвисты все чаще стали обращать внимание на субъективные факторы языковой ситуации [Цыбенова, 2017: 80].

¹⁶ Указ Главы Республики Тыва № 274 «О стратегии государственной поддержки и развития тувинского языка в период с 2024 по 2033 гг.» от 21 августа 2023 г.

URL: <http://publication.pravo.gov.ru/document/1700202308240009?index=1> (Дата обращения: 07.09.2025 г.)

При исследовании субъективных факторов необходимо понять отношение отдельных представителей и всего языкового сообщества к языку, определяющее, в конечном итоге, условия сохранения или утраты языков. К субъективным факторам также относятся языковые ориентации носителей языков. Как один из оценочных признаков языковые ориентации играют важную роль в отражении степени приверженности к родному языку [ЛЭС, 1990: 617].

Опрос включал 24 вопроса. Удалось собрать ответы у 521 респондента тувинской национальности: из них 42% – жители г. Кызыла, остальные 58% представляют все районы республики (см. Рисунок 1). Такое процентное соотношение респондентов соответствует количеству доли городского и сельского населения в республике: по данным переписи 2022 г., 51% населения Республики Тыва проживает в г. Кызыл¹⁷.

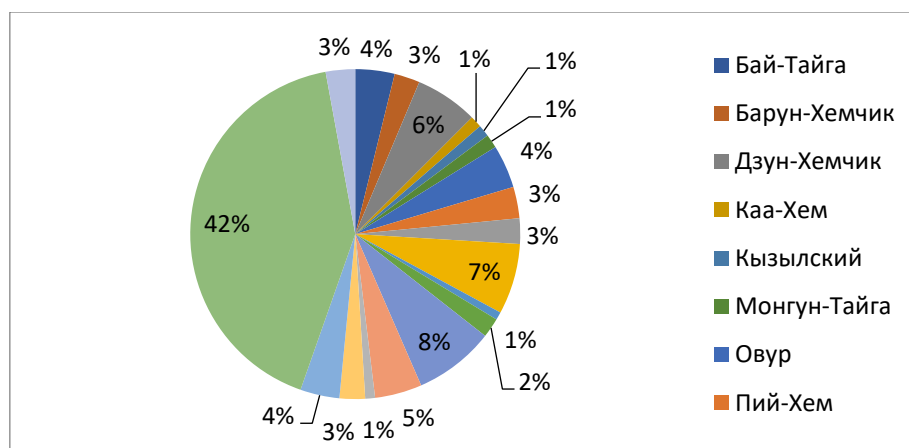

Рис 1. Респонденты по месту проживания.

Картина по возрастной характеристике респондентов представляется следующим образом:

- 55% респондентов составляют молодые люди, родившиеся в период 2001 – 2010 гг. Это дети и молодежь, с 13 до 22 лет, не имеющие детей.
- 27% составляют молодые родители тувинской национальности 23–37 лет, 1986 – 2000 г.р., выросшие в постперестроечный период;
- 13% респондентов – это люди 38-52 лет, 1971 – 1985 г.р., еще заставшие дошкольное и школьное образование на родном языке;
- 5% составляют люди 1940-1970 г.р., которым сейчас 50-80 лет.

¹⁷ Результаты Всероссийской переписи населения России на сайте Росстата / URL: <https://rosstat.gov.ru/vpn/2020> (дата обращения: 21.11.2024)

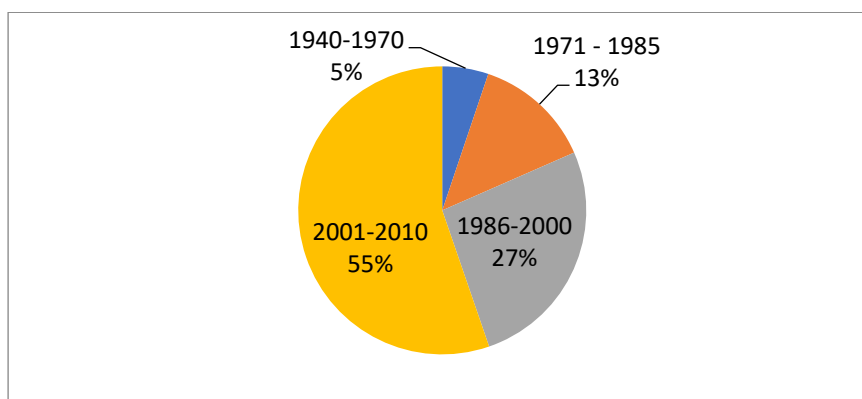

Рис. 2. Распределение респондентов по возрасту.

Все респонденты указали на владение тувинским и русским языками. Очередность их овладения этими языками определялась при помощи ответов на вопрос: «*В какой последовательности Вы осваивали тувинский и русский языки?*» Выявлено, что для 65% респондентов тувинский язык – первый, 30% респондентов ответили, что осваивали оба языка одновременно и только для 5% респондентов тувинский язык оказался вторым, а русский язык – первый (см. Рисунок 3).

Рис. 3. Ответ на вопрос: «В какой последовательности Вы осваивали тувинский и русский языки?»

Для определения преемственности между поклонениями и языковой ориентации респондентов были заданы 2 вопроса: «*На каком языке разговаривали (с детства) с Вами Ваши родители?*» и «*На каком языке Вы разговариваете со своими детьми?*» (результаты см. в Рисунках 4, 5). Данные вопросы были заданы для выявления языковой лояльности к тувинскому и русскому языкам.

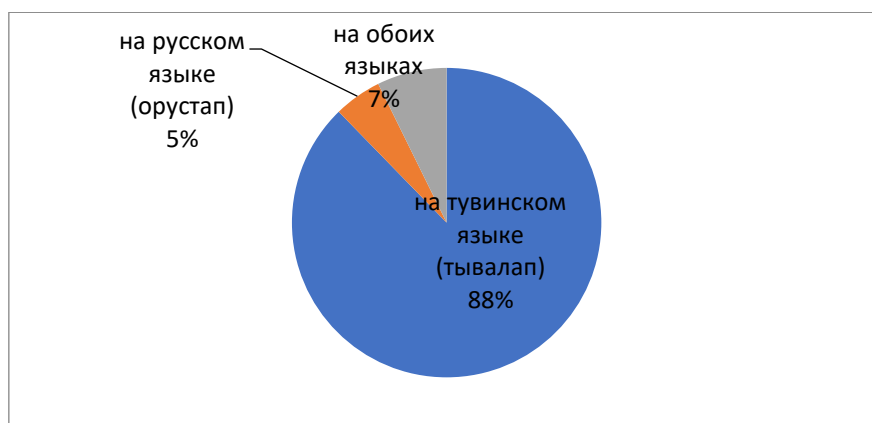

Рис. 4. «На каком языке разговаривали (с детства) с Вами Ваши родители?»

Выяснилось, что поколение родителей респондентов (люди примерно 1950-1980 г.р.) функцию передачи родного тувинского языка детям выполняло на 88%; на русском языке 5% родителей разговаривали с детьми, а на обоих языках – 7%, тогда как современные родители лишь в 42% случаях говорят со своими детьми на родном языке; 51 % из них говорит с детьми только на русском языке. На двух языках, на русском и тувинском, говорят 7% анкетированных. Представленные в данных диаграммах результаты подтверждают начало процессов языкового сдвига, на которые указывают специалисты [Биткеева, Цыбенова, 2022]. Наблюдения показывают, что начало этих процессов связано с сужением общественных функций тувинского языка, снижением его социальной значимости, «все большего предпочтения русского языка в повседневной жизни, особенно в городской среде. И даже на селе, где проживает в основном моноэтническое тувинское население, под влиянием Интернета, телевидения дети переходят на русский язык» [там же].

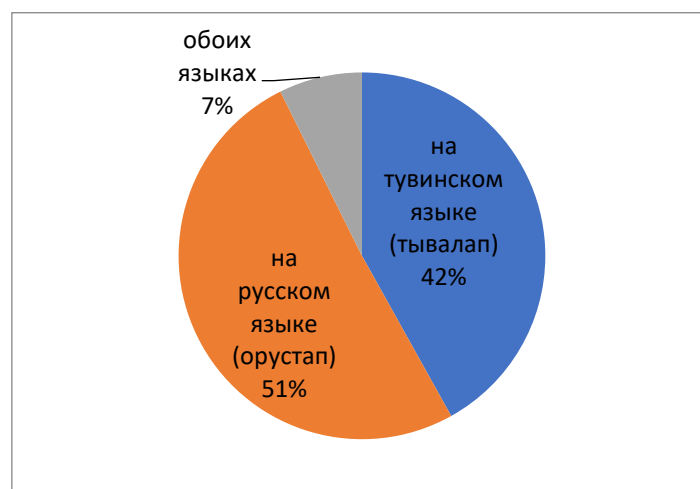

Рис. 5. «На каком языке Вы разговариваете со своими детьми?»

При этом на вопрос: «Необходимо ли знание тувинского языка современному человеку в Республике Тыва?» – абсолютное большинство, 93,2% респондентов, ответили «Да», 2% ответили «Нет» и 5% дали ответ «Мне это безразлично» (Рис. 6).

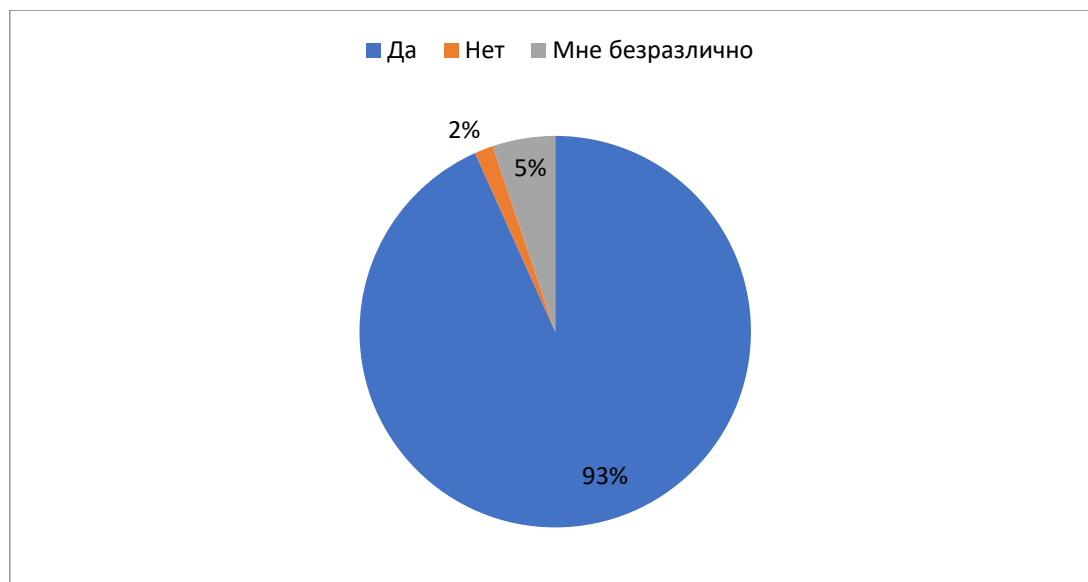

Рис. 6. Распределение ответов на вопрос: «Необходимо ли знание тувинского языка современному человеку в Республике Тыва?»

Интересны ответы респондентов (Табл. 1) на открытый вопрос «Почему нужно знать тувинский язык?», требующий самостоятельную формулировку ответа. На данный вопрос не дали никакого ответа 171 чел. (около 33%). Остальные респонденты выразили положительное отношение к родному тувинскому языку. Это говорит о высокой степени этнического самосознания у опрошенных, которые родной язык связывают с этнической идентичностью тувинцев, которые обеспокоены дальнейшей судьбой языка и народа. Однако, несмотря на такой высокий процент сторонников знания тувинского языка, тревожным является тот факт, что около 33% опрошенных не смогли дать ответ на вопрос о причинах необходимости знания родного языка. Особенно настораживает то, что значительная часть этой группы — молодые люди (145 из 171), потому что будущее тувинского языка зависит от отношения и языковой ориентации нынешней молодежи. Это может указывать на недостаток осведомленности или снижение интереса к своему языковому и культурному наследию среди молодого поколения, что в долгосрочной перспективе может негативно сказаться на сохранении тувинского языка.

Таблица 1. Причины необходимости знания тувинского языка
современному человеку в Республике Тыва

№	Количество респондентов	Причины
1.	171 чел. (33%)	–
2.	123 чел.	Необходимо знать родной тувинский язык, т.к. это связь с этнической идентичностью тувинцев.
3.	34 чел.	Необходимо знать тувинский язык для сохранения истории, культуры, обычаев и традиций народа.
4.	22 чел.	Язык является ценностью и ресурсом, способствующим сохранению, развитию Республики Тыва.
5.	20 чел.	Знание тувинского языка приносит практическую пользу.
6.	109 чел.	Я беспокоюсь за дальнейшую судьбу языка и народа, тревожусь по поводу угрозы исчезновения языка и народа.
7.	35 чел.	Важно передать язык следующим поколениям.
8.	7 чел.	Тувинский язык является государственным языком в Республике Тыва.

В табл. 2 представлены ответы «нет», 3 респондента не объясняют почему, 5 респондентов считают, что достаточно знать русский язык.

Таблица 2. Причины ненужности тувинского языка
современному человеку в Республике Тыва (ответ «НЕТ»)

№	Нет	Почему – причина
1	3	Выбрали вариант «нет», но не ответили почему.
2	4	Русского языка достаточно.
3	1	Русский язык — язык международного общения.

«Мне безразлично» ответили 28 респондентов, из них 12 не ответили почему, 9 человек считают, что каждый имеет право выбора языка; 6 респондентов ответили, что русского языка достаточно и нет причин для сохранения тувинского языка.

Таблица 3. Причины ненужности тувинского языка современному человеку в Республике Тыва (ответ «Мне безразлично»)

№	Мне безразлично	Почему – причина
1	12	-
2	9	Каждый имеет право выбора языка.
3	6	Русского языка достаточно, нет причин для сохранения тувинского языка.
4	1	Тувинский язык нужен меньше в общественной сфере.

3 | Заключение

Исследование показало, что поколение родителей респондентов выполняло функцию передачи родного тувинского языка детям на 88%; с детьми они общались на русском языке лишь в 5% случаев, а на обоих языках – в 7%. В то же время современные родители только в 42% случаев говорят со своими детьми на родном языке, 51% из них общается исключительно на русском, а на двух языках – 7%. На вопрос «Необходимо ли знание тувинского языка современному человеку в Республике Тыва?» абсолютное большинство респондентов (93,2%) ответило «Да», 2% – «нет», а 5% выразили безразличие.

Респонденты связывают тувинский язык со своей культурной идентичностью, что указывает на осознание важности языка как элемента национальной самобытности. Это также может быть связано с обеспокоенностью за будущее языка и культуры в условиях глобализации и доминирования русского языка. Кроме того, среди тех, кто не считает знание тувинского языка необходимым, одной из основных причин отказа от тувинского языка является мнение о том, что достаточно знать русский язык, что показывает низкую прагматическую ценность тувинского языка.

Несмотря на преобладающее мнение о необходимости знания тувинского языка, существует значительная группа людей, особенно среди молодежи, которые не понимают или не осознают важность сохранения языковой идентичности. Это подчеркивает необходимость активных мероприятий по популяризации тувинского языка и культуры, а также повышения уровня образования и информированности среди молодежи о значимости родного языка для сохранения этнической идентичности, культурного и языкового многообразия.

Таким образом, при том, что ценность тувинского как языка, определяющего национальную идентичность народа, осознается абсолютным большинством респондентов, при общении в быту с детьми предпочтение отдается русскому языку. Этот факт объясняется желанием родителей, чтобы дети овладели русским языком для дальнейшей успешной жизни. Так тувинский язык теряет одну из самых устойчивых сфер своего функционирования – общение в повседневной жизни. В этих условиях главнейшей задачей сохранения родного языка, его развития и передачи новым поколениям является, в первую очередь, активное желание самих носителей, а также повышение престижа родного языка в условиях прагматического отношения к языку.

Проведенный нами опрос подтверждает результаты наблюдений за социалингвистической ситуацией в республике в последние годы. Эффективность общегосударственной языковой политики по повышению уровня владения русским языком как государственным языком Российской Федерации отражается в повышении уровня владения русским языком тувинцами, что негативно сказывается на уровне владения родным языком.

ЛИТЕРАТУРА

- Аранчын Ю. Л. (2011) Тыва улустун маадырлыг оруу. Кызыл: Тув. кн. изд-во. 208 с.
- Аранчын Ю. Л., Монгуш Д. А. (1992) О языковой жизни в Республике Тыва // Языковая ситуация в Российской Федерации. М. С. 50–55.
- Бавуу-Сюрюн М. В. (2021) Билингвизм в национальном регионе: ретроспектива и динамика // Казанская наука. № 11. С. 140–142.
- Биткеева А. Н., Цыбенова Ч. С. (2022) Хроника языкового сдвига в тувинском языке в Республике Тыва // Новые исследования Тувы. № 4. С. 6–27. DOI: 10.25178/nit.2022.4.1
- Боргоякова Т. Г., Биткеева А. Н. (2023) Тувинский компонент билингвального пространства или размышления о Стратегии государственной поддержки тувинского языка // Новые исследования Тувы. № 4. С. 290–300. DOI: 10.25178/nit.2023.4.20
- Боргоякова Т. Г., Донгак Ч. Б. (2024) Развитие билингвизма в Республике Тыва: дихотомия ценностей прагматизма и идентичности // Языки и фольклор коренных народов Сибири. № 2 (50). С. 75–86. DOI: 10.25205/2312-6337-2024-2-75-86
- Донгак Ч. Б. (2021) Тувинско-русский билингвизм в дискурсивном аспекте // Казанская наука. № 11. С. 168–171.
- История Тувы (2014) Т. 1 / Ред. С. И. Вайнштейн, М. Х. Маннай-оол. Кызыл: ОАО «Тываполиграф». 368 с.
- Катанов Н. Ф. (1903) Опыт исследования урянхайского языка, с указанием главнейших родственных отношений его к другим языкам тюркского корня. Казань: Типогр. лит. имп. Казанского ун-та. 1540 с.
- Мартан-оол М. Б. (2014) Вопросы тувинского языка: диалектология, лексикография и социалингвистика: избранные научные труды. Абакан: Журналист. 276 с.
- Ооржак Б. Ч., Аннай Э. К., Ондар Ч. Г., Саая О. М. (2024) Функционирование тувинского и русского языков в Республике Тыва: опыт анализа // Научное обозрение Саяно-Алтая. № 1 (74). С. 64–74. DOI: 10.52782/KRIL.2024.1.41.006
- Селиверстова Г. М. (2005) Проблемы двуязычия в Туве // Башкы. № 3. С. 11–14.

- Сегленмей С. Ф. (2016) Роль родного языка как языка обучения в начальной школе // Вестник Тувинского государственного университета. № 4. С. 105–112.
- Цыбенова Ч. С. (2017) Современная языковая ситуация в Республике Тыва: социолингвистический аспект. Иркутск: Оттиск. 170 с.

REFERENCES

- Aranchyn, Yu.L. (2011) *Geroicheskiy put tuvinskogo naroda* [The Heroic Path of the Tuvan People]. Kyzyl: Tuvinskoe knizhnoe izdatelstvo, 208 p. (In Tuvan).
- Aranchyn, Yu.L. and Mongush, D.A. (1992) O yazykovoi zhizni v Respublike Tyva [On the Linguistic Life in the Republic of Tuva], in *Yazykovaya situatsiya v Rossiiskoi Federatsii* [The Language Situation in the Russian Federation]. Moscow, pp. 50–55. (In Russian).
- Bavuu-Syuryun, M.V. (2021) Bilingvizm v natsionalnom regione: retrospektiva i dinamika [Bilingualism in a National Region: Retrospective and Dynamics], *Kazanskaya nauka* [Kazan Science], 11, pp. 140–142. (In Russian).
- Bitkeeva, A.N. and Tsybenova, Ch.S. (2022) Khronika yazykovogo sdviga v tuvinskom yazyke v Respublike Tyva [A Chronicle of Language Shift in the Tuvan Language in the Republic of Tuva], *Novye issledovaniya Tuvy* [New Research of Tuva], 4, pp. 6–27. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2022.4.1> (In Russian).
- Borgoyakova, T.G. and Bitkeeva, A.N. (2023) Tuvinskii komponent bilingvalnogo prostranstva ili razmyshleniya o Strategii gosudarstvennoi podderzhki tuvinskogo yazyka [The Tuvan Component of the Bilingual Space, or Reflections on the Strategy of State Support for the Tuvan Language], *Novye issledovaniya Tuvy* [New Research of Tuva], 4, pp. 290–300. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2023.4.20> (In Russian).
- Borgoyakova, T.G. and Dongak, Ch.B. (2024) Razvitie bilingvizma v Respublike Tyva: dikhotomiya tsennostei pragmatizma i identichnosti [The Development of Bilingualism in the Republic of Tuva: The Dichotomy of the Values of Pragmatism and Identity], *Yazyki i folklor korennykh narodov Sibiri* [Languages and Folklore of the Indigenous Peoples of Siberia], 2(50), pp. 75–86. DOI: <https://doi.org/10.25205/2312-6337-2024-2-75-86> (In Russian).
- Dongak, Ch.B. (2021) Tuvinsko-russkii bilingvizm v diskursivnom aspekte [Tuvan–Russian Bilingualism in the Discursive Aspect], *Kazanskaya nauka* [Kazan Science], 11, pp. 168–171. (In Russian).
- Istoriya Tuvy. Tom 1* [The History of Tuva. Volume 1] (2014), edited by S.I. Vainshtein and M.Kh. Mannai-ool. Kyzyl: Tyvapoligraf, 368 p. (In Russian).
- Katanov, N.F. (1903) *Opyt issledovaniya uryankhaiskogo yazyka, s ukazaniem glavneishikh rodstvennykh otnoshenii ego k drugim yazykam tyurkskogo kornya* [An Attempt at the Study of the Uriankhai Language, with Indication of Its Principal Kinship Relations with Other Turkic Languages]. Kazan: Printing House of the Imperial Kazan University, 1540 p. (In Russian).
- Martan-ool, M.B. (2014) *Voprosy tuvinskogo yazyka: dialektologiya, leksikografiya i sotsiolingvistika: izbrannyye nauchnyye trudy* [Issues of the Tuvan Language: Dialectology, Lexicography and Sociolinguistics. Selected Scholarly Works]. Abakan: Zhurnalst, 276 p. (In Russian).
- Oorzhak, B.Ch., Annai, E.K., Ondar, Ch.G. and Saaya, O.M. (2024) Funktsionirovanie tuvinskogo i russkogo yazykov v Respublike Tyva: opyt analiza [The Functioning of the Tuvan and Russian Languages in the Republic of Tuva: An Analytical Perspective], *Nauchnoe obozrenie Sayano-Altaya* [Scientific Review of Sayano-Altai], 1(74), pp. 64–74. DOI: <https://doi.org/10.52782/KRIL.2024.1.41.006> (In Russian).
- Seglenmei, S.F. (2016) Rol rodnoy yazyka kak yazyka obucheniya v nachalnoy shkole [The Role of the Mother Tongue as the Language of Instruction in Primary School], *Vestnik Tuvinskogo*

gosudarstvennogo universiteta [Bulletin of Tuva State University], 4, pp. 105–112. (In Russian).

Seliverstova, G.M. (2005) Problemy dvuyazychiya v Tuve [Problems of Bilingualism in Tuva], *Bashky*, 3, pp. 11–14. (In Russian).

Tsybenova, Ch.S. (2017) *Sovremennaya yazykovaya situatsiya v Respublike Tyva: sotsiolingvisticheskiy aspekt* [The Contemporary Linguistic Situation in the Republic of Tuva: A Sociolinguistic Aspect]. Irkutsk: Ottisk, 170 p. (In Russian).

Байлак Чаш-ооловна Ооржак – д.филол.н., зав. сектором языкознания ГБНИиОУ «Тувинский институт гуманитарных и прикладных социально-экономических исследований при Правительстве РТ», старший научный сотрудник.

Адрес: 667000, Российская Федерация, Кызыл, ул. Кочетова, д. 4.

Эл. адрес: oorzhak.baylak@mail.ru

<https://orcid.org/0000-0001-8373-9107>

Эллада Кан-ооловна Аннай – к.филол.н., ГБНИиОУ «Тувинский институт гуманитарных и прикладных социально-экономических исследований при Правительстве РТ», научный сотрудник сектора языкознания.

Адрес: 667000, Российская Федерация, Кызыл, ул. Кочетова, д. 4.

Эл. адрес: eannaj@mail.ru

<https://orcid.org/0000-0001-7892-0454>

Байлак Мочак-Хаевна Тензин – к.социол.н., ГБНИиОУ «Тувинский институт гуманитарных и прикладных социально-экономических исследований при Правительстве РТ», научный сотрудник Центра социологических исследований.

Адрес: 667000, Российская Федерация, Кызыл, ул. Кочетова, д. 4.

Эл. адрес: bailaktenzin@gmail.com

<https://orcid.org/0000-0002-7331-7899>

Bailak Ch. Oorzhak – Doctor of Sci (Philology), Chief Scientific Officer at the Department of Linguistics, Tuvan Institute of Humanitarian and Applied Socio-Economic Research under the Government of the Republic of Tuva, Kyzyl.

Address: Kochetov Str., h. 4, Kyzyl, the Republic of Tuva, Russia, 667000.

E-mail: oorzhak.baylak@mail.ru

<https://orcid.org/0000-0001-8373-9107>

Ellada K. Annai – Cand. of Sci (Philology), Researcher Officer at the Department of Linguistics, Tuvan Institute of Humanitarian and Applied Socio-Economic Research under the Government of the Republic of Tuva, Kyzyl, Russia;

Address: Kochetov Str., h. 4, Kyzyl, the Republic of Tuva, Russia, 667000.

E-mail: eannaj@mail.ru

<https://orcid.org/0000-0001-7892-0454>

Bailak M. Tenzin – Cand. of Sociol. Res., Researcher at the Center for Sociological Research, Tuvan Institute of Humanitarian and Applied Socio-Economic Research under the Government of the Republic of Tuva, Kyzyl, Russia;

Address: Kochetov Str., h. 4, Kyzyl, the Republic of Tuva, Russia, 667000.

E-mail: bailaktenzin@gmail.com

<https://orcid.org/0000-0002-7331-7899>

Для цитирования: *Ооржак Б.Ч., Аннай Э.К., Тензин Б.М.* Языковые ориентации современных тувинцев: результаты социолингвистического исследования // Социолингвистика. 2025. № 4 (24). С. 54–68. DOI: 10.37892/2713-2951-4-24-54-68

For citation: *Oorzhak B.Ch., Annaj E.K., Tenzin B.M.* Language orientations of modern Tuvans: results of a sociolinguistic study // Sociolingvistika. 2025. No. 4 (24). Pp. 54–68. (In Russian). DOI: 10.37892/2713-2951-4-24-54-68

Заявление о конфликте интересов | Conflict of interest statement

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

The authors declare no conflicts of interests.

The article was submitted 05.01.2025;
approved after reviewing 10.08.2025;
accepted for publication 17.10.2025.

<https://doi.org/10.37892/2713-2951-4-24-69-96>

ЯЗЫКОВОЙ ЛАНДШАФТ ПЕШЕХОДНЫХ ТУРИСТСКИХ МАРШРУТОВ САРАНСКА

УДК 81`27

Ираида А. Пакшина

Научный центр
социально-
экономического
мониторинга,

Российская Федерация

Елена Н. Маскаева

Научный центр
социально-
экономического
мониторинга,

Российская Федерация

Аннотация

В статье приводятся результаты анализа языкового ландшафта пешеходных туристских маршрутов города Саранска, пролегающих к историческому центру столицы Мордовии. Задача исследования заключалась в выявлении степени представленности визуальных языковых единиц на улицах города.

На основании собранных материалов можно констатировать, что Саранск презентует себя как административный, деловой и торговый центр. В ходе проведенного анализа было установлено доминирование русского языка в языковом ландшафте Саранска. Единственный иностранный язык, который зафиксирован в городской среде, — это английский. Англицизмы в основном представлены в комбинации с русскими словами; их использование, вероятно, является маркетинговой стратегией. Выявлено недостаточное присутствие в городском пространстве мордовских (мокшанского и/или эрзянского) языков. Визуальная представленность миноритарных языков обусловлена протекционистской политикой органов государственной власти Республики Мордовия, направленной на сохранение и развитие национальных языков.

По мнению исследователей, для повышения туристской привлекательности региона следует преодолеть моноязычную визуализацию текстов на пешеходных маршрутах и расширить применение мордовских языков на объектах городской инфраструктуры. Целесообразным является проведение сравнительных исследований в других городах полиэтнических регионов.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: языковой ландшафт, визуальные знаки, русский язык, мордовские (мокшанский и эрзянский) языки, английский язык, пешеходные туристские маршруты, Саранск

Статья опубликована на условиях Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0).

© Ираида А. Пакшина, Елена Н. Маскаева, 2025

<https://doi.org/10.37892/2713-2951-4-24-69-96>

THE LINGUISTIC LANDSCAPE OF SARANSK WALKING ROUTES

UDC 81 27

Iraida A. Pakshina

Moscow City University,

Russian Federation

Elena N. Maskaeva

Moscow City University,

Russian Federation

Abstract

This article presents the results of an analysis of the linguistic landscape along pedestrian tourist routes in the city of Saransk leading to the historical center of the capital of the Republic of Mordovia. The objective of the study was to determine the degree of representation of visual linguistic units in the city's streetscape.

Based on the collected data, it can be concluded that Saransk presents itself primarily as an administrative, business, and commercial center. The analysis revealed the dominance of the Russian language in the linguistic landscape of Saransk. The only foreign language attested in the urban environment is English. Anglicisms are predominantly used in combination with Russian words; their presence is likely motivated by marketing strategies. At the same time, the visibility of the Mordovian languages (Moksha and/or Erzya) in the urban space is insufficient. The visual representation of these minority languages is largely обусловлена a protectionist language policy pursued by the state authorities of the Republic of Mordovia, aimed at preserving and promoting national languages.

According to the researchers, increasing the tourist attractiveness of the region requires overcoming the monolingual visual representation of texts along pedestrian routes and expanding the use of the Mordovian languages in urban infrastructure. Conducting comparative studies in other cities of multiethnic regions is also considered advisable.

KEYWORDS: linguistic landscape, visual signs, Russian, Mordovian (Moksha and Erzya) languages, English, walking routes, Saransk

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0).

© Iraida A. Pakshina, Elena N. Maskaeva, 2025

1 | Введение

В последние годы наиболее перспективным и динамично развивающимся видом внутреннего туризма становятся пешеходные туристские маршруты. Своеобразие и уникальность городского пространства постигается наилучшим образом в самостоятельных пеших прогулках, несомненным преимуществом которых является независимое визуальное восприятие, возможность контакта с местными жителями и знакомство с их повседневной жизнью. Глубокая погруженность в мельчайшие визуальные и вербальные элементы городской среды во время самостоятельных пеших прогулок обуславливает значимость визуально воспринимаемых знаков и языка, которые, по мнению С. Лоу, «выступают основным компонентом понимания смысла и использования пространства» [Лоу, 2024: 356].

В настоящее время отмечается рост числа эмпирических исследований визуально наблюдаемого языка, проводимых в рамках изучения языкового ландшафта города, в которых «лингвистика используется как набор (вспомогательных) методов для получения данных не о языке, а о процессах, происходящих в обществе и отдельных его группах» [Кирилина, 2020: 50]. К перспективным направлениям исследований лингвистического ландшафта Т. А. Голикова относит «изучение восприятия городского лингвистического ландшафта а) жителями, б) туристами, в) временно работающими иностранцами и другими группами населения» [Голикова, 2020: 164].

В условиях сложившейся конкуренции на рынке туристских услуг любые элементы городского пространства, даже многоязычные указатели, благоприятствуют созданию позитивного восприятия туристской дестинации. Созерцание и понимание туристами многоязычных уличных указателей помогает улучшить их впечатления от города [Yan et al., 2014]. Российский исследователь Е. Д. Малёнова подчеркивает, что «качественный перевод наименований объектов городской топонимики является существенным фактором, способствующим эффективному конструированию мультязычного лингвистического ландшафта и формированию положительного имиджа территории» [Малёнова, 2021: 100].

Важно указать, что при развитости российских исследований об особенностях городского туризма отмечается недостаточное рассмотрение темы, связанной с изучением языкового ландшафта туристских дестинаций. Возросшая актуальность подобного рода исследований обусловлена их способностью отражать уникальность места, языковое разнообразие, позиционирование территории, а также ценности, транслируемые городским

сообществом. Данные обстоятельства определили цель статьи — изучение языкового ландшафта пешеходных туристских маршрутов города Саранска.

2 | Обзор научных дискуссий

Обращение к актуальным вопросам развития туризма в городах началось в конце XX в., несмотря на то что путешествия по городам на протяжении многих веков были частью цивилизационного развития через осуществление торговых визитов и посещение разнообразных фестивалей [Law, 1992]. В настоящее время город рассматривается и как место, где происходит рост отраслей, основанных на услугах, используются новые экономические возможности, внедряются инновации [Pratt, 2017], и как место отдыха и досуга, «машина развлечений» [Clarke, 2004], территория, привлекающая креативные классы [Флорида, 2007]. Увеличение количества исследований городского туризма обусловлено двумя обстоятельствами: «растущим спросом туристов на городские исторические достопримечательности и города культурного наследия, а также согласованными усилиями политиков на понимании роли туризма в возрождении городских территорий и экономики» [Chang et al., 2004: 223–224]. Городской туризм способствует привлечению не только большого числа путешественников, но и дополнительных средств, которые «можно вложить в развитие городской среды и инфраструктуры, сделав города комфортнее для их жителей и привлекательнее для туристов» [Шумков, 2024: 205].

В последние десятилетия наиболее популярными объектами городского туризма в России стали города-миллионники, города-курорты, малые города России с богатой историей и архитектурой, в основном расположенные в Центральном федеральном округе [Мутавчи и др., 2017; Шумков, 2024]. Возросший интерес к городу как объекту туристской дестинации отмечается и в Мордовии, которая, «не имея в своем арсенале значимых природных ресурсов, делает ставку в развитии региона на туризм» [Калабкина и др., 2024: 127]. На основе исследования локальных туристских центров, сформировавшихся на территории Республики Мордовия, М. А. Жулина, В. М. Кицис выявили ведущую роль Саранско-Рузаевского туристского кластера, характеризующегося сложной и диверсифицированной структурой [Жулина и др., 2016]. Саранск специализируется на развитии культурно-познавательного [Пакшина и др., 2023], религиозного [Нехаева, 2019], делового [Жулина и др., 2016], промышленного [Жулина и др., 2022], спортивного [Жулина, Кицис, 2016], семейного и детского [Сарайкина и др., 2017], молодежного и студенческого [Зайцева, Красильникова,

2023], гастрономического [Перепелкин, 2019; Маскаева, 2022] туризма, а также на новом и перспективном виде туризма — креативном туризме [Калабкина, Пониматкина, 2022].

В современных исследованиях, посвящённых изучению туристической сферы, сформировались концепции медленного туризма и мягкой мобильности, позволяющие по-новому взглянуть на туристскую дестинацию. Медленная мобильность является инструментом для продвижения альтернативного поведения, включающего самостоятельное посещение новых территорий и путешествия по ним [Fistola et al., 2018]. Медленный туризм предполагает взаимодействие путешественников с местом назначения без привычной суеты, знакомство с региональной кухней и рынками, общение с местными жителями и прогулки в неторопливом темпе. Отмечается туристский спрос на получение эмоций и ощущений от самостоятельных перемещений по культурным и историческим местам [Fistola et al., 2018].

Мягкая мобильность включает в себя любой немоторизованный транспорт (движение с помощью человеческой силы), к ней относятся пешеходные, велосипедные, роликовые и скейтбордные перемещения [La Rossa, 2010]. Исследователи рассматривают мягкую мобильность как новый образ жизни, направленный на улучшение окружающей среды и городской жизнедеятельности [La Rossa, 2010]. Она способствует формированию осознанного подхода к путешествиям, предлагая более значимую и устойчивую форму туризма [Fistola et al., 2018].

Неотъемлемая часть городского туризма — это пешие прогулки. Они представляют собой дешевый и доступный вид передвижения, не требующий наличия развитой инфраструктуры. Ходьба является идеальным способом погружения в атмосферу города, а пешеходные городские зоны — источником запоминающихся впечатлений [Anton Clavé, 2019; Somoza et al., 2023]. Пешеходная доступность места назначения — важная часть туристического и развлекательного опыта [Калабкина и др., 2024]. Знакомство с городами осуществляется пешеходами на улицах. Изучение городского пространства раскрывает социальные, экономические и культурные особенности местности, а улица как нить, связывающая здания, обеспечивает взаимодействие и передвижение людей, товаров и услуг, скрывая места для активного отдыха [Bahendwa et al., 2019].

По мнению испанских исследователей, ходьба для путешественников становится культурным актом, формирующим три уровня знания:

1) обучение, являющееся результатом встречи с тем, что находится в поле зрения (накапливается и воспринимается информация, которая была предварительно отобрана и подготовлена к просмотру);

2) открытие того, что не было явным (новое место раскрывается с неожиданной стороны);

3) развитие критического мышления (сопоставляются увиденное и декларируемое) [Somoza et al., 2023].

Отметим, что в последние годы развитие пешеходных туристских маршрутов приобретает большую популярность, поскольку этот вид туризма не подвержен сезонным колебаниям.

Практика пешего туризма показала необходимость доступности и безопасности общественных пространств, которые должны позволять гостям и жителям перемещаться по городу, не теряясь в нем [Coëffé, 2010; Калабкина и др., 2024]. К одному из ключевых элементов пешеходных маршрутов относится наличие вывесок и указателей, которые служат для туристов ориентирами в незнакомом месте. Кроме того, путешественникам важен не просто факт информирования, а наличие вдоль пути маршрута оригинальных сведений, подчеркивающих преимущество территории.

Так, например, исследование языкового ландшафта в Китае выявило увеличение представленности языков по мере развития туризма. Доминирующее положение занимают стандартизированные китайские иероглифы, несколько реже — традиционные китайские иероглифы и англицизмы. На создание официальных стандартизированных указателей в основном влияют требования местных властей, а на создание частных — коммерческая выгода [Lu et al., 2020].

В ходе анализа языкового ландшафта Израиля была установлена представленность в общественных пространствах не всего этноязыкового разнообразия, а только тех языковых ресурсов, которые люди и организации используют в общественной сфере. В еврейских общинах преобладают знаки на иврите и английском, в израильско-палестинских общинах — на арабском и иврите, в Восточном Иерусалиме — на арабском и английском. Данное обстоятельство ученые объясняют воздействием трех факторов: рациональных соображений, фокусирующихся на ожидаемой привлекательности знаков, стремления выразить свою идентичность и рекомендаций властных структур [Ben-Rafael et al., 2006].

Россия — многоязычное полиэтническое государство, что детерминирует необходимость изучения лингвистического ландшафта его территории. Российскими учеными проведена большая работа по фиксации и накоплению эмпирического материала, результаты которых коррелируются с выводами зарубежных исследователей.

Отличительной особенностью лингвистических исследований является разнообразие подходов [Голикова, 2020; Габдрахманова, 2023] и мультиаспектность изучения [Ян и др., 2024] языкового ландшафта российских городов. По мнению ученых, с помощью письменной визуализации транслируется идентичность жителей [Разумов, 2020]. Анализ языкового ландшафта городов полиэтничных регионов: Казань (Республика Татарстан) [Габдрахманова и др., 2016], Чебоксары, Канаш, Цивильск, Ядрин (Чувашская Республика) [Алос-и-Фонт, 2019], Уфа (Республика Башкортостан) [Пешкова, 2019], Улан-Удэ (Республика Бурятия) [Иванов, 2023], Кызыл (Республика Тыва) [Донгак, 2024], Якутск (Республика Саха (Якутия) [Манчурина, 2024б] и др.) — установил превалирование визуальной представленности русского над языками титульных этносов. По мнению В. В. Барановой и К. С. Федоровой, выявленная исследователями «неполная репрезентация иных языков, помимо русского... отражает и закрепляет неравенство, существующее между носителями этих языков и русскоязычного монолингвального большинства» [Баранова и др., 2020: 626]. Учеными показана ведущая роль органов государственной власти при формировании языкового ландшафта территорий [Чугаева и др., 2023].

В настоящее время в научных статьях, посвященных данной тематике, наметилась тенденция к обобщению полученного массива данных [Габдрахманова, 2023; Манчурина, 2024а; Ян и др., 2024]. Анализируя и систематизируя динамику научных идей, полученных исследователями языковых ландшафтов городов России, Г. Ф. Габдрахманова выделяет сложившиеся в научном сообществе социогуманитарные направления изучения визуально наблюдаемого языка городов [Габдрахманова, 2023]:

- анализ языковой политики в отношении миноритарных языков;
- проникновение иностранных языков в языковой ландшафт городов;
- изучение процесса переименования названий улиц, районов и городских объектов;
- анализ стратегии номинации и столкновение интересов различных агентов — федеральной и региональных властей, руководителей предприятий, бизнеса, девелоперов, общественных организаций и простых жителей;
- репрезентация мигрантов в городе;
- сравнение языкового ландшафта городов.

Отметим, что наряду с обобщающими статьями стали публиковаться результаты исследований, в которых языковой ландшафт изучается не в целом, а лишь некоторые, на первый взгляд незначительные аспекты функционирования «текста города», но при внимательном рассмотрении подчеркивающие его уникальность и своеобразие. В данном

контексте выделяются нетипичные исследования языкового ландшафта города, в которых рассматриваются проявления лингвистической креативности в наименованиях коммерческих объектов: Москва [Матюшина, 2024]; Санкт-Петербург (Россия), Краков (Польша), Таллин, Тарту, Элва и Тырва (Эстония) [Чуйкина и др., 2022]), коммуникативные неудачи в тексте уличных объявлений (г. Новосибирск) [Бармина и др., 2023], языковая биография города (г. Анадырь Чукотского автономного округа) [Биткеева и др., 2023], репрезентация в реальном и виртуальном пространствах (г. Кызыл Республики Тыва) [Донгак, 2024] и др.

Несмотря на значительное количество и многоаспектность исследований языкового ландшафта города, в российской науке (в отличие от зарубежной) отмечается незначительное число работ (см., например, статьи А. Ю. Башмаковой [Башмакова, 2020]; Е. Д. Малёновой [Малёнова, 2021]; И. М. Калабкиной, М. А. Жулиной [Калабкина и др., 2024]), в которых языковой ландшафт рассматривается как средство повышения туристской привлекательности локальной территории и оценивается как ресурс развития туризма. Данное обстоятельство обуславливает актуальность исследования языкового ландшафта туристских дестинаций, так как, согласно сложившемуся в научном сообществе мнению, в создании значимости места ключевая роль отводится текстовому содержанию, в котором отражается неявно выраженный смысл, связывающий социальную среду и место.

3 | Методология исследования

Методология настоящего исследования опирается на подходы, прошедшие апробацию и изложенные в работах Э. Алос-и-Фонта [Алос-и-Фонт, 2019], А. Павленко [Павленко, 2017], Т. А. Голиковой [Голикова, 2020], Г. Ф. Габдрахмановой [Габдрахманова, 2023]. В отечественной науке сформировалась единая количественная методика сбора эмпирического материала. Для получения первичных данных ученые используют методы «наблюдения, совершаемые во время прогулок по городу, и фотофиксации вывесок» [Габдрахманова, 2023: 76]. Для соблюдения репрезентативности фиксация материала может быть «либо выборочной, согласно точным критериям, соответствующим целям исследования, либо полной/сплошной» [Голикова, 2020: 159].

При классификации собранного эмпирического материала за основу взяты порядок систематизации и группировка знаков, предложенные Э. Алос-и-Фонтом [Алос-и-Фонт, 2019], А. Павленко [Павленко, 2017], Р. Т. Садуовым [Садуов, 2020]. Классификация знаков на группы не стандартизирована, осуществляется исследователями в зависимости от цели исследования [Голикова, 2020]. В данном исследовании в отличие от изучения языкового

ландшафта городского пространства в целом внимание акцентируется на изучении визуального восприятия города с точки зрения туристов, которые во время пешей прогулки обращают внимание не только на вывески и указатели, но и на все объекты городской инфраструктуры, попадающие в их поле зрения. Поэтому авторами статьи при классификации собранного материала была выделена отдельная группа, в которой фиксировались носители визуального контента.

Исследование представленности текстов на городских улицах, включенных в пешеходные туристские маршруты Саранска, проводилось в несколько этапов.

В первую очередь были определены направления движения в городе. За основу были взяты экскурсионные туристские маршруты по Саранску, разработанные и предоставленные Туристско-информационным центром Республики Мордовия. В статье приводятся расчетные данные, полученные в ходе анализа двух пешеходных маршрутов по центральным улицам города.

На следующем этапе осуществлялся сбор первичной информации с помощью сплошной фотофиксации всех визуальных знаков, содержащих текстовую информацию. Он проводился в апреле и августе 2024 г. Исследователи исключили из рассмотрения период (май — июнь), когда коммуникативное городское пространство трансформируется в сторону преобладания визуальных знаковых систем, сопровождающих череду праздничных мероприятий. В ходе работы было сделано 1 250 фотографий, исследовательский материал составил корпус из 1 766 визуальных единиц анализа.

На этапе систематизации все фотографии были классифицированы по следующим группам, предложенным авторами статьи:

— вид носителя (государственная или муниципальная организация; негосударственное предприятие; спортивное учреждение; учреждение культуры; жилое здание; торговый центр или магазин; точка общепита (кафе, ресторан, пиццерия и др.); историческое здание; религиозное учреждение; гостиница; остановка общественного транспорта; дорожный указатель; информационная стойка и др.);

— носитель текстовой информации (фасадная вывеска; вывеска с указанием названия учреждения и режима работы; адресная табличка; мемориальная доска; информационная табличка, бегущая строка; реклама; афиша; плакат, лозунг; мурал; граффити; частное объявление, распечатанное на принтере или написанное от руки, и др.);

— тип надписи (официальная (адресная табличка, дорожный указатель, информационная табличка, мемориальная доска, QR-код), коммерческая (вывеска, афиша, билборд, реклама), неофициальная (частное объявление));

— используемые языки и их комбинации (русский, мордовские (мокшанский и/или эрзянский), татарский, английский, французский, китайский).

Для оценки полноты дублирования информации на многоязычных вывесках была использована классификация типов переводов М. Реха: дубликативный (идентичные тексты на всех языках), фрагментарный (переведена часть текста), пересекающийся (имеется общая часть и часть с разной информацией) и комплиментарный (тексты на разных языках дают разную информацию) [цит. по: Манчурина, 2024а].

Обработка заполненных электронных таблиц проводилась авторами в программе SPSS Statistics 21.

4 | Результаты исследования

В настоящее время большое количество городов конкурирует за привлечение внимания со стороны приезжих, Саранск не стал исключением. Одним из способов презентации самобытности и уникальности Республики Мордовия становится проектирование, а также внедрение туристских маршрутов. В настоящее время для региона «развитие пешего туризма – это фундамент для возрождения различных видов регионального туризма и продвижения туристского имиджа дестинации» [Калабкина и др., 2024: 133]. Обратим внимание, что Мордовия входит в число пилотных субъектов по развитию пешеходного туризма [Калабкина и др., 2024: 131]. На базе Туристско-информационного центра, созданного в Саранске с целью продвижения региональных туристских продуктов, разработаны два маршрута (основной и сокращенный), которые проходят по центральной части города (рис. 1).

Рис. 1. Схема пешеходных туристских маршрутов Саранска

Сокращенная тропа стартует от Площади Тысячелетия и заканчивается у входа в парк им. А. С. Пушкина. Отправная и конечная точки основного маршрута — Площадь Тысячелетия. Оба маршрута охватывают административные, культурные и спортивные объекты, памятники архитектуры, торгово-развлекательные комплексы, кафе, рестораны. Обзорные прогулки по городским улицам позволяют гостям и жителям города увидеть интересные локации, познакомиться с достопримечательностями Саранска. Пешеходные маршруты оборудованы дорожными указателями и информационными стойками, содержащими подробные сведения о Мордовии.

На всех зданиях, расположенных по пути следования по маршрутам, имеются различные виды наружных вывесок. Наибольшее их количество расположено на учреждениях негосударственной формы собственности (17,2 %) и торговых центрах, магазинах (13,4 %), мобильных точках продажи еды и напитков (10,0 %), кафе и ресторанах (8,9 %). Городская инфраструктура, содержащая текстовую информацию, представляет интерес как для горожан, так и для приезжих. Тип надписей — преимущественно официальный или коммерческий. В ходе исследования было выявлено, что текстовые надписи размещены на объектах, ориентированных на привлечение посетителей и стремящихся выделиться в городском пространстве.

Достоинством пешеходных маршрутов является информационное текстовое сопровождение. На всем их протяжении расставлены информационные стойки (5,9 %) и

дорожные указатели (5,0 %) (рис. 2). В то же время зафиксирована недостаточная представленность визуально воспринимаемой информации на привлекательных для туристов элементах городской инфраструктуры, знакомящей с культурой и традициями Мордовии (культурные (4,0 %), спортивные (1,8 %) и религиозные (0,9 %) учреждения, арт-объекты (2,4 %), памятники (1,9 %), исторические здания (1,5 %)).

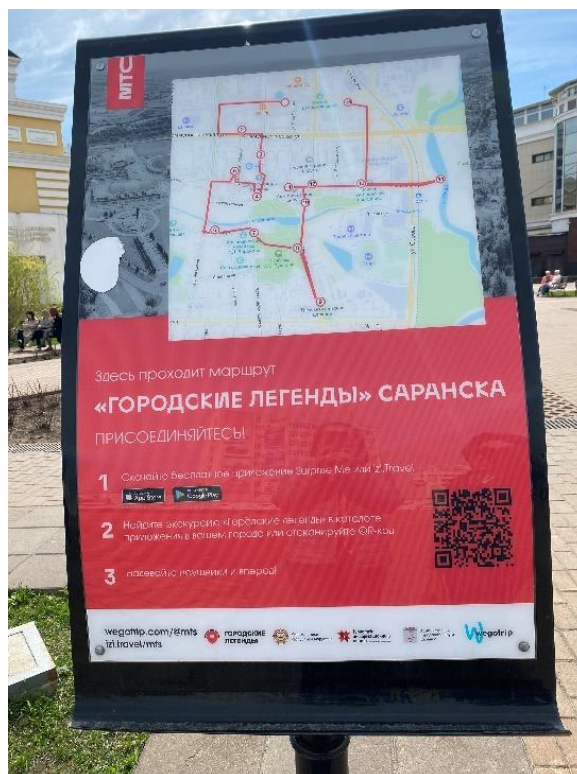

Рис. 2. Информационная стойка и дорожный указатель, Площадь Тысячелетия

Часто используемыми носителями текстовой информации являются информационные таблички (27,9 %), фасадные вывески (23,0 %) и уличные рекламные баннеры (16,9 %), которые благодаря своим размерам становятся визуальными доминантами в городском пространстве. Входные группы организаций и учреждений снабжены вывесками (10,8 %), содержащими официальное название учреждения, режим работы и другую справочную информацию. Несмотря на обилие вывесок и табличек, в городе в поле зрения пешеходов попадают и частные объявления, распечатанные на принтере или написанные от руки (4,4 %). В общем массиве надписей незначительную долю занимают служащие ориентиром для путешественников адресные таблички (3,3 %) и дорожные указатели (1,5 %), подготовленные к проведению матчей Чемпионата мира по футболу 2018 г. Следует отметить неполноту текстовой информации на мемориальных досках, памятниках (3,0 %) и арт-объектах (2,3 %).

В ходе исследования обнаружено, что вывески, имеющие официальный характер, чаще всего выполнены на русском, английском и мордовских языках; коммерческие — на русском и английском; неофициальные — на русском.

Согласно результатам исследования, в общественных пространствах, расположенных на пешеходных туристских маршрутах Саранска, доминирует русский язык. На нем написано большинство зафиксированных визуальных символов и текстов (77,7 %). Выявлена незначительная доля двуязычных и трехязычных надписей (Таблица 1).

Таблица 1. Представленность языков

Языки и их комбинации	%
<i>Народов Российской Федерации</i>	
Русский	77,7
Мордовские (мокшанский и эрзянский)	0,6
Русский и мордовские (мокшанский и эрзянский)	1,8
Русский и татарский	0,1
Татарский	0,0
Мордовские и татарский	0,0
Русский, мордовские и татарский	0,0
<i>Иностранные</i>	
Английский	6,2
<i>Совместное использование языков народов Российской Федерации и иностранных</i>	
Русский и английский	11,4
Русский, мордовские и английский	2,0
Русский и китайский	0,1
Русский, английский, французский	0,2

В языковом ландшафте города представлен только один иностранный язык — английский (6,2 %), преимущественно в сочетании с русским (11,4 %). С использованием двуязычных (русско-английских) текстов оформлена информация коммерческого (точки общепита — 16,9 %, негосударственные предприятия — 15,9 %, торговые центры, магазины — 14,9 %) и справочного (дорожные указатели — 10,3 % и информационные стойки — 8,7 %) характера.

Согласно данным исследования, большая часть (61,0 %) двуязычных надписей (на русском и английском языках) состоит из словесных знаков, являющихся элементами фирменного стиля торговой марки (рис. 3). Следует отметить, что в развитии туризма и гостеприимства английский язык выполняет важную коммуникативную функцию. Исторически так сложилось, что английский язык используется в международном сотрудничестве, дипломатии, бизнесе, туризме и других сферах. В странах, ориентированных на развитие внешнего и внутреннего туризма, вывески, указатели, надписи, информационные таблички, как правило, дублируются на английском языке [Ben-Rafael et al., 2006; Lu et al., 2020]. Кроме того, присутствие англицизмов в городском языковом ландшафте во многом обуславливается наличием торговых предприятий, для которых визуальная идентификация бренда, обеспечивающая устойчивые ассоциации с товарным знаком, является значимой составляющей успешного бизнеса. По нашему мнению, наличие англицизмов на пешеходных туристских маршрутах облегчает коммуникацию, подчеркивает конкурентное преимущество территории, способствует росту ее туристской привлекательности и, как следствие, увеличению доходов в региональный бюджет.

Рис. 3. Фирменный стиль торговой марки на русском и английском языках, ул. Советская, 55а

Анализ языкового ландшафта главного города Мордовии свидетельствует о недостаточной демонстрации этноязыкового разнообразия территории. Несмотря на то, что

Саранск является столицей полиэтничного региона, надписи на мордовских языках крайне мало представлены на улицах, входящих в пешеходные туристские маршруты (0,6 %). Тексты только на мокшанском и/или эрзянском языках встречались в единичных случаях (на арт-объектах и входных вывесках) (рис. 4 и 5).

Рис. 4. Надпись на арт-объекте на эрзянском языке, набережная Саранки

Рис. 5. Входная вывеска на мордовских языках, ул. Большевицкая, 68/1

В соответствии с законодательством Республики Мордовия на фасадах зданий Саранска наблюдается параллельное использование трех языков (русского, мокшанского и эрзянского)¹⁸, имеющих в регионе статус государственных¹⁹. Русский и мордовские (мокшанский и эрзянский) языки чаще представлены на административных объектах городской инфраструктуры: на вывесках государственных учреждений (48,4 %), информационных табличках (29,0 %) и адресных указателях (9,7 %) (рис. 6 и 7). Это свидетельствует о целенаправленных усилиях, предпринимаемых органами власти по приобщению населения к присутствию и визуальной представленности мордовских языков в городском пространстве. Кроме того, многоязычные надписи демонстрируют этническую самобытность, выполняют функцию популяризации миноритарных языков и повышают туристскую привлекательности региона.

Рис. 6. Вывеска на государственном учреждении на русском и мордовских (мокшанском и эрзянском) языках, ул. Пролетарская, 39

¹⁸ См.: Постановление Правительства Республики Мордовия от 25 декабря 2023 года № 738 «Об утверждении государственной программы Республики Мордовия „Сохранение и развитие национальной культуры, государственных языков Республики Мордовия и других языков в Республике Мордовия“ и признании утратившими силу отдельных постановлений Правительства Республики Мордовия». Режим доступа: <https://docs.cntd.ru/document/407018685> Дата обращения 15.01.2025.

¹⁹ См.: Ст. 3 Закона Республики Мордовия «О государственных языках Республики Мордовия» от 24 апреля 1998 г. Режим доступа: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&prevDoc=147019653&backlink=1&&nd=147003601> Дата обращения 15.01.2025.

Рис. 7. Информационная табличка на государственном учреждении на русском и мордовских (мокшанском и эрзянском) языках, ул. Коммунистическая, 61

Многоязычная информация (на русском, мордовских и английском языках) располагается на адресных табличках (рис. 8), а также на фудтраках (рис. 9). Яркий запоминающийся дизайн кафе-фургонов (оформлены в цветах мордовского флага, украшены символикой мокшан и эрзян) помогает им выделяться в городском ландшафте и привлекать внимание. В меню закусовых на колесах включены национальные блюда и напитки, название которых написаны на русском и мордовских языках.

Рис. 8. Адресная табличка на русском, мордовских и английском языках

Рис. 9. Надписи на фудтраке на русском, мордовских и английском языках, вход в парк им. А.С.Пушкина

На изучаемых маршрутах отсутствует визуальное представление татарского языка. Единственная лексема на татарском языке была выявлена на входной вывеске государственного учреждения.

Слова на французском и китайском языках фиксировались однократно на фасадных вывесках кафе и ресторана, специализирующихся на приготовлении блюд национальной кухни. Возможно, таким образом был сделан акцент на активизации интереса туристов и местных жителей к предприятиям питания.

Как показали результаты проведенного исследования, полный перевод с одного языка на другой зафиксирован на вывесках государственных учреждений. Они оформлены на русском и английском (45,0 %), русском, мордовских и английском (32,0 %), а также русском и мордовских (22,0 %) языках. Функционирование в публичном пространстве города полного дублирования на официальных вывесках текстов на русском и мордовских языках, возможно, связано с сохранением и развитием языковой идентичности и языкового разнообразия, а также популяризацией миноритарных языков. В визуальном пространстве города значительную долю (47,7 %) составляют названия торговых марок на языке оригинала (как правило, на английском и русском). Кроме того, англицизмы используются для ориентации по пешеходным маршрутам. Комплиментарный перевод выявлен на информационных табличках,

выполненных на русском и английском языках (12,5 %). Это создает ситуацию, при которой человек, знающий эти языки, сталкивается с искажением информации. Фрагментарный и пересекающийся переводы отображены лишь на незначительном количестве вывесок (17 и 4 единицы визуальной информации соответственно из 264 зафиксированных типов многоязычных надписей).

5 | Выводы

Можно предположить, что на фоне активизации конкуренции территорий за внимание гостей Мордовии именно городской туризм может стать одним из источников развития туристической привлекательности Республики Мордовия. Прогулки по улицам дают возможность в спокойном режиме увидеть уникальность города, познакомиться с местным колоритом и национальной кухней, узнать реальную жизнь дестинации. В городском пространстве приобретает значимость текстового содержания визуальных символов, способствующих не только ориентации в пространстве, но и получению новой информации и впечатлений для формирования собственного туристического опыта.

Исследование пешеходных туристских маршрутов Саранска показало, что город позиционируется как административный, деловой и торговый центр. На его улицах доминируют фасадные вывески, расположенные над входом в негосударственные предприятия (гостиницы, банки, аптеки, парикмахерские, бизнес-центры и др.), уличные рекламные баннеры, информационные таблички. В городском пространстве визуально выделяются надписи на элементах инфраструктуры, представляющей интерес как для местных жителей, так и приезжих (торговых центрах, магазинах, кафе, ресторанах, фудтраках и т.д.).

Анализ языкового ландшафта пешеходных маршрутов Саранска показал доминирование в визуальной среде города русского языка. Английский — единственный используемый в городском пространстве иностранный язык. Англицизмы преимущественно располагаются с русскоязычными надписями. Выявлена формальность присутствия языков основных этнических групп региона (мокшан и эрзян) в культурно-языковом ландшафте города. Визуальная представленность миноритарных языков на туристических маршрутах обусловлена мероприятиями, направленными на их презентацию и популяризацию в рамках реализации государственной языковой политики Республики Мордовия. Многоязычные надписи в большинстве случаев содержат идентичную информацию на используемых языках.

Характер многоязычной коммуникации во многом определяется содержанием визуального сообщения. На русском, английском и мордовских языках выполнены адресные

таблички. Установлено, что русские и английские слова чаще всего используют учреждения, нацеленные на привлечение клиентов и получение прибыли. Проникновение англицизмов в языковой ландшафт пешеходного маршрута обусловлено коммуникативными (ориентация в городе) и коммерческими (визуальные элементы айдентики бренда) причинами.

Преимуществом пешеходных маршрутов является многоязычная публикация справочной информации на туристически ориентированных объектах и стандартизированных знаках, облегчающих навигацию в городе. В то же время было выявлено недостаточное количество письменных текстов на скульптурных сооружениях, представляющих интерес для путешественников.

На наш взгляд, для сохранения и популяризации национальных языков титульных этносов региона целесообразно расширить их представленность на объектах городской инфраструктуры, сфокусированных, в том числе, на привлечении внимания со стороны гостей и жителей республики. Визуальный акцент на этническом своеобразии способствует росту туристского интереса и активизации внутреннего туризма. Перспективным направлением будущих исследований в данном направлении может стать сравнительный анализ с исследованиями, проведенными на пешеходных туристских маршрутах в других городах полиэтничных регионов.

ЛИТЕРАТУРА

- Алос-и-Фонт Э.* (2019) Письменное использование языков в социальном пространстве городов Чувашской Республики // Актуальные вопросы истории и культуры чувашского народа. Вып. 4. Чебоксары: Чувашский государственный институт гуманитарных наук. С. 153–182.
- Баранова В. В., Федорова К. С.* (2020) Регулирование языкового ландшафта в российских городах: многоязычие и неравенство // Журнал исследований социальной политики. Т. 18. № 4. С. 625–640. DOI: 10.17323/727-0634-2020-18-4-625-640
- Бармина В. С., Лиханова Н. А.* (2023) Коммуникативные неудачи в жанре уличного объявления: региональный аспект // Libri Magistri. № 3 (25). С. 43–56.
- Башмакова А. Ю.* (2020) Лингвистический ландшафт: туристическая привлекательность Тюмени // Фундаментальные проблемы гуманитарных наук: опыт и перспективы развития исследовательских проектов РФФИ: материалы Всероссийской научной конференции с международным участием. Барнаул: Алтайский государственный педагогический университет. С. 203–206.
- Биткеева А. Н., Данилова Р. А.* (2023) Языковая биография арктического города (материалы полевого исследования в городе Анадырь) // Социолингвистика. № 4 (16). С. 92–106. DOI: 10.37892/2713-2951-4-16-92-106
- Габдрахманова Г. Ф.* (2023) Языковой ландшафт российского города: социогуманитарные подходы изучения // Социологические исследования. № 2. С. 72–82. DOI: 10.31857/S013216250021396-8
- Габдрахманова Г. Ф., Махмутов З. А., Сагдиева Э. А.* (2016) Государственные языки Республики Татарстан в языковом ландшафте региона // Теоретические проблемы

этнической и кросс-культурной психологии: материалы V Международной научной конференции: в 2 т. Т. 1. Смоленск: Смоленский государственный университет. С. 76–79.

- Голикова Т. А. (2020) Методология лингволандшафтных исследований в России: аналитико-тематический обзор // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Философия. № 4 (54). С. 149–166. DOI: 10.26456/vtphilos/2020.4.149
- Донгак Ч. Б. (2024) Языковой ландшафт города Кызыла в реальном и виртуальном пространствах // Мир науки, культуры, образования. № 3 (106). С. 385–388. DOI: 10.24412/1991-5497-2024-3106-385-388
- Жулина М. А., Кицис В. М. (2016) Локальные туристские кластеры Республики Мордовия: формирование и функционирование // Современные проблемы сервиса и туризма. Т. 10. № 1. С. 75–82. DOI: 10.12737/17786
- Жулина М. А., Кицис В. М., Сарайкина С. В. (2022) Промышленный туризм в Республике Мордовия: потенциал и векторы развития // Управленческий учет. № 9-1. С. 48–56. DOI: 10.25806/uu9-1202248-56
- Зайцева Л. А., Красильникова Н. В. (2023) Молодежный и студенческий туризм как вектор развития туристической и образовательной индустрии: опыт реализации программы на региональном уровне // Научный результат. Педагогика и психология образования. Т. 9. № 4. С. 18–26. DOI: 10.18413/2313-8971-2023-9-4-0-2
- Иванов В. В. (2023) Перспективы изучения многоязычия в Республике Бурятия сквозь призму языкового ландшафта города Улан-Удэ // Социоллингвистика. № 3 (15). С. 134–146. DOI: 10.37892/2713-2951-3-15-134-146
- Калабкина И. М., Жулина М. А. (2024) Организация пешего туризма в Республике Мордовия // Сервис в России и за рубежом. Т. 18. № 1 (110). С. 127–135. DOI: 10.5281/zenodo.11177187
- Калабкина И. М., Пониматкина Л. А. (2022) Ресурсы Республики Мордовия для организации креативного туризма // Вестник РМАТ. № 1. С. 105–111.
- Кирилина А. В. (2020) Описание лингвистического ландшафта города: лингвистика и «что-то еще» или новое понимание языка? // Русский язык за рубежом. № 1. С. 49–55. DOI: 10.37632/PI.2020.278.1.009
- Лоу С. (2024) Пространственное воплощение культуры: этнография пространства и места. М.: Новое литературное обозрение. 400 с.
- Малёнова Е. Д. (2021) Перевод языковых средств конструирования городского лингвистического ландшафта как фактор формирования имиджа территории // Cross-Cultural Studies: Education and Science. Т. 6. № 2. С. 94–102. DOI: 10.24412/2470-1262-2021-2-94-102
- Манчурина Л. Е. (2024) Обзор научной литературы по изучению лингвистического ландшафта // Языки народов Российской Федерации: функционирование и перевод: материалы Всероссийской научно-практической конференции. Якутск: Национальная библиотека Республики Саха (Якутия). С. 76–83.
- Манчурина Л. Е. (2024) Представленность языков в визуальных текстах г. Якутска // Северо-Восточный гуманитарный вестник. № 2 (47). С. 95–110. DOI: 10.25693/SVGV.2024.47.2.008
- Маскаева Е. Н. (2022) Выявление гастрономического бренда в Республике Мордовия // Дневник Алтайской школы политических исследований. № 38. С. 180–185.
- Матюшина Н. В. (2024) Лингвистический креатив на улицах мегаполиса: опрос жителей г. Москвы // Современные лингвистические и методико-дидактические исследования. № 3 (63). С. 73–85. DOI: 10.36622/2587-8085.2024.94.11.006
- Мутавахи Е. П., Семенова Л. В. (2017) Городской туризм как драйвер экономики впечатлений // Наука и туризм: стратегии взаимодействия. № 4. С. 4–12.

- Нехаева Н. Е. (2018) Религиозный туризм как перспективное направление культурного туризма в Республике Мордовия // Центр и периферия. № 1. С. 110–116.
- Павленко А. (2017) Языковые ландшафты и другие социолингвистические методы исследования русского языка за рубежом // Вестник РУДН. Серия: Лингвистика. Т. 21. № 3. С. 493–514. DOI: 10.22363/2312-9182-2017-21-3-493-514
- Пакишина И. А., Маскаева Е. Н., Лимкина Н. А., Калачина О. С., Курмышкина О. Н. (2023) Этнокультурные бренды Республики Мордовия: бюллетень Научного центра социально-экономического мониторинга. Саранск: Изд-во Мордов. гос. ун-та. 40 с.
- Перепелкин К. В. (2019) Перспективы развития гастрономического туризма в Республике Мордовия // Индустрия туризма: возможности, приоритеты, проблемы и перспективы. Т. 15. № 1. С. 317–322.
- Пешкова Н. П. (2019) Лингвистический ландшафт как отражение процессов глобализации и национальной самоидентификации // Вестник МГЛУ. Гуманитарные науки. Вып. 3 (819). С. 90–102.
- Разумов Р. В., Горяев С. О. (2020) Трансляция региональной идентичности в урбанонимии российских городов: современное состояние // Вопросы ономастики. Т. 17. № 2. С. 201–219. DOI: 10.15826/vopr_onom.2020.17.2.024
- Садуов Р. Т. (2020) Полевое исследование культурно-языкового ландшафта в национальной республике: описание и обоснование проекта // Экология языка и коммуникативная практика. № 1. С. 23–29. DOI: 10.17516/2311-3499-098
- Сарайкина С. В., Емельянова Н. А., Нехаева Н. Е. (2017) Социальное значение детского туризма в регионе // Регионология. Т. 25. № 4 (101). С. 573–587.
- Флорида Р. (2007) Креативный класс: люди, которые меняют будущее. М.: Издательский дом «Классика-XXI». 421 с.
- Чугаева В. С., Воскресенская И. В. (2023) Лингвистический ландшафт Новороссийска и Белгорода через призму рекламы, урбанонимов, эргонимов // Теория языка и межкультурная коммуникация. № 2 (49). С. 381–396.
- Чуйкина Н. В., Бусурина Е. В., Синдецкая Н. Б. (2022) Лингвокреативность в современном городском пространстве (на примере эстонских, русских и польских наименований) // Ежегодник финно-угорских исследований. Т. 16. № 1. С. 16–25. DOI: 10.35634/2224-9443-2022-16-1-16-25
- Шумков В. В. (2024) Мировой опыт и отечественные особенности развития современного городского туризма // Вестник Белгородского университета кооперации, экономики и права. № 3 (106). С. 200–210. DOI: 10.21295/2223-5639-2024-3-200-210
- Ян Л., Ли М., Лю Л. (2024) Обзор исследований языкового ландшафта в России // Политическая лингвистика. № 5 (107). С. 329–337.
- Anton Clavé S. (2019) Urban Tourism and Walkability // The Future of Tourism / E. Fayos-Solà, C. Cooper (eds.). Cham: Springer. P. 195–211. DOI: 10.1007/978-3-319-89941-1_10
- Bahendwa F., Rimisho H., Katama A. (2019) The Footprint of Walking and Street Activities to the Architecture of the Street: The Case of Dar es Salaam // Current Urban Studies. Vol. 7. No. 3. P. 321–340. DOI: 10.4236/cus.2019.73016
- Ben-Rafael E., Shohamy E., Hasan Amara M., Trumper-Hecht N. (2006) Linguistic Landscape as Symbolic Construction of the Public Space: The Case of Israel // International Journal of Multilingualism. Vol. 3. Iss. 1. P. 7–30. DOI: 10.1080/14790710608668383
- Chang T. C., Huang S. (2004) Urban tourism: between the global and the local // A Companion to Tourism / A. A. Lew, C. M. Hall, A. M. Williams (eds.). Oxford: Blackwell Publishing Ltd. P. 223–234. DOI: 10.1002/9780470752272.ch18
- Clarke T. (Ed.) (2004) The City as an Entertainment Machine. Oxford: Elsevier.
- Coëffé V. (2010) Le tourisme, fabrique d'urbanité. Matériaux pour une théorie de l'urbain // Mondes du tourisme. No. 2. P. 57–69. DOI: 10.4000/tourisme.277

- Fistola R., La Rocca R. A. (2018) Slow Mobility and Cultural Tourism. Walking on Historical Paths // *Smart Planning: Sustainability and Mobility in the Age of Change. Green Energy and Technology* / R. Papa, R. Fistola, C. Gargiulo (eds.). Cham: Springer. P. 301–322. DOI: 10.1007/978-3-319-77682-8_18
- La Rocca R. (2010) Soft Mobility and Urban Transformation // *TeMA — Journal of Land Use, Mobility and Environment*. Vol. 2. DOI: 10.6092/1970-9870/125
- Law C. M. (1992) Urban Tourism and its Contribution to Economic Regeneration // *Urban Studies*. Vol. 29. No. 3/4. P. 599–618. DOI: 10.1080/00420989220080581
- Lu S., Li G., Xu M. (2020) The linguistic landscape in rural destinations: A case study of Hongcun Village in China // *Tourism Management*. Vol. 77. DOI: 10.1016/j.tourman.2019.104005
- Pratt A. C. (2017) Innovation and the cultural economy // *The Elgar Companion to Innovation and Knowledge Creation: a Multi-Disciplinary Approach* / H. Batheldt, P. Cohendet, A. Henn, L. Simon (Eds.). London: Edward Elgar. P. 230–243. DOI: 10.4337/9781782548522
- Somoza M. X., Lois González R. C., Somoza M. M. (2023) Walking as a cultural act and a profit for the landscape. A case study in the Iberian Peninsula // *GeoJournal*. Vol. 88. P. 2171–2186. DOI: 10.1007/s10708-022-10745-x
- Yan L., Lee M. Y. (2014) Tourist Perceptions of the Multi-Linguistic Landscape in Macau // *Journal of China Tourism Research*. Vol. 10. No. 4. P. 432–447. DOI: 10.1080/19388160.2014.953658

REFERENCES

- Alos-i-Font, E. (2019) Pismennoe ispolzovanie yazykov v sotsialnom prostranstve gorodov Chuvashskoi Respubliki [Written Use of Languages in the Social Space of the Cities of the Chuvash Republic], in *Aktualnye voprosy istorii i kultury chuvashskogo naroda. Vypusk 4* [Current Issues of History and Culture of the Chuvash People. Issue 4]. Cheboksary: Chuvash State Institute of Humanities, pp. 153–182. (In Russian).
- Anton Clavé, S. (2019) Urban Tourism and Walkability, in Fayos-Solà, E. and Cooper, C. (eds.) *The Future of Tourism*. Cham: Springer, pp. 137–149. https://doi.org/10.1007/978-3-319-89941-1_10
- Bahendwa, F., Rimisho, H. and Katama, A. (2019) The Footprint of Walking and Street Activities to the Architecture of the Street: The Case of Dar es Salaam, *Current Urban Studies*, 7, pp. 321–340. <https://doi.org/10.4236/cus.2019.73016>
- Baranova, V.V. and Fedorova, K.S. (2020) Regulirovanie yazykovogo landshafta v rossiiskikh gorodakh: mnogoyazychie i neravenstvo [Regulation of the Language Landscape in Russian Cities: Multilingualism and Inequality], *Zhurnal issledovaniy sotsialnoi politiki* [The Journal of Social Policy Studies], 18(4), pp. 625–640. <https://doi.org/10.17323/727-0634-2020-18-4-625-640> (In Russian).
- Barmina, V.S. and Lihanova, N.A. (2023) Kommunikativnye neudachi v zhanre ulichnogo obnavleniia: regionalnyi aspekt [Communication Failures in the Street Announcement Genre: A Regional Aspect], *Libri Magistri*, 3(25), pp. 43–56. (In Russian).
- Bashmakova, A.Iu. (2020) Lingvisticheskii landshaft: turisticheskaiia privlekatelnost Tiumeni [Linguistic Landscape: The Tourist Attraction of Tyumen], in *Fundamentalnye problemy gumanitarnykh nauk: opyt i perspektivy razvitiia issledovatel'skikh proektov RFFI: Materialy vserossiiskoi nauchnoi konferentsii s mezhdunarodnym uchastiem (Barnaul, 24–26 sentiabria 2020 g.)* [Fundamental Problems of the Humanities: Experience and Prospects for the Development of Research Projects of the Russian Foundation for Basic Research: Proceedings of the All-Russian Scientific Conference with International Participation (Barnaul, September 24–26, 2020)]. Barnaul: Altai State Pedagogical University, pp. 203–206. (In Russian).

- Ben-Rafael, E., Shohamy, E., Hasan Amara, M. and Trumper-Hecht, N. (2006) Linguistic Landscape as Symbolic Construction of the Public Space: The Case of Israel, *International Journal of Multilingualism*, 3(1), pp. 7–30. <https://doi.org/10.1080/14790710608668383>
- Bitkeeva, A.N. and Danilova, R.A. (2023) Iazykovaya biografiia arkticheskogo goroda (materialy polevogo issledovaniia v gorode Anadyr) [Language Biography of the Arctic City (Based on Field Research in Anadyr)], *Sotsiolingvistika* [Sociolinguistics], 4(16), pp. 92–106. <https://doi.org/10.37892/2713-2951-4-16-92-106> (In Russian).
- Chang, T.C. and Huang, Sh. (2004) Urban Tourism: Between the Global and the Local, in Lew, A.A., Hall, C.M. and Williams, A.M. (eds.) *A Companion to Tourism*. Oxford: Blackwell Publishing Ltd, pp. 223–234. <https://doi.org/10.1002/9780470752272.ch18>
- Chugaeva, V.S. and Voskresenskaia, I.V. (2023) Lingvisticheskii landshaft Novorossiiska i Belgoroda cherez prizmu reklamy, urbanonimov, ergonimov [The Linguistic Landscape of Novorossiysk and Belgorod through Advertising, Urbanonyms, and Ergonims], *Teoriia iazyka i mezhkulturnaia kommunikatsiia* [Theory of Language and Intercultural Communication], 2(49), pp. 381–396. (In Russian).
- Chuikina, N.V., Busurina, E.V. and Sindeckaia, N.B. (2022) Lingvokreativnost v sovremennom gorodskom prostranstve (na primere estonskikh, russkikh i polskikh naimenovaniy) [Linguistic Creativity in the Modern Urban Environment (Estonian, Russian and Polish Examples)], *Ezhegodnik finno-ugorskikh issledovaniy* [Yearbook of Finno-Ugric Studies], 16(1), pp. 16–25. <https://doi.org/10.35634/2224-9443-2022-16-1-16-25> (In Russian).
- Clarke, T. (ed.) (2004) *The City as an Entertainment Machine*. Available at: <https://view.officeapps.live.com/op/view.aspx?src=https%3A%2F%2Ffau.uchicago.edu%2FEM3.SS.doc&wdOrigin=BROWSELINK> [Accessed 17 December 2024].
- Coëffé, V. (2010) Le tourisme, fabrique d'urbanité. Matériaux pour une théorie de l'urbain [Tourism, a Fabric of Urbanity: Materials for a Theory of the Urban], *Mondes du tourisme* [Tourism Worlds], 2, pp. 57–69. <https://doi.org/10.4000/tourisme.277> (In French).
- Dongak, Ch.B. (2024) Iazykovoi landshaft goroda Kyzyla v realnom i virtualnom prostranstvakh [The Linguistic Landscape of the City of Kyzyl in Real and Virtual Spaces], *Mir nauki, kultury, obrazovaniia* [World of Science, Culture, Education], 3(106), pp. 385–388. <https://doi.org/10.24412/1991-5497-2024-3106-385-388> (In Russian).
- Fistola, R. and La Rocca, R.A. (2018) Slow Mobility and Cultural Tourism: Walking on Historical Paths, in Papa, R., Fistola, R. and Gargiulo, C. (eds.) *Smart Planning: Sustainability and Mobility in the Age of Change*. Cham: Springer, pp. 301–322. https://doi.org/10.1007/978-3-319-77682-8_18
- Florida, R. (2007) *Kreativnyi klass: liudi, kotorye meniaiut budushchee* [The Creative Class: People Who Are Changing the Future]. Moscow: Classic-XXI Publishing House. (In Russian).
- Gabdrakhmanova, G.F., Makhmutov, Z.A. and Sagdiyeva, E.A. (2016) Gosudarstvennye iazyki Respubliki Tatarstan v yazykovom landshafte regiona [The Official Languages of the Republic of Tatarstan in the Linguistic Landscape of the Region], in *Teoreticheskie problemy etnicheskoi i krosskulturnoi psikhologii: Materialy V Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii (Smolensk, 27–28 maia 2016). Vol. 1* [Theoretical Problems of Ethnic and Cross-Cultural Psychology: Proceedings of the V International Scientific Conference (Smolensk, May 27–28, 2016). Vol. 1]. Smolensk: Smolensk State University, pp. 76–79. (In Russian).
- Gabdrakhmanova, G.F. (2023) Iazykovoi landshaft rossiiskogo goroda: sotsiogumanitarnye podkhody izucheniia [The Linguistic Landscape of a Russian City: Socio-Humanitarian Approaches to Studying], *Sotsiologicheskie issledovaniia* [Sociological Studies], 2, pp. 72–82. <https://doi.org/10.31857/S013216250021396-8> (In Russian).
- Golikova, T.A. (2020) Metodologiya lingvolandshaftnykh issledovaniy v Rossii: analitiko-tematicheskii obzor [Methodology of Linguistic Landscape Research in Russia: Analytical and Thematic Review], *Vestnik Tverskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Filosofiia*

- [Bulletin of Tver State University. Series: Philosophy], 4(54), pp. 149–166. <https://doi.org/10.26456/vtphilos/2020.4.149> (In Russian).
- Ivanov, V.V. (2023) Perspektivy izucheniia mnogoyazychiia v Respublike Buriatii skvoz prizmu yazykovogo landshafta goroda Ulan-Ude [Prospects of Studying Multilingualism in the Republic of Buryatia through the Prism of the Linguistic Landscape of Ulan-Ude], *Sotsiolingvistika* [Sociolinguistics], 3(15), pp. 134–146. <https://doi.org/10.37892/2713-2951-3-15-134-146> (In Russian).
- Kalabkina, I.M. and Ponimatkina, L.A. (2022) Resursy Respubliki Mordovii dlia organizatsii kreativnogo turizma [Resources of the Republic of Mordovia for the Organization of Creative Tourism], *Vestnik RMAT* [Bulletin of RMAT], 1, pp. 105–111. (In Russian).
- Kalabkina, I.M. and Zhulina, M.A. (2024) Organizatsiia peshekhodnogo turizma v respublike Mordovii [Organization of Walking Tours in the Republic of Mordovia], *Servis v Rossii i za rubezhom* [Service in Russia and Abroad], 18(1), pp. 127–135. <https://doi.org/10.5281/zenodo.11177187> (In Russian).
- Kirilina, A.V. (2020) Opisanie lingvisticheskogo landshafta goroda: lingvistika i „chto-to eshche“ ili novoe ponimanie iazyka? [Description of the Linguistic Landscape of the City: Linguistics and “Something Else” or a New Understanding of Language?], *Russkii iazyk za rubezhom* [Russian Language Abroad], 1, pp. 49–55. <https://doi.org/10.37632/PI.2020.278.1.009> (In Russian).
- La Rocca, R. (2010) Soft Mobility and Urban Transformation, *TeMA — Journal of Land Use, Mobility and Environment*, 2. <https://doi.org/10.6092/1970-9870/125>
- Law, C.M. (1992) Urban Tourism and Its Contribution to Economic Regeneration, *Urban Studies*, 29(3–4), pp. 599–618. <https://doi.org/10.1080/00420989220080581>
- Lou, S. (2024) *Prostranstvennoe voploshchenie kultury: etnografiia prostranstva i mesta* [Spatial Embodiment of Culture: The Ethnography of Space and Place]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie. (In Russian).
- Lu, S., Li, G. and Xu, M. (2020) The Linguistic Landscape in Rural Destinations: A Case Study of Hongcun Village in China, *Tourism Management*, 77. <https://doi.org/10.1016/j.tourman.2019.104005>
- Malenova, E.D. (2021) Perevod iazykovykh sredstv konstruirovaniia gorodskogo lingvisticheskogo landshafta kak faktor formirovaniia imidzha territorii [Translation of the Language Means of Constructing an Urban Linguistic Landscape as a Key Factor in Creating an Image of the Territory], *Cross-Cultural Studies: Education and Science*, 6(2), pp. 94–102. <https://doi.org/10.24412/2470-1262-2021-2-94-102> (In Russian).
- Manchurina, L.E. (2024a) Obzor nauchnoi literatury po izucheniiu lingvisticheskogo landshafta [A Review of the Scientific Literature on the Study of the Linguistic Landscape], in *Iazyki narodov Rossiiskoi Federatsii: funktsionirovanie i perevod: Materialy Vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii (Yakutsk, 26–27 marta 2024)* [Languages of the Peoples of the Russian Federation: Functioning and Translation: Proceedings of the All-Russian Scientific and Practical Conference (Yakutsk, March 26–27, 2024)]. Yakutsk: Natsionalnaia biblioteka Respubliki Sakha (Yakutiia), pp. 76–83. (In Russian).
- Manchurina, L.E. (2024b) Predstavlennost iazykov v vizualnykh tekstakh g. Iakutsk [Representation of Languages in Visual Texts of Yakutsk], *Severo-Vostochnyi gumanitarnyi vestnik* [North-Eastern Humanitarian Bulletin], 2(47), pp. 95–110. <https://doi.org/10.25693/SVG.2024.47.2.008> (In Russian).
- Maskaeva, E.N. (2022) Vyyavlenie gastronomicheskogo brenda v Respublike Mordovii [Identification of a Gastronomic Brand in the Republic of Mordovia], *Dnevnik Altaiskoi shkoly politicheskikh issledovaniy* [Diary of the Altai School of Political Studies], 38, pp. 180–185. (In Russian).

- Matyushina, N.V. (2024) Lingvisticheskii kreativ na ulitsakh megapolisa: opros zhitelei g. Moskvy [Linguistic Creativity on the Streets of a Megalopolis: A Survey of Moscow Residents], *Sovremennye lingvisticheskie i metodiko-didakticheskie issledovaniia* [Modern Linguistic and Methodological-Didactic Research], 3(63), pp. 73–85. <https://doi.org/10.36622/2587-8085.2024.94.11.006> (In Russian).
- Mutavchi, E.P. and Semenova, L.V. (2017) Gorodskoi turizm — draiver ekonomiki vpechatlenii [Urban Tourism is a Driver of the Impression Economy], *Nauka i turizm: strategii vzaimodeistviia* [Science and Tourism: Interaction Strategies], 4, pp. 4–12. (In Russian).
- Nekhaeva, N.E. (2018) Religiozniy turizm kak perspektivnoe napravlenie kulturnogo turizma v Respublike Mordoviia [Religious Tourism as a Promising Area of Cultural Tourism in the Republic of Mordovia], *Tsentr i periferiia* [Center and Periphery], 1, pp. 110–116. (In Russian).
- Pakshina, I.A., Maskaeva, E.N., Limkina, N.A., Kalachina, O.S. and Kurmyshkina, O.N. (2023) *Etnokulturnye brendy Respubliki Mordoviia: biulleten Nauchnogo tsentra sotsialno-ekonomicheskogo monitoringa* [Ethnocultural Brands of the Republic of Mordovia: Newsletter of the Scientific Center for Socio-Economic Monitoring]. Saransk: Izdatelstvo Mordovskogo gosudarstvennogo universiteta. (In Russian).
- Pavlenko, A. (2017) Iazykovye landshafty i drugie sotsiolingvisticheskie metody issledovaniia russkogo iazyka za rubezhom [Linguistic Landscapes and Other Sociolinguistic Methods of Studying the Russian Language Abroad], *Vestnik RUDN. Seriya: Lingvistika* [RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics], 21(3), pp. 493–514. <https://doi.org/10.22363/2312-9182-2017-21-3-493-514> (In Russian).
- Perepelkin, K.V. (2019) Perspektivy razvitiia gastronomicheskogo turizma v Respublike Mordoviia [Prospects for the Development of Gastronomic Tourism in the Republic of Mordovia], *Industriia turizma: vozmozhnosti, priority, problemy i perspektivy* [Tourism Industry: Opportunities, Priorities, Problems and Prospects], 15(1), pp. 317–322. (In Russian).
- Peshkova, N.P. (2019) Lingvisticheskii landschaft kak otazhenie protsessov globalizatsii i natsionalnoi samoidentifikatsii [Linguistic Landscape as Expression of Globalization and National Self-Identification], *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta. Gumanitarnye nauki* [Bulletin of Moscow State Linguistic University. Humanities], 3(819), pp. 90–102. (In Russian).
- Pratt, A.C. (2017) Innovation and the Cultural Economy, in Batheldt, H., Cohendet, P., Henn, A. and Simon, L. (eds.) *The Elgar Companion to Innovation and Knowledge Creation: A Multi-Disciplinary Approach*. London: Edward Elgar, pp. 230–243. <https://doi.org/10.4324/9780203880012>
- Razumov, R.V. and Goryaev, S.O. (2020) Transliatsiia regionalnoi identichnosti v urbanonimii rossiiskikh gorodov: sovremennoe sostoianie [Manifestations of Regional Identity in Contemporary Russian Urbanonymy], *Voprosy onomastiki* [Problems of Onomastics], 17(2), pp. 201–219. https://doi.org/10.15826/vopr_onom.2020.17.2.024 (In Russian).
- Saduov, R.T. (2020) Polevoe issledovanie kulturno-iazykovogo landshafta v natsionalnoi respublike: opisanie i obosnovanie proekta [Field Study of the Cultural and Linguistic Landscape in the National Republic: Description and Justification of the Project], *Ekologiya iazyka i kommunikativnaia praktika* [Ecology of Language and Communicative Practice], 1, pp. 23–29. <https://doi.org/10.17516/2311-3499-098> (In Russian).
- Saraikina, S.V., Emelianova, N.A. and Nekhaeva, N.E. (2017) Sotsialnoe znachenie detskogo turizma v regione [The Social Significance of Childrens Tourism in the Region], *Regionologiya* [Regionology], 25(4), pp. 573–587. (In Russian).
- Shumkov, V.V. (2024) Mirovoi opyt i otechestvennye osobennosti razvitiia sovremennogo gorodskogo turizma [World Experience and Domestic Features of the Development of Modern Urban Tourism], *Vestnik Belgorodskogo universiteta kooperatsii, ekonomiki i prava*

- [Bulletin of Belgorod University of Cooperation, Economics and Law], 3(106), pp. 200–210. <https://doi.org/10.21295/2223-5639-2024-3-200-210> (In Russian).
- Somoza, M.X., Lois González, R.C. and Somoza, M.M. (2023) Walking as a Cultural Act and a Profit for the Landscape. A Case Study in the Iberian Peninsula, *GeoJournal*, 88, pp. 2171–2186. <https://doi.org/10.1007/s10708-022-10745-x>
- Yan, L. and Lee, M.Y. (2014) Tourist Perceptions of the Multi-Linguistic Landscape in Macau, *Journal of China Tourism Research*, 10(4), pp. 432–447. <https://doi.org/10.1080/19388160.2014.953658>
- Yang, L., Li, M. and Liu, L. (2024) Obzor issledovaniy yazykovogo landshafta v Rossii [A Review of Russian Linguistic Landscape Studies], *Politicheskaya lingvistika* [Political Linguistics], 5(107), pp. 329–337. (In Russian).
- Zaitseva, L.A. and Krasilnikova, N.V. (2023) Molodezhnyi i studencheskii turizm kak vektor v razvitiy turindustrii i obrazovaniia: opyt realizatsii programmy na regionalnom urovne [Youth and Student Tourism as a Vector in the Development of the Tourism Industry and Education: Experience in Implementing the Program at the Regional Level], *Nauchnyi rezultat. Pedagogika i psikhologiya obrazovaniia* [Research Result. Pedagogy and Psychology of Education], 9(4), pp. 18–26. <https://doi.org/10.18413/2313-8971-2023-9-4-0-2> (In Russian).
- Zhulina, M.A. and Kitsis, V.M. (2016) Lokalnye turistskie klastery Respubliki Mordoviia: formirovanie i funktsionirovanie [Local Tourism Clusters of the Republic of Mordovia: Formation and Functioning], *Sovremennye problemy servisa i turizma* [Modern Problems of Service and Tourism], 10(1), pp. 75–82. <https://doi.org/10.12737/17786> (In Russian).
- Zhulina, M.A., Kitsis, V.M. and Saraikina, S.V. (2022) Promyshlennyy turizm v Respublike Mordoviia: potentsial i vektory razvitiia [Industrial Tourism in the Republic of Mordovia: Potential and Development Vectors], *Upravlencheskii uchët* [Management Accounting], 9-1, pp. 48–56. <https://doi.org/10.25806/uu9-1202248-56> (In Russian).

Пакшина Ираида Адольфовна — кандидат культурологии, ведущий научный сотрудник, Научный центр социально-экономического мониторинга.

Адрес: 430005, Российская Федерация, Республика Мордовия, г. Саранск, ул. Б. Хмельницкого, д. 39а.

Эл. адрес: iraida-69@mail.ru

<https://orcid.org/0000-0003-3050-2127>

Маскаева Елена Николаевна – старший научный сотрудник, Научный центр социально-экономического мониторинга.

Адрес: 430005, Российская Федерация, Республика Мордовия, г. Саранск, ул. Б. Хмельницкого, д. 39а.

Эл. адрес: elena-maskaeva@mail.ru

<https://orcid.org/0000-0001-8889-3170>

Iraida A. Pakshina — Candidate of Sciences (Cultural Studies), leading researcher at the Scientific Center for Socio-Economic Monitoring.

Address: B. Khmel'nitsky str. 39a, Saransk, Republic of Mordovia, Russia, 430005.

E-mail: iraida-69@mail.ru

<https://orcid.org/0000-0003-3050-2127>

Elena N. Maskaeva — senior researcher at the Scientific Center for Socio-Economic Monitoring.
Address: B. Khmel'nitsky str. 39a, Saransk, Republic of Mordovia, Russia, 430005.
E-mail: elena-maskaeva@mail.ru
<https://orcid.org/0000-0001-8889-3170>

Для цитирования: *Пакина И.А., Маскаева Е.Н.* Языковой ландшафт пешеходных туристских маршрутов Саранска // Социолингвистика. 2025. № 4 (24). С. 69–96. DOI: 10.37892/2713-2951-4-24-69-96

For citation: *Pakshina I.A., Maskaeva E.M.* The linguistic landscape of Saransk walking routes // Sociolinguistika. 2025. No. 4 (24). Pp. 69–96. (In Russian). DOI: 10.37892/2713-2951-4-24-69-96

Заявление о конфликте интересов | Conflict of interest statement

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

The authors declare no conflicts of interests.

The article was submitted 18.12.2024;
approved after reviewing 11.07.2025;
accepted for publication 05.11.2025.

<https://doi.org/10.37892/2713-2951-4-24-97-118>

ЭКСПЕРТИЗА СОЦИАЛЬНОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ НА ЯЗЫК И КУЛЬТУРУ В ГОРОДСКОЙ СРЕДЕ: ОПЫТ ГОРОДА МИРНЫЙ РЕСПУБЛИКИ САХА

УДК 81'272

Айса Н. Биткеева

Институт языкознания
Российской академии наук,
Российская Федерация

Ирена С. Хохолова

Северо-Восточный
федеральный университет
им. М.К. Аммосова,
Российская Федерация

Виктория В. Филиппова

Институт гуманитарных
исследований и проблем
малочисленных народов
Севера Сибирского
отделения Российской
академии наук,
Российская Федерация

Аннотация

Предложена модель экспертизы социального воздействия на язык и культуру в городской среде, которая включает семь групп показателей: природные условия, исторический контекст, политический и идеологический аспекты, демографическая мощьность, социально-экономический контекст, коммуникативная и символическая мощьность. Каждая группа оценивается отдельно, что позволяет комплексно анализировать языковую ситуацию.

Апробация модели экспертизы дана на примере г. Мирный Республики Саха (Якутия), который характеризуется высокой степенью доминирования русского языка и ограниченными возможностями для использования якутского языка. Исследование показало, что, несмотря на стремление к сохранению якутского языка, в реальной жизни он уступает русскому, что вызывает тревогу и чувство неопределенности относительно его будущего. Работа выполнена на основе данных, полученных в ходе комплексного исследования, включавшего анкетирование и интервьюирование жителей города Мирный.

Полученные результаты имеют практическое значение для разработки языковой политики в России и могут использоваться в дальнейших исследованиях языковой ситуации в северных и арктических регионах.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: языковая ситуация, идентичность, многоязычие, языковая политика, экспертиза социального воздействия, город, Мирный, Якутия, Север

<https://doi.org/10.37892/2713-2951-4-24-97-118>

SOCIAL IMPACT ASSESSMENT ON LANGUAGE AND CULTURE IN AN URBAN ENVIRONMENT: THE CASE STUDY OF MIRNYI, SAKHA REPUBLIC (YAKUTIA)

UDC 81'272

Aysa N. Bitkeeva

Institute of Linguistics of
Russian Academy of Sciences,
Russian Federation

Irena S. Khokholova

Northeastern Federal University
named after M.K. Ammosov
Russian Federation

Viktoriya V. Filippova

Institute for Humanities
Research and Indigenous Studies
of the North, Siberian Branch,
Russian Academy of Sciences,
Russian Federation

Abstract

A model for assessing the social impact on language and culture in urban environments is proposed, which includes seven groups of indicators: natural conditions, historical context, political and ideological aspects, demographic strength, socio-economic context, communicative power, and symbolic power. Each group is evaluated separately, allowing for a comprehensive analysis of the linguistic situation.

The model was tested on the city of Mirny in the Republic of Sakha (Yakutia), characterized by a high degree of Russian language dominance and limited opportunities for the use of the Yakut language. The study showed that despite efforts to preserve the Yakut language, in everyday life it is subordinate to Russian, causing concern and uncertainty about its future. The research was based on data obtained through a comprehensive study, including surveys and interviews with residents of Mirny.

The results have practical implications for the development of language policy in Russia and can be used in further research on the linguistic situation in northern and Arctic regions.

KEYWORDS: language situation, identity, multilingualism, language policy, social impact assessment, city, Mirnyi, Yakutia, the North

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0).

© Aysa N. Bitkeeva, Irena S. Khokholova, Viktoriya V. Filippova, 2025

1 | Введение

Модель экспертизы социального воздействия на языки и культуры в городском пространстве – это структурированный подход, включающий систему показателей и методов, позволяющих оценивать удобство и доступность использования языков в городской среде. Данная модель учитывает ряд существенных факторов, таких как наличие двуязычных и многоязычных указателей, доступность информации на разных языках, проводимая городская языковая политика и ее поддержка со стороны муниципальных властей, а также общая позиция жителей по отношению к многоязычию. Модель была разработана авторами на основе многофакторной модели прогнозирования развития языков (Биткеева, 2022) и индикаторов оценки языковой комфортности, предложенной авторами ранее (См.: Биткеева Хохолова, Филиппова, 2025).

В предыдущих публикациях авторы изложили методологию комплексного исследования языковой ситуации в городской среде с помощью показателя языковой комфортности (см. Биткеева, Хохолова, Филиппова, 2023). В данной статье подробно освещен каждый из вышеуказанных факторов.

2 | Модель экспертизы социального воздействия

Разработанная модель экспертизы социального воздействия на языки и культуры в городском пространстве усовершенствована авторами в части этнокультурных показателей (ЭП), позволяющей оценить этноязыковую ситуацию (ЭС) с учетом всех факторов, детализирована в части определения оценочных факторов и суммирования их количественных и качественных показателей и определялась по формуле:

$$ЭС = (ПУ + ИК + ПиИА + ДМ + СЭК + КМ + СМ + ЭП) * УС, \text{ где}$$

ЭС – этноязыковая ситуация, ПУ – природные условия, ИК – исторический контекст, ПиИА – политический и идеологический аспект, ДМ – демографическая мощьность, СЭК – социально-экономический контекст, КМ – коммуникативная мощьность, СМ – символическая мощьность, ЭП – этнокультурные показатели, УС – управление судьбой.

Апробация модели экспертизы социального воздействия на язык и культуру представлена в статье на основе материалов комплексного исследования языкового пространства северных и арктических городов, проведенного авторами в апреле 2024 года в

городе Мирный Республики Саха (Якутия). Поскольку численность населения Мирного составляет менее 50 тыс. чел., город отнесён к категории малых городов России.

Исследование включало масштабное анкетирование и интервьюирование представителей различных социальных групп города. В анкетировании участвовали около 400 горожан, принадлежащих к разным категориям населения. Также было проведено около 20 интервью, записи которых вошли в полевые материалы исследования (ПМА–2024).

2.1. Природные и климатические условия

Группа показателей «Природные условия» охватывает географическое положение, климат и природные ресурсы, площадь и протяженность северных и арктических городов. Эти условия влияют на размещение производств, размещение населения и качество жизни. Для оценки используются показатели контрастности температур, влажности климата и ветрового режима. Северные территории характеризуются особыми климатическими условиями, такими как низкие температуры и длительное отсутствие солнечного света, что требует учета при строительстве и эксплуатации сооружений. В расчет принимаются также удаленность от столицы и транспортная доступность, что осложняет привлечение специалистов и инвестиции. В таких регионах действуют особые выплаты – районный коэффициент, компенсация дополнительных затрат и трудностей работы в тяжелых климатических условиях.

Город Мирный, с численностью населения до 50 тыс. чел., относится к категории малых городов и отличается компактностью, что обеспечивает пешую доступность ключевых объектов инфраструктуры, таким как образовательные, досуговые и административные учреждения. В советские времена Мирный являлся закрытым городом из-за разработки стратегических месторождений. Сегодня он представляет собой промышленный монопрофильный город, в котором главную роль играет алмазодобывающая компания «АЛРОСА», обеспечивающая высокий уровень развития инфраструктуры и привлекательность для инвесторов и трудовых ресурсов. Такая обстановка формирует полиэтничный состав населения, где этноконсолидирующим элементом выступает русский язык.

2.2. Исторический контекст

Исторические факторы формируют языковую среду и определяют статус языков в регионах. В качестве показателей для данной группы рассматриваются: год образования

города, гражданская идентичность, наличие памятников (культурно-религиозных и сакральных объектов).

Доминирующий язык может сменяться, вытесняя местные языки из официального и образовательного использования. В то же время исторические события и традиции поддерживают использование языков в культурных контекстах, создавая комфорт для носителей. Политические перемены ведут к изменениям в языковой политике, что может повышать или понижать комфортность. Нарративы о прошлом формируют идентичность, влияя на ощущение преемственности.

Языковые и культурные контакты между якутами и эвенками Мирнинского района возникли задолго до XIX века. Позднее, с началом промышленного освоения региона в советский период, произошли контакты коренных народов с пришлым населением. «Открытие алмазов и дальнейшее их промышленное освоение проходило при непосредственном участии коренного населения Мирнинского района» (Филиппова, 2023: 17) – брагатских эвенков, служивших каюрами у геологов при гужевой транспортировке. Как пишет С.И. Боякова, это сопровождалось сокращением и/или потерей исконных земель эвенков (охотничьих угодий и оленепастбищ). Как показывают данные и материалы, это привело к серьезным искажениям этнокультурной картины, утере и угрозе традициям и культурному наследию (Филиппова, 2023; Боякова, 2024). Эти негативные процессы усугублялись смешанными браками эвенков с якутами и с пришлым населением. История контактов сложна и динамична, от мирного сосуществования и взаимного влияния языков и культур до их потерь, что определило уникальность Мирнинского района.

2.3. Политический и идеологический факторы

Политический фактор существенно влияет на языковую и культурную витальность, определяя статус языков и условия их поддержки. В данной группе анализируются следующие показатели: наличие языкового законодательства (нормативно-правовых актов, программ) по языку и культуре; интенсивность проведения языковой политики на федеральном и региональном уровнях; инвестиции в основной капитал, финансируемые за счет бюджетных средств; наличие политики социальной ответственности недродобывающих компаний; мероприятия по поддержке родных языков.

Республика Саха (Якутия) располагает нормативной базой, соответствующей федеральному законодательству и учитывающей региональные особенности. На федеральном и региональном уровнях действуют ведомства и организации, отвечающие за языковую

политику. На федеральном и региональном уровнях функционируют органы государственной власти и общественные организации, ответственные за реализацию языковой политики и поддержку развития языков. К ним относятся:

- федеральные органы: Министерство просвещения РФ, Федеральное агентство по делам национальностей (ФАДН России);
- региональные органы: Министерство образования и науки РС(Я), Департамент по делам народов РС(Я), Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера, СВФУ им. М.К. Аммосова;
- общественные организации: Ассоциации коренных малочисленных народов Севера, языковые центры, культурные центры, национальные объединения.

Компании, работающие в регионе, обязаны соблюдать нормы, гарантирующие использование родных языков в официальных документах и обучении. Альтернативная методика оценки ущерба этнокультурным процессам пока не разработана, хотя закон об этнологических экспертизах в Республике Саха (Якутия) действует с 2011 года.

В Мирнинском районе градообразующим предприятием является алмазодобывающая компания «АЛРОСА», крупнейший работодатель России, обеспечивающий занятость 33,8 тыс. чел. Компания вносит большой вклад в развитие региона, поддерживая социальную сферу и культуру. Она реализует проекты, направленные на сохранение этнокультурного наследия, такие как строительство детских садов, дворцов детства, культурных центров и театров. По результатам проведенного опроса, жители Мирного удовлетворены деятельностью «АЛРОСА» и высоко оценивают ее социальную ответственность.

2.4. Демографическая мощьность

В качестве показателей в данную группу были включены: численность населения (средние значения за последние 3 года); плотность населения; удельный вес коренного населения; доля населения города в общей численности региона; количество этносов; миграционный прирост населения, человек (средние значения за последние 3 года); демографическая мощьность русского языка и национальных языков.

Демографические показатели существенно влияют на языковую комфортность: большее число носителей повышает востребованность языка, расширяет его функциональные возможности и укрепляет социальную позицию. Языки с большой демографической мощностью обеспечиваются образовательными программами, медиапродуктами и поддержкой на государственном уровне, что повышает комфортность для их носителей. В противном случае языки оказываются уязвимы к угрозе исчезновения.

Количество этнических групп в сообществе существенно влияет на языковую комфортность. В полиэтнических сообществах обычно наблюдается языковое разнообразие, что способствует формированию богатой языковой среды. Однако, чтобы поддержать комфортность, необходима соответствующая поддержка всех языков. Этническое многообразие стимулирует культурный обмен и интерес к изучению разных языков, что улучшает общую языковую комфортность, если носители имеют доступ к языковым и культурным ресурсам.

Рост численности коренного населения в городах, вызванный внутренней миграцией, проявился в постсоветский период. В 2023 г. в г. Мирный проживало 34 013 чел., представляющих 73 этнические группы, среди которых лидируют русские (67%). За последние 5 лет наблюдается сокращение численности жителей города на 1210 чел. из-за монопрофильной занятости в алмазодобывающей компании «АЛРОСА». В условиях интенсивных миграционных процессов и урбанизации в городе Мирный наблюдается сокращение доли якутов и якутоязычного населения, несмотря на трёхкратное увеличение их абсолютной численности за счёт внутренней миграции из соседних улусов Западного региона, связанной с образовательной и трудовой активностью. В городе преобладает русская речь, что препятствует сохранению традиционной культуры. Проведенный опрос подтвердил доминирование русского языка, особенно в центральных микрорайонах (ПМА–2024).

Как показывают результаты исследования мнения жителей г. Мирный разделились относительно зон общения на якутском языке: одни утверждают, что он слышен повсеместно, другие сомневаются в его распространенности даже в бытовых условиях. Ясно очерченной «якутской языковой зоны» нет, но язык саха является неотъемлемой частью культурного ландшафта Мирного.

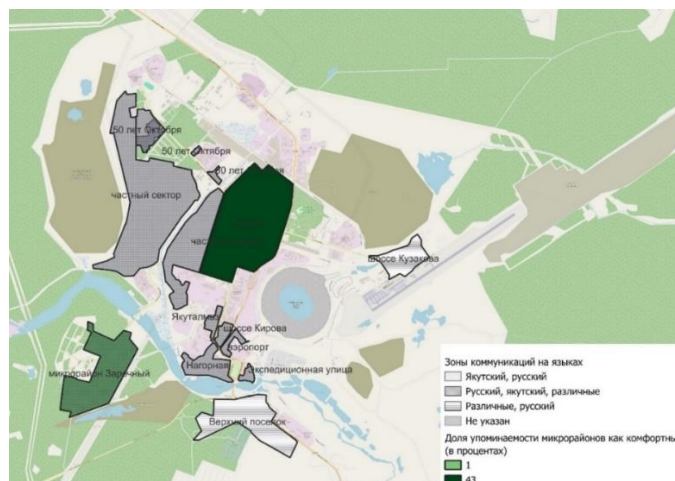

Рис. 1. Зоны коммуникаций на языках и зоны языковой комфортности для населения г. Мирный согласно проведенному опросу (составлено авторами)

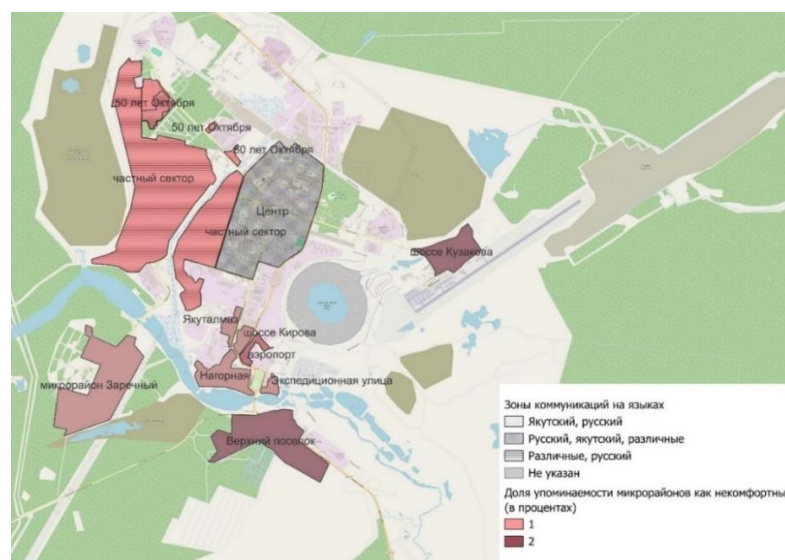

Рис. 2. Зоны коммуникаций на языках и зоны языковой дискомфорта для населения г. Мирный согласно проведенному опросу (составлено авторами)

Ответы на вопросы о зонах распространения языков коренных народов Севера (в нашем случае, эвенкийский, эвенский, юкагирский и др.) показали, что точное определение таких зон затруднительно. Нет чёткого понимания, где именно эти языки активно используются. Частичные упоминания отдельных районов или общие высказывания типа «везде» не дают полной картины. Причины могут крыться в ограниченной распространённости языков, ассимиляции, недостаточной публичной проявленности или личном опыте общения. Некоторые ответы указывают на наличие языкового разнообразия, особенно в определенных районах, таких как «узбекский частный сектор» или «общины» в центре города. Упоминание якутского, киргизского и бурятского языков, а также тюркских языков в районе улицы Фрунзе

говорит о присутствии этих языков в локальном общении (ПМА– 2024). Анализируя полученные ответы, можно заключить, что комфортность общения в городе определяется множеством факторов, включая инфраструктуру, месторасположение и личные впечатления респондентов.

2.5. Социально-экономический контекст

Языковая жизнь северных и арктических регионов России испытывает сильное влияние социально-экономических факторов, характерных для суровых климатических условий. В качестве показателей в эту группу включены: среднегодовая численность работников организаций (средние значения за последние 3 года); численность незанятых граждан; среднемесячная номинальная начисленная заработная плата; средний размер назначенных пенсий, руб.; число предприятий и организаций; доступность и близость объектов социальной инфраструктуры, мест отдыха, образовательных и медицинских учреждений, объектов культурно-досугового типа; удаленность от центра города.

Эксперты подчеркивают, что Север и Арктика удобны для изучения миграционных процессов, так как здесь присутствуют практически все их разновидности – от традиционного кочевничества до сезонных перемещений и вахтовой работы (Вахтин, Лярская, 2019: 346). Несмотря на активное промышленное освоение Севера и Арктики, начавшееся еще в советский период, коренные народы продолжают традиционно заниматься оленеводством, рыбной ловлей и другими видами хозяйственной деятельности, хотя масштабы этих занятий уменьшились (см.: Российская Арктика ... , 2016; Головнев, 2022; Вахтин, 2001, 2019; и др.). Переезд в город подрывает традиционные занятия коренных народов, но концентрация населения в городах создает условия для языкового разнообразия. Компании, привлекая кадры, представляющие разные языковые группы, проводят политику многоязычия, повышая доступность услуг и рабочих языков. Уровень зарплат и пенсии также влияет на доступность языковых ресурсов, таких как обучающие курсы и учебники, что, в конечном счете, воздействует на языковую комфортность и знание языков. Недостаток знания официальных языков и невозможность найти работу без достаточного владения ими создают препятствия для миграции и интеграции.

Как было указано выше, город Мирный – крупный промышленный центр с населением 34 013 чел., состоящим из 73 этнических групп, большинство из которых – русские (67%). За последние 5 лет население сократилось на 1210 чел., что связано с монопрофильностью города и кадровой ситуацией на градообразующем предприятии АК «АЛРОСА». Одной из причин

оттока стал техногенный инцидент 2017 г., когда затопление рудника «Мир» привело к приостановке добычи алмазов и гибели восьми человек.

2.6. Коммуникативная мощность

В данную группу в качестве показателей коммуникативной мощности были отобраны: коммуникативная мощность русского языка, кол-во сфер (24 ед.); коммуникативная мощность официальных языков, кол-во сфер (24 ед.); коммуникативная мощность иных языков в городском пространстве, кол-во сфер (24 ед.); функционирование языка в семейном общении; количество школ, дошкольных учреждений и учреждений дополнительного образования, где ведётся обучение на родном языке; количество обучающихся родному языку и культуре; подготовка кадров (учителей родных языков); функционирование национальных языков в СМИ, в сфере делопроизводства, судопроизводства; использование национальных языков в сфере ИКТ (Интернет, социальные сети, блоги и т.д.); наличие межпоколенной передачи культурного наследия.

Языки коренных малочисленных народов Севера переживают активную стадию смены языка. Старшее поколение называет ряд исторических событий в качестве причин кризиса в судьбе своих народов. Сегодня дети и взрослые предпочитают использовать русский язык по причине его доминирования в социуме. Молодёжь и среднее поколение теряют интерес к родному языку, предпочитая русский, что тревожит представителей старшего поколения носителей языка и грозит постепенной утратой этнической идентичности.

Русский язык в Мирном выполняет множество функций, являясь основным языком общения и доминируя практически во всех сферах жизни: он служит основным средством межнационального общения, языком образования, науки, делопроизводства и культуры.

Лишь 10% населения владеет этническими языками, которые используются исключительно в семейной и бытовой сферах. Коренным населением Мирнинского района являются эвенки, владеющие якутским языком. В самом городе Мирный этническим языком считается якутский, который, занимая второстепенное положение, сохраняет своё значение в образовательной и культурной сферах, а также в быту. Эвенкийский язык представлен незначительно, используется лишь в дошкольном образовании, в специализированных учебных заведениях и культурной деятельности. Недавно появилась возможность введения курса якутского языка в школах как дополнительного по инициативе родителей и администрации г. Мирный, что связано с внутренней миграцией якутов из близлежащих районов. Несмотря на лидерство русского языка, якутский и эвенкийский сохраняют

ключевую роль в трансляции культурного наследия коренных народов. Чтобы укрепить языковое разнообразие и национальную идентичность, необходимо расширить их присутствие в образовании, средствах массовой информации и культурной жизни.

Регламентированными сферами коммуникативной мощности являются образование, сфера культуры, судопроизводство и делопроизводство.

Образование. Образование в дошкольных и школьных учреждениях г. Мирный организовано на русском языке. Якутский язык, будучи государственным языком Республики Саха (Якутия), не получил активного применения в образовательном пространстве города. Интерес к его изучению со стороны якутоязычных жителей формирует запрос на введение специального преподавания. Пока в детских садах и школах якутский преподается факультативно, в среднем специальном образовании введена дисциплина «Якутский язык как государственный», а в ВУЗах его роль сводится к межличностному общению среди якутоязычных студентов.

Сфера культуры (СМИ, телевидение, радио). Начиная с 2018 года, в Мирном организованы бесплатные курсы якутского языка, инициированные Детской районной библиотекой и Центральной городской библиотекой им. М.М. Софианиди. Занятия открыты как для детей, так и для взрослых, причем основными слушателями являются желающие освоить язык – сотрудники Мирнинского политехнического института (филиала СВФУ им. М.К. Аммосова) и актеры Мирнинского театра. Администрацией города Мирный оказывается финансовая поддержка национальным организациям, проводящим мероприятия, посвященные сохранению языков и культур. Якутский язык официально включен в празднование народных фестивалей, таких как Ысыах, День родного языка и Декада Олонхо. На официальных сайтах администрации города возможна подача информации на якутском языке наряду с русским. Программа «Культура и спорт», реализуемая АК «АЛРОСА», поддерживает развитие и сохранение якутской культуры. При Дворце культуры действуют детские и народные коллективы, популяризирующие якутскую культуру. Компания акцентирует внимание на проектах, направленных на сохранение языкового наследия коренных малочисленных народов Севера. Заключено долгосрочное соглашение с правительством Республики Саха (Якутия) и Ассоциацией коренных малочисленных народов Севера Республики.

Судопроизводство и делопроизводство. Официальная документация в органах власти, предприятиях и организациях ведется исключительно на русском языке. В суде дела также ведутся на русском, однако граждане вправе обратиться в государственные органы на

якутском языке, при этом ответ предоставляется на русском с возможностью добавления перевода на якутский. Недостаточно развитая практика использования якутского языка в юридической сфере обусловлена небольшой численностью якутоязычного населения и дефицитом квалифицированных переводчиков. Сейчас предпринимаются шаги по подготовке специалистов и изданию учебной литературы для расширения применения якутского языка в официальных процедурах.

К нерегламентированной сфере относится внутрисемейное общение. Высокий интерес к изучению якутского языка в школах и на библиотечных курсах в г. Мирный вызван беспокойством родителей саха, замечающих, что их дети перестали разговаривать на родном языке. Причина кроется в доминировании русского языка в городской среде и недостатке домашней языковой практики. Перспективы якутского языка остаются неопределенными, но надежда есть. Успех зависит от согласованных усилий властей, образовательных учреждений, общественности и, главное, самих носителей языка. Необходимо создать условия для полноценного двуязычия, поднять престиж якутского языка и расширить сферы его применения в многонациональном городе. В этом случае удастся преодолеть опасения по поводу сокращения его использования и утвердить его как живой и востребованный язык. Русскому языку принадлежат ведущие позиции во всех сферах жизни г. Мирный, однако сохраняются внутрисемейные связи и традиция передачи родного языка среди коренных народов. Родным языком эвенков является якутский, но они оказались в инокультурной среде и столкнулись с ассимиляцией, что способствовало утрате традиционных ценностей и разрыву межпоколенных связей (Боякова, 2024: 64–65). Устойчивость якутского языка поддерживается благодаря желанию саха передавать язык будущему поколению, однако признание ведущей роли русского языка и прагматический подход к жизненным возможностям создают серьезные вызовы.

2.7. Символическая мощьность

Для выявления символической мощьности были проанализированы следующие показатели: самоидентификация (количество считающих этнический язык родным (соответствие национальности)); гражданская и региональная идентичность (идентификация себя как гражданина России, региона, района, города, малой Родины, северность); космополитизм.

Этнос, меняя язык, может сохранить свою идентичность, если остается неизменной основа культуры, представление о единстве с предками, говорившими на ином языке (Бокаев,

2011: 7). Наше исследование показало, что для 37,3% жителей Мирного знание родного языка является ключевым признаком определения своей национальности. Другие исследователи полагают, что северяне, живущие в русскоязычной среде, сталкиваясь с удаленностью от родных мест и отсутствием культурных признаков, часто выбирают родной язык как доказательство своей этнической принадлежности (Вахтин, 2001).

Анализ динамики владения языками в Мирном за 1989–2020 гг. выявил снижение использования языка своей национальности среди якутов, эвенков и эвенов. В то же время стремительно увеличивается число людей, называющих русский язык родным, что отражает процессы ассимиляции и подтверждает доминирование русского языка во всех сферах городской жизни. Таким образом, язык не только передает информацию, но и поддерживает культурную идентичность, выступая символом принадлежности к определённой этнической группе.

Язык выполняет не только коммуникативную, но и символическую функцию, закрепляющую принадлежность к социокультурному пространству. Почти половина опрошенных (48,75%) выразили беспокойство о будущем родного языка. Однако появляются положительные тенденции: проводятся курсы разговорного якутского языка, а в 2023 г. в школе № 26 введены занятия по якутскому языку, что связано с увеличением якутоязычного населения из-за внутренней миграции. В результате опроса выявлено, что 37,3% считают знание родного языка важнейшим критерием определения своей национальности. Большинство (33,75%) определяют себя как россиян, при этом сохраняют связи с малой родиной — Якутией (22,5%) и ощущают принадлежность к северному сообществу (67,32%).

Этническая самоидентификация, особенно среди саха (22,98%), эвенков (3,1%) и русских (1,86%), подтверждает важность связи с собственным народом. Однако растёт число людей, позиционирующих себя как космополитов (14,74%), особенно среди молодежи до 30 лет. Редкими остаются случаи проявления религиозной самоидентификации, подчеркивая секулярный характер общества. Эти факты формируют уникальную идентичность жителей Мирного, совмещающую чувства принадлежности к России, Якутии, региону, этносу и миру в целом.

2.8. Этнокультурные показатели

Город несет в себе отражение своей истории, социальных процессов и прошлого, воплощенного в символах городской среды. Памятники северных и арктических городов выступают как значимые символы, формирующие этническую и гражданскую идентичность,

отражая сегодняшнюю трансформацию восприятия региона и страны, а также определяя облик самого города. Исследования показывают, что использование визуальных средств и коммуникационных методов позволяет выявить механизмы формирования культурной, национальной, гражданской, религиозной и профессиональной идентичности (Аванесов, 2016; Аванесов, Федотова, 2022).

В данной группе были рассмотрены такие показатели как языковой ландшафт и топонимы. Город Мирный обладает яркой историей и уникальным обликом, запечатленным в архитектурных и культурных символах. Памятники Мирного, отражая промышленную специфику города, формируются в основном за счет объектов местного значения (11 единиц против 2 федеральных и региональных), подчеркивая вклад алмазной промышленности в развитие региона. Топонимы города хранят следы советской идеологии и представлений о дружбе народов, они связаны и с алмазодобычей, что создает особый культурный контекст.

Языковой ландшафт Мирного – сложная мозаика, соединяющая этнические корни и экономические процессы. В топонимике встречаются названия, связанные с традициями коренных народов Якутии, демонстрируя присутствие эвенкийских и якутских элементов (7,46% и 1,85% соответственно). Русский язык, обеспечивая межнациональное общение, объединяет разные этнические группы и способствует сохранению духовного и культурного богатства.

Мирный также является центром многообразия конфессий, где православие, буддизм и ислам гармонично сосуществуют. Новый храм «Дом Арчы», возводящийся при поддержке АК «АЛРОСА», олицетворяет объединение этнических групп и усилие по сохранению духовной культуры коренных народов. Русский язык в городе служит общим средством общения, укрепляющим межэтнический мир и взаимопонимание.

2.9. Управление судьбой

Индикатор «Управление судьбой» отражает успешное развитие языков с учетом четырёх ключевых аспектов. Первые три из них — это правовая и институциональная поддержка языков, деятельность языковых активистов и научный подход к сохранению языкового многообразия (Кибрик, 2020). Дополнительно авторы вводят четвертый аспект – социально-коммуникативный климат, который определяется всеми участниками коммуникации и подразумевает сбалансированное функционирование языков в многоязычном и многокультурном сообществе. Социально-коммуникативный климат образует цепочку взаимосвязей между языками, влияя на их взаимодействие и распределение функций.

В группу показателей «Управление судьбой» авторы включили следующие показатели: пространства комфортности/дискомфортности в общении в городе, с указанием причины; категории комфортности/дискомфортности в общении в городе, с указанием причины; комфортность/дискомфортность в общении с другими этносами, что на это влияет; наличие языковых активистов.

Правовое регулирование языковой ситуации в г. Мирный имеет свои особенности. Оно строится на основе федеральной и региональной законодательных баз, но получает дополнительную конкретизацию на муниципальном уровне. Нормативные акты города Мирный регулируют использование языков в сферах образования, культуры, информации и делопроизводства, а также предусматривают оказание муниципальных услуг на языках народов региона. Муниципалитет активно развивает программы, направленные на поддержку изучения якутского языка и культуры, организует мероприятия, способствующие развитию языков и культур народов Якутии.

Однако реализация правового регулирования сталкивается с рядом препятствий. Среди них – недостаточное финансирование программ поддержки языков, нехватка квалифицированных педагогов, владеющих якутским языком и языками коренных народов, а также негативное влияние урбанизации и глобализации на языковую обстановку.

Научная разработанность языка. Научное изучение якутского языка находится в процессе постоянного прогрессирования. Наличие структурных исследований, корпусов и словарей закладывает надёжную основу для понимания языка, но это лишь первый шаг. Многолетняя работа лингвистов позволила накопить богатый материал по фонетике, морфологии и синтаксису, выявить уникальные особенности языка и его место в тюркской семье. Однако ряд аспектов, таких как диалектное разнообразие, влияние глобализации и технологий, а также использование языка в различных социальных средах, нуждаются в дальнейшем изучении. Проекты по документированию языка чрезвычайно важны для его сохранения и развития.

Эвенкийский язык также прошёл долгий путь научной разработки. Исследования исследователей эвенкийского языка пролили свет на его структуру и грамматику, но многие вопросы остаются открытыми. Требуется продолжение изучения диалектного разнообразия, влияния окружающих языков и исторической динамики. Словари и корпуса текстов играют ключевую роль в фиксации лексики и происхождения слов, но они пока не полностью отражают богатство и разнообразие эвенкийского языка, особенно в контексте традиционных знаний и промыслов. Проекты по сохранению устного народного творчества, фольклора и

традиций жизненно важны для поддержания культурной идентичности и языкового наследия эвенков.

Языковой активизм. Языковая комфортность достигается, в том числе, благодаря языковому активизму – действиям, нацеленным на устранение языкового неравенства, увеличение числа носителей языка и расширение сфер его использования. Задача языкового активизма — улучшение языковой ситуации в сообществе. Существует две тенденции: языковая некомфортность порождает появление активистов, а их деятельность, напротив, способствует достижению языковой комфортности. Этим объясняются балансирующие свойства языкового активизма.

В городе Мирный языковой активизм занимает заметную позицию (17,89% опрошенных), однако конкретные действия активистов неясны. Чаще упоминаются организации и учреждения, такие как Ассамблея, ассоциация «Достук», библиотека, дворец культуры «Алмаз», администрация и другие, но сама суть мероприятий не указана. Возможно, это говорит о том, что в небольшом городе с доминированием одного языка ответственность за развитие языков возлагается скорее на организации, чем на активные действия в отношении миноритарных языков.

Вопрос межнационального согласия и гармонии в многонациональном промышленном городе решается усилиями Мирнинского отделения Ассамблеи народов Республики Саха (Якутия), возглавляемой Г.А. Бейсембаевой. Ассамблея занимается поддержкой национальных культур и языков, проведением праздничных мероприятий, таких как «Ысыах», концертами, выставками и литературными вечерами. Благодаря этой работе удастся поддерживать единство и гармонию в многонациональном сообществе.

Социально-коммуникативный климат и конфликтогенный потенциал. Языковое пространство города характеризуется наличием языковой монополии доминирующего языка, что неизбежно приводит к конкуренции с другими языками и потенциально может провоцировать языковые конфликты. Однако корень любых языковых разногласий лежит в социальных конфликтах. Исходя из этого, для территорий с поликультурным составом населения важно своевременно оценивать конфликтогенный потенциал языковой ситуации, который может проявляться в двух формах:

– внутренние противоречия внутри языкового сообщества возникают, когда часть носителей отказывается использовать родной язык даже в домашнем общении, что воспринимается остальными членами сообщества негативно и ведет к росту недовольства и снижению лояльности к родному языку;

– внешние угрозы для языка возникают при изменении языковой политики, усилении дискриминации со стороны доминирующего языкового сообщества или введении запретов на использование языка.

Результаты опроса по комфортности общения показывают, что молодёжь (около 51,5%) демонстрирует более открытый и терпимый подход к различным культурам. Для молодого поколения комфортность общения не зависит от этнической принадлежности партнёра, а определяется его личными качествами и манерой поведения. Однако среди молодёжи выделяется проблема межкультурного непонимания: респонденты отмечают, что легче взаимодействовать с теми этническими группами, с которыми уже установлен опыт общения и знакомства, в то время как неизвестные языки, культуры и различия в менталитете создают дискомфорт. По итогам опроса выяснилось, что жителям Мирного комфортно общаться с хорошо известными этническими группами (12,5%), в то время как неприязнь возникает к людям из других народов, язык и культуру которых они плохо знают (22,5%). Наиболее яркие очаги напряжения наблюдаются в отношениях с выходцами из Средней Азии и Кавказа, что объясняется недостатком знаний об их языке, культуре и менталитете и может провоцировать недопонимание, недоверие и страх.

Согласно результатам нашего опроса, в категорию «свои информанты» жители обследованных северных городов включают русских и представителей коренных народов Севера, между которыми выявляется положительный опыт взаимодействия в межкультурной коммуникации — добрососедства, понимания языка и культуры, родства, взаимодействия во время обучения (ПМА–2024). Информантам некомфортно с «чужими» (10%), к которым они относят мигрантов из-за разницы в религии, по экономическим причинам, из-за проблем безопасности во взаимоотношениях между мужчинами-мигрантами и женщинами локальных этнических сообществ (ПМА–2024).

Анализ ответов респондентов выявил сложность и неоднородность восприятия межэтнических отношений в городе. Центральные микрорайоны, парки и культурные центры воспринимаются как пространства комфортного межэтнического общения, тогда как районы, ассоциируемые с конфликтами, редко называются однозначно. Среди возможных причин конфликтов называются конкуренция за ресурсы, культурные различия и негативные стереотипы. Ряд респондентов выразил сомнение в существовании таких районов, что может указывать на нежелание обсуждать негативные моменты или сложность точного определения таких зон.

Основной проблемой межэтнического общения является языковой барьер и различия в культурных установках. Часть респондентов отметила недовольство некорректным поведением мигрантов из Средней Азии и Кавказского региона, что усугубляет напряженность. В то же время большая часть опрошенных уверена, что доброжелательность, вежливость и уважение важнее языка и этнической принадлежности.

3 | Заключение

На основе проведенного исследования – апробации модели экспертизы социального воздействия на языки и культуры в городском пространстве на примере г. Мирный Республики Саха (Якутия) выявлены внутренние противоречия. С одной стороны, прослеживается стремление сохранить якутский язык, подчеркнуть его значимость и закрепить его статус в обществе. С другой стороны, реальная практика показывает, что русский язык доминирует во всех сферах жизни: деловой, образовательной, профессиональной и культурной, оттесняя якутский на задний план. Это несоответствие желаемого и реального вызывает неуверенность и тревогу относительно будущего якутского языка.

На основе проведенной экспертизы социального воздействия на язык, можно говорить о том, что необходимо предпринять целенаправленные меры для устранения этого разрыва. Речь идёт не только о пропаганде символической значимости языка, но и о создании реальных условий для его использования в различных сферах: в образовании, культуре, экономике и управленческом аппарате. Пока поддержка якутского языка ограничивается декларациями, нужны конкретные шаги и инициативы сверху.

Выявлена недостаточность функциональных возможностей языка, которая может усилить риск дальнейшего снижения его значимости среди молодого поколения. Решение этой проблемы требует новых стратегий, сочетающих традиционные подходы с современными способами популяризации и развития языка. Только при таком подходе можно решить существующие противоречия и обеспечить устойчивое будущее якутского языка как важной составляющей культурного наследия народа саха.

Проведенная оценка, основанная на модели экспертизы социального воздействия на язык и культуру в г. Мирный показала, что Мирный относится к городам с невысокой языковой комфортностью. В городе сформировалось мооязычное пространство, где русский язык абсолютно доминирует. Несмотря на попытки ввести якутский язык в систему образования и культуру, его роль остаётся незначительной. В такой ситуации единственным решением может

статье усиление комплекса мер, направленных на интеграцию языков в реальную жизнь с одновременным повышением общего уровня языковой культуры.

ЛИТЕРАТУРА

- Аванесов С. С. (2016) Визуальная семиотика города: перспектива исследования городских текстов // Праксема. Проблемы визуальной семиотики. Вып. 4 (10). С. 9–22.
- Аванесов С. С., Федотова Н. Г. (2022) Город в поисках идентичности. СПб.: Алетейя. 408 с.
- Биткеева А. Н. (2022) Модель социолингвистического прогнозирования и актуальные тенденции языковой политики в регионах России // Новые исследования Тувы. № 4. С. 38–52. DOI: 10.25178/nit.2022.4.3
- Биткеева А. Н., Хохолова И. С., Филиппова В. В. (2023) Модель языковой комфортности в городском пространстве: новые аспекты и методы исследования // Новые исследования Тувы. № 3. С. 151–170. DOI: 10.25178/nit.2023.3.10
- Биткеева А. Н., Хохолова И. С., Филиппова В. В. (2025) Оценка языковой комфортности в городском пространстве северного и арктического города // Новые исследования Тувы. № 2. С. 169–187. DOI: 10.25178/nit.2025.2.9
- Бокаев Б. Н. (2011) Язык как фактор этнической идентичности // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. № 5. С. 95–100.
- Боякова С. И. (2024) Брагатские эвенки: история, расселение, хозяйство, современный статус // Северо-Восточный гуманитарный вестник. № 3 (48). С. 57–68. DOI: 10.25693/SVG.V.2024.48.3.005
- Вахтин Н. Б. (2001) Языки народов Севера в 20 веке: очерки языкового сдвига. СПб.: Дмитрий Буланин. 338 с.
- Вахтин Н. Б. (2019) Этнологическая экспертиза: этносы или люди? // Этнографическое обозрение. № 4. С. 135–139.
- Вахтин Н. Б., Ляльская Е. В. (2019) Человеческие и инфраструктурные связи Арктической зоны РФ: Методологические подходы к изучению // Проблемы Арктики и Антарктики. Т. 65, № 3. С. 341–352. DOI: 10.30758/0555-2648-2019-65-3-341-352
- Головнёв А. В. (2022) Северность России. СПб.: МАЭ РАН. 450 с.
- Головнёв А. В., Комова Е. А. (2022) Этноэкспертиза: таймырский дискурс // Сибирские исторические исследования. № 4. С. 158–175.
- Кибрик А. А. (2020) Сохранение языкового разнообразия России: контуры программы // Социолингвистика. № 1. С. 17–28.
- Официальный сайт ассоциации International Association for Impact Assessment. Режим доступа: <https://www.iaia.org/index.php>. Дата обращения: 24.08.2025.
- Российская Арктика: Коренные народы и промышленное освоение (2016) / Под ред. В. А. Тишкова. М.; СПб.: Нестор-История. 272 с.
- Российская и Мировая Арктика: население, экономика, расселение (2022) / Сост. В. В. Фаузер, А. В. Смирнов, Т. С. Лыткина, Г. Н. Фаузер; Отв. ред. В. В. Фаузер. М.: Политическая энциклопедия. 215 с.
- Филиппова В. В. (2023) Брагатские эвенки и промышленное освоение Западной Якутии // Agrarian History. № 15. С. 17–29. DOI: 10.52270/27132447_2023_15_17
- Федеральный Закон от 30 апреля 1999 г. № 82-ФЗ (ред. от 07.02.2022) «О гарантиях прав коренных малочисленных народов Российской Федерации». Режим доступа: <https://docs.cntd.ru/document/901732262>. Дата обращения: 20.08.2025.
- Arctic Human Development Report Regional Processes and Global Linkages (2014). Режим доступа: <https://www.sdwg.org/wp-content/uploads/2021/08/Arctic-Human-Development-Report-II.pdf>. Дата обращения: 24.08.2025.

REFERENCES

- Avanesov S. S. (2016). Vizual'naya semiotika goroda: perspektiva issledovaniya gorodskikh tekstov [Visual semiotics of cities: perspective of urban texts studies]. *Praksema. Problemy vizual'noi semiotiki* [Praxema. Journal of Visual Semiotics]. no. 4 (10), pp. 9–22. (In Russian).
- Avanesov, S.S., Fedotova, N.G. (2022) *Gorod v poiskakh identichnosti* [A city in search of identity]. Saint Petersburg: Aleteiia. 408 p. (In Russian).
- Arctic Human Development Report: Regional Processes and Global Linkages (2014). Nordic Council of Ministers. Available at: <https://norden.diva-portal.org/smash/get/diva2:788965/FULLTEXT01.pdf> Access date: 24.08.2025.
- Bitkeeva, A.N. (2022) Model' sotsiolingvisticheskogo prognozirovaniya i aktual'nye tendentsii yazykovoi politiki v regionakh Rossii [Model of sociolinguistic forecasting and the current trends of language policy in the regions of Russia]. *New Research of Tuva*. no. 4, pp. 38–52. DOI: 10.25178/nit.2022.4.3 (In Russian).
- Bitkeeva, A.N., Khokholova, I.S., Filippova, V.V. (2023) Model' yazykovoi komfortnosti v gorodskom prostranstve: novye aspekty i metody issledovaniya [Model of language comfort in urban space: New aspects and research methods]. *New Research of Tuva*. no. 3, pp. 151–170. DOI: 10.25178/nit.2023.3.10 (In Russian).
- Bitkeeva, A.N., Khokholova, I.S., Filippova, V.V. (2025) Otsenka yazykovoi komfortnosti v gorodskom prostranstve severnogo i arkticheskogo goroda [Assessment of linguistic comfort in the urban space of the northern and Arctic cities]. *New Research of Tuva*. no. 2, pp. 169–187. DOI: 10.25178/nit.2025.2.9 (In Russian).
- Bokaev, B.N. (2011) Yazyk kak faktor etnicheskoi identichnosti [Language as a factor of ethnic identity]. *Aktual'nye problemy gumanitarnykh i estestvennykh nauk* [Actual Problems of the Humanities and Natural Sciences]. no. 5, pp. 95–100. (In Russian).
- Boyakova, S.I. (2024) Bragatskie evenki: istoriya, rasselenie, khozyaistvo, sovremennyyi status [Bragat Evenks: history, settlement, economy, modern status]. *Severo-Vostochnyyi gumanitarnyyi vestnik* [North-Eastern Journal of Humanities]. no. 3 (48), pp. 57–68. DOI: 10.25693/SVGV.2024.48.3.005 (In Russian).
- Vakhtin, N.B. (2019) Etnologicheskaya ekspertiza: etnosy ili lyudi? [Ethnological expertise: ethnic groups or people]. *Etnograficheskoe obozrenie* [Ethnographic Review]. no. 4, pp. 135–139. (In Russian).
- Vakhtin, N.B., Lyarskaya, E.V. (2019) Chelovecheskie i infrastrukturnye svyazi Arkticheskoi zony RF: Metodologicheskie podkhody k izucheniyu [Human and infrastructural connectivity of the Arctic zone of the Russian Federation: methodological approaches to research]. *Arktika i Antarktika* [Arctic and Antarctic Research]. Vol. 65, no. 3, pp. 341–352. DOI: 10.30758/0555-2648-2019-65-3-341-352 (In Russian).
- Golovnev, A.V. (2022) *Severnost' Rossii* [The Northness of Russia]. Saint Petersburg: Muzei antropologii i etnografii RAN (Kunstkamera). 450 p. (In Russian).
- Golovnev, A.V., Komova, E.A. (2022) Etnoekspertiza: tajmyrskii diskurs [Ethnoexpertise: Taymyr Discourse]. *Sibirskie istoricheskie issledovaniya* [Siberian Historical Research]. no. 4, pp. 158–175. (In Russian).
- Federal'nyi zakon ot 30 aprelya 1999 g. № 82-FZ (red. ot 07.02.2022) «O garantiyakh prav korennykh malochislennykh narodov Rossiiskoi Federatsii» [Federal Law No. 82-FZ of April 30, 1999 (as amended on 02/07/2022) "On Guarantees of the Rights of Small Indigenous Peoples of the Russian Federation"]. Elektronnyi fond normativno-tekhnicheskoi i normativno-pravovoi informatsii Konsortsiума «Kodeks» [Electronic Fund of regulatory, technical and regulatory Information of the Codex Consortium]. Available at: <https://docs.cntd.ru/document/901732262> Access date: 20.08.2025. (In Russian).

- Kibrik, A.A. (2020) Sokhranenie yazykovogo raznoobraziya Rossii: kontury programmy [Preservation of linguistic diversity in Russia: contours of the program]. *Sotsiolingvistika* [Sociolinguistics]. no. 1, pp. 17–28. DOI: 10.37892/2713-2951-1-17-28 (In Russian).
- Ofitsial'nyi sait assotsiatsii International Association for Impact Assessment [The official website of the Association of the International Association for Impact Assessment]. Available at: <https://www.iaia.org/> Access date: 24.08.2025.
- Rossiiskaya i mirovaya Arktika: naselenie, ekonomika, rasselenie [The Russian and Global Arctic: population, economy, and settlement] (2022). Ed. by V.V. Fauzer, A.V. Smirnov, T.S. Lytkina, G.N. Fauzer. Moscow: Politicheskaya entsiklopediya. 215 p. (In Russian).
- Rossiiskaya Arktika: Korennnye narody i promyshlennoe osvoenie [The Russian Arctic: Indigenous peoples and industrial development] (2016). Ed. by V.A. Tishkov. Moscow, Saint Petersburg: Nestor-Istoriya. 272 p. (In Russian).
- Filippova, V.V. (2023) Bragatskie evenki i promyshlennoe osvoenie Zapadnoĭ Yakutii [Bragat Evenks and Industrial Development of Western Yakutia]. *Agrarnaya istoriya* [Agrarian History]. no. 15, pp. 17–29. DOI: 10.52270/27132447_2023_15_17 (In Russian).

Биткеева Айса Николаевна – доктор филологических наук, руководитель Научно-исследовательского центра по национально-языковым отношениям Института языкознания РАН.

Адрес: 125009, Российская Федерация, г. Москва, Б. Кисловский пер., 1/1.

Эл. адрес: aisa_bitkeeva@yahoo.com

<https://orcid.org/0000-0003-3765-2144>

Хохолова Ирена Семеновна – кандидат филологических наук, доцент Института зарубежной филологии и регионоведения, Северо-Восточного федерального университета им. М.К. Аммосова.

Адрес: 677000, Российская Федерация, г. Якутск, ул. Белинского, 58.

Эл. адрес: iskhokholova@mail.ru

<https://orcid.org/0000-0003-0066-7537>

Филиппова Виктория Викторовна – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, руководитель Центра арктических исследований Института гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН.

Адрес: 677027, Российская Федерация, г. Якутск, ул. Петровского, д. 1.

Эл. адрес: filippovav@mail.ru

<https://orcid.org/0000-0002-3900-918X>

Aysa N. Bitkeeva – Doctor of Philological Sciences, Head of the Research Center on Ethnic and Language Relations of the Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences.

Address: B. Kislovsky lane 1/1, Moscow, Russian Federation, 125009.

E-mail: aisa_bitkeeva@yahoo.com

<https://orcid.org/0000-0003-3765-2144>

Irena S. Khokholova – Candidate of Philology, Associate Professor, Institute of Modern Languages and International Studies, Northeastern Federal University named after M.K. Ammosov.

Address: Belinsky str. 58 off. 812, Yakutsk, Russian Federation, 677000.

E-mail: iskhokholova@mail.ru

<https://orcid.org/0000-0003-0066-7537>

Viktoriya V. Filippova – Candidate of History, Senior Researcher, Department of the Arctic Research, Institute for Humanities Research and Indigenous Studies of the North, Siberian Branch, Russian Academy of Sciences.

Address: Petrovskogo St. 1, 677027, Yakutsk, Russia, 677000

E-mail: Filippovav@mail.ru

<https://orcid.org/0000-0002-3900-918X>

Для цитирования: *Биткеева А.Н., Хохолова И.С., Филиппова В.В.* Экспертиза социального воздействия на язык и культуру в городской среде: опыт города Мирный Республики Саха // Социоллингвистика. 2025. № 4 (24). С. 97–118. DOI: 10.37892/2713-2951-4-24-97-118

For citation: *Bitkeeva A.N., Khokholova I.S., Filippova V.V.* Social impact assessment on language and culture in an urban environment: the case study of Mirnyi, Sakha Republic (Yakutia) // Sociolinguistika. 2025. No. 4 (24). Pp. 97–2118. (In Russian). DOI: 10.37892/2713-2951-4-24-97-118

Заявление о конфликте интересов | Conflict of interest statement

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

The authors declare no conflicts of interests.

The article was submitted 03.08.2025;
approved after reviewing 14.11.2025;
accepted for publication 27.12.2025.

<https://doi.org/10.37892/2713-2951-4-24-119-136>**ЯЗЫКИ ЮЖНОЙ СИБИРИ: ОСОБЕННОСТИ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ В СФЕРЕ
ТУРИЗМА (НА МАТЕРИАЛЕ ИНТЕРНЕТ-ДИСКУРСА)**

УДК 81'272

Тамара Г. Боргоякова Хакасский государственный
университет
им. Н.Ф. Катанова,

Российская Федерация

Аурика В. Гусейнова Хакасский государственный
университет
им. Н.Ф. Катанова,

Российская Федерация

Аннотация

В статье рассматриваются особенности функционирования государственных языков республик Южной Сибири – алтайского, тувинского и хакасского – в сфере туризма. Материалом исследования послужили электронные информационные ресурсы официальных туристских информационных центров республик, а также отзывы туристов о посещении этих республик в личных блогах и на страницах специализированных туристических сайтов.

В исследованном сегменте туристической сферы региональные языки представлены главным образом отдельными вкраплениями топонимической и этнографической лексики, хотя присутствуют и элементы этнолингвистической информации и двуязычного дискурса. Отмечается корреляция функционирования указанных языков в сфере туризма с базовыми константами социоллингвистической типологии языков республик Южной Сибири, в которой тувинский язык лидирует по показателям демографической и коммуникативной устойчивости. Отзывы туристов свидетельствует о противоречивом отношении к интенсивности проявления этнолингвистического регионального колорита. Его дефицит вызывает сожаление, но избыток приводит к субъективно дискомфортному ощущению отчуждения в пределах собственного государства.

Выявление новых возможностей повышения ценностного восприятия туристического продукта в «оболочке» региональных языков со стороны потребителя связано с проблематикой эксклюзивного брендинга статуса и престижа миноритарных языков.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: туризм, миноритарные языки, республики Алтай, Тыва, Хакасия, этно-региональный брендинг, коммодификация

<https://doi.org/10.37892/2713-2951-4-24-119-136>

LANGUAGES OF SOUTHERN SIBERIA: REPRESENTATION IN THE FIELD OF TOURISM (BASED ON INTERNET DISCOURSE)

UDC 81'272

Tamara G. Borgoyakova

Katanov Khakass State
University,

Russion Federation

Aurika V. Guseinova

Katanov Khakass State
University,

Russion Federation

Abstract

The article examines the specific features of the functioning of the state languages of the republics of Southern Siberia — Altai, Tuvan, and Khakas – in the tourism sector. The research material comprises electronic information resources of the official tourist information centers of the republics, as well as tourists' reviews of visits to these regions published in personal blogs and on specialized travel websites.

Within the analyzed segment of the tourism sphere, regional languages are represented mainly through isolated insertions of toponymic and ethnographic vocabulary, although elements of ethnolinguistic information and bilingual discourse are also present. A correlation is observed between the functioning of these languages in tourism and the basic constants of the sociolinguistic typology of the languages of Southern Siberia, in which the Tuvan language leads in terms of demographic and communicative sustainability.

Tourist reviews indicate an ambivalent attitude toward the intensity of ethnolinguistic regional coloring: its insufficiency evokes regret, whereas its excess gives rise to a subjectively uncomfortable sense of alienation within one's own state. The identification of new opportunities to enhance the value perception of the tourism product, presented within the "framework" of regional languages, is associated with issues of exclusive branding of the status and prestige of minority languages.

KEYWORDS: tourism, minority languages, Republics of Altai, Tyva, Khakassia, ethno-regional branding, commodification

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0).

© Tamara G. Borgoyakova, Aurika V. Guseinova, 2025

1 | Введение

Активные исследования коммодификации культуры и языка связаны с современными политическими и экономическими реалиями глобализации, в рамках которых язык рассматривается как добавленная стоимость. К условиям, способствующим использованию языка в контексте глобальной экономики или позднего капитализма, относится его символическая ценность, которая может позволить «отличать продукты и повышать их рыночную стоимость» [Duchêne A., Heller M, 2012: 9]. Данный фактор становится объектом изучения с точки зрения особенностей представления идентичности, идеологии и языка в соответствии с потребностями туристических рынков и вкусов, повышающих маркетинговые выгоды [Sharma, 2018; Yibu Luo, 2022]. В то же время убедительной представляется точка зрения, связанная с пониманием необходимости отказа в современном социолингвистическом дискурсе от термина «товар» (commodity) и рассмотрения языка как «фиктивного товара» (fictitious commodity), «если его вообще можно рассматривать в рамках товарной логики» [Petrovic, 2019: 62].

Результаты социолингвистического исследования роли миноритарных языков в сфере туризма (на примере республик Татарстан, Карелия и Бурятия) [Хилханова, Хилханов 2024: 96] показали, что «туризм не способствует увеличению числа носителей миноритарных языков и их использованию на уровне дискурса как в России, так и в других странах мира». Их присутствие в российских регионах, как правило, связано с этномаркирующей и символической функцией через «названия различных реалий (от топонимических до гастрономических), «поставку» отдельных слов и морфем для этнографического брендинга». В то же время авторы справедливо отмечают, что «увеличение частоты присутствия данных языков в публичном пространстве, в том числе в маркетинговых целях, косвенно повышает их престиж и способствует их нормализации» [Там же]. В других исследованиях, посвященных развитию этнического туризма в регионах России [Трофимов 2013; Суртаев 2012 и др.], авторы фокусируют внимание на важности сохранения и продвижения этнокультурного наследия коренных народов России практически без упоминания роли лингвистического компонента.

Экономические и социальные потрясения последних лет (пандемия COVID-19, обострение мировой политической обстановки) существенно ограничили международный туризм, что стало одной из причин переориентации российского рынка туристических услуг на внутренние направления. Согласно Стратегии развития туризма в Российской Федерации на период до 2035 года, «ключевыми конкурентными преимуществами развития туризма в

Российской Федерации являются наличие множества точек притяжения для внутренних и въездных туристов, имеющих, в том числе общемировое значение для развития разнообразных видов туризма, ориентированных практически на любые группы потребителей» [Стратегия развития туризма...]. Несомненно, «точкой притяжения» для туристов является культурное многообразие России, обусловленное её полиэтничностью.

2 | Материалы исследования

Настоящее исследование охватывает три южносибирских региона – республики Алтай, Хакасия и Тыва. Каждый из них по-своему уникален и богат природными ландшафтами, историческими достопримечательностями, объектами этнокультуры, а потому обладает несомненным туристическим потенциалом. Это подтверждается и заметным приростом туристического потока в регионы Сибирского федерального округа: в 2024 году он составил 16,4%. Лидером по годовому приросту турпотока стала Тыва (+64,8%) [Наибольший рост...], в Хакасии он увеличился на 27% [В Хакасии по итогам 2024 года...], в Республике Алтай – на 5% [Турпоток в Республике Алтай...]. Туристов привлекает главным образом нетронутая сибирская природа, многочисленные музеи, археологические памятники и другие объекты историко-культурного наследия коренных народов Сибири. Важной частью этнографической специфики региона является язык, а потому логичным и востребованным представляется изучение использования региональных языков в туристском брендинге.

Целью настоящей статьи является исследование особенностей репрезентации государственных языков республик Южной Сибири – Алтай, Тыва и Хакасия – в сфере туризма. Задачи, обусловленные целью работы, следующие:

1. Провести сравнительный анализ репрезентации алтайского, тувинского и хакасского языков в туристически ориентированном интернет-дискурсе республик Южной Сибири;
2. Получить знания о корреляции особенностей вербальной туристической репрезентации с демографической и коммуникативной мощностью языков южно-сибирских республик.
3. Проанализировать отзывы въездных туристов об особенностях репрезентации этноязыковой специфики республик Южной Сибири.

Материалом послужили информационные ресурсы туристских информационных центров республик Южной Сибири (далее РЮС). Из указанных источников туристы получают первоначальную информацию о регионе, и именно от её подачи зачастую зависит принятие решения о поездке в том или ином направлении. Кроме того, нами проанализированы отзывы

туристов о посещении РЮС в личных блогах и на страницах специализированных туристических сайтов.

Методологический аппарат включает сравнительный и контекстуальный анализ, элементы контент-анализа и дискурс-анализа. Проанализированы публикации, представленные на двух крупных туристических сайтах, а также более восьмисот постов в социальных сетях и более ста отзывов туристов.

Отметим, что основными направлениями туризма в РЮС являются культурно-познавательный, природный (экологический), спортивный, лечебно-оздоровительный [Концептуальный туристический мастер-план РХ]; [Концепция развития туризма в РТ]. Однако лишь первый из них предполагает погружение в этнокультурную и этноязыковую среду, а остальные не имеют тесной связи с местными культурами и языками.

Алтайский язык в сфере туризма

Республика Алтай вместе с Алтайским краем и Кемеровской областью входят в туристскую макротерриторию Большой Алтай – единое туристическое пространство из числа двенадцати территорий России, обладающих наибольшим туристическим потенциалом. [Государственная программа РФ...]. Однако на официальном туристическом портале Республики Алтай вся информация представлена только на русском языке, а возможность перевода на иностранные языки отсутствует (в отличие, например, от туристического портала соседнего Алтайского края [ВИЗИТАЛТАЙ], где есть работающая функция перевода сайта на английский и немецкий языки). Публикаций на алтайском языке на данном сайте нами не обнаружено, однако присутствует раздел «Алтайский язык», где представлена краткая информация о нём («Происхождение алтайского языка»), перечень базовых этикетных фраз («Говорим по-алтайски») и счёт до десяти («Считаем по-алтайски»). Кроме того, на сайте присутствуют такие разделы как «История и культура» и «Народные промыслы», в которых приводятся оригинальные названия алтайских праздников, обрядов, видов спорта, музыкальных инструментов, национальных блюд.

На официальном туристическом портале Республики Алтай [Официальный туристический портал Республики Алтай] главный акцент сделан на природе Алтая: в разделе «Достопримечательности» представлено 176 природных объектов, за ними с большим отрывом следуют «Храмы» (28 объектов) и «Музеи и галереи» (19 объектов). Следует отметить активное использование отдельных видов алтайской топонимики в рассказах о природных достопримечательностях региона, например:

- Местное население называет эту пещеру Аю-Таш, что означает “медвежий камень”.
- На правом берегу реки Катунь... расположен священный для алтайцев природный минеральный источник Аржан-Суу. В переводе на русский это «святая вода», легенда гласит, что воды этого источника могли не только исцелить раны, но даже оживить.
- Гора Туугая представляет собой один из северных отрогов хребта Иолго. Название горы произошло от алтайского «Уйт-Кая» — «скала с углублениями» или «Туу-Кая» — «гора-скала».
- Здесь высится — и отражается в чистых водах — вершина Кара-Оюк, «черная котловина».

Анализ страницы туристско-информационного центра Республики Алтай в социальной сети vk.com [Туристско-информационный центр РА] показал, что алтайский язык представлен на ней в минимальном объеме. Нами проанализировано 223 поста, размещенных на указанной странице в 2025 году. Только 30 из них созданы с использованием алтайского языка, в редких случаях он находит применение в анонсах мероприятий, проходящих в республике. Так, в объявлении о сольном концерте музыканта Рената Суразова название этого концерта представлено на двух государственных языках: «Јүрегим – икили» / «В сердце – икили» (икили – традиционный алтайский музыкальный инструмент). Кроме того, обращает на себя внимание анонс Международного кузнечного этнофестиваля «Куйактанар» (алт. «облачить в доспехи»). Видеоприглашение на фестиваль от одного из его организаторов, кандидата филологических наук, знатока истории и культуры Алтая Василия Ойношева записано на алтайском языке с русскими субтитрами. Программа фестиваля на одной из его афиш содержит такой пункт как «Обряд Алкыш (Алгыш) у Темир-таш» (то есть обряд благопожелания у Железного камня), а также лексику кузнечного дела на алтайском и якутском языках.

В афише Курултая сказителей Республики Алтай анонсируются «мастер-классы по горловому пению, традиционному исполнению јанар-кожон» (јанар кожон – ритуально-обрядовая песня алтайцев), а также на алтайском языке приводятся названия эпических произведений, которые исполняются сказителями в рамках конкурсной программы. Элементы двуязычного оформления имеются и на афише фестиваля «Чике-Таманская весна»: фестивальная программа мероприятия называется «Цветение маральника – марал чечектейт», а гостям предлагаются такие виды активного участия как национальная игра «Кок-бору», национальная борьба «Алтай куреш», ок-јаа адыш – стрельба из лука, камчы согоры –

соревнования с плёткой, тебек – национальная игра с воланом. Также имеются алтайские (или двуязычные) поздравления с праздниками Чага-Байрам или День родного языка.

Таким образом, судя по имеющимся данным, алтайский язык в туристической сфере представлен в ограниченном объеме и чаще всего используется для обозначения этнографических реалий: названий алтайских праздников, обрядов, видов спорта, музыкальных инструментов, национальных блюд. Однако наличие раздела об алтайском языке на официальном туристическом портале Республики Алтай, активное использование алтайской топонимики в рассказах о природных достопримечательностях, а также двуязычные анонсы в группе ТИЦ Республики Алтай в социальной сети VK свидетельствуют о понимании ценности языка коренного народа для повышения туристической привлекательности региона.

Хакасский язык в сфере туризма

Сайт Туристического информационного центра Хакасии [Туристский информационный центр Хакасии (а)] также не имеет иноязычных версий, а информация о хакасском языке представлена на нём в виде отдельной страницы «Хакасский язык» с такими разделами как «История», «Структура», «Современность», «Популярные слова и выражения на хакасском языке». Имеются также статьи, посвященные различным аспектам культуры Хакасии, в которых содержатся вкрапления хакасской лексики, обозначающей традиционное жилище, продукты питания и блюда хакасской кухни, названия обрядов и праздников, а также различные понятия из области традиционной религии. Также присутствуют отдельные топонимические сведения в описаниях природных достопримечательностей, например:

- «Чаа тас» в переводе с хакасского означает «камень войны».
- Горный хребет Читы Хыс расположен в районе деревни Казановка близ Хакасского национального музея-заповедника. Его название в переводе с хакасского означает «Семь дев».
- Кюн-таг (с хак. «Солнечная гора») — невысокая безлесная вершина.
- Баланкуль с хакасского переводится как «оленье (или лосиное) озеро».

Анализ материалов, размещенных на странице ТИЦ Хакасии в социальной сети vk.com [Туристский информационный центр Хакасии (б)] за последний год, продемонстрировал следующее: хакасская лексика встречается главным образом для номинации отдельных этнографических реалий (например, названий праздников или блюд хакасской кухни). Редкие исключения двуязычного дискурса (на русском и хакасском языках) представлены в виде приглашения на день хакасского языка, репостов теле- и радиоинтервью одного из экспертов

ТИЦ на хакасском языке и музыкального видеоклипа на песню «Священная война». Всего нами было проанализировано 400 постов, размещенных на указанной странице в 2025 г. Из них только 5 созданы с использованием хакасского языка.

Как видно, второй государственный язык Республики Хакасия в исследованном сегменте туристической сферы представлен главным образом отдельными вкраплениями топонимической и этнографической лексики, хотя присутствуют и элементы этнолингвистической информации и двуязычного дискурса. Здесь индустрия гостеприимства ориентирована на русскоязычного (реже – англоязычного) туриста с минимальным присутствием регионального языка лишь в качестве локальной экзотики.

Тувинский язык в сфере туризма

Материалом для анализа функционирования тувинского языка в сфере туризма послужила только страница ТИЦ Тувы в социальной сети VK [Отдых и туризм в Туве], так как на момент написания данной статьи официальный сайт visittuva.ru был недоступен, что, конечно, существенно усложняет виртуальное погружение в пространство Республики Тыва не только для исследователей, но и для туристов. Что же касается публикаций в упомянутой соцсети, то нами проанализировано 260 постов за 2025 год: только 25 из них создано с использованием тувинского языка. Здесь, в отличие от соседних республик, помимо топонимических сведений, названий национальных видов спорта, традиционных обрядов и праздников и тому подобной тувинской лексики в русскоязычных постах, встречаются материалы, ориентированные на носителей тувинского языка. Это, например, ребус, в котором зашифровано название сакральной горы Тувы, или афиша поэтического вечера, которая даётся на тувинском языке без перевода. Представлены также видеозаписи, на которых тувиноязычные спикеры (например, заместитель директора Центра тувинской культуры и ремёсел Менги Ондар, председатель религиозной организации «Тос дээр» Алексей Кунга и другие) рассказывают о различных аспектах тувинской культуры. Отличительной чертой страницы ТИЦ Тувы в VK является и заметное количество комментариев на тувинском языке, которые читатели оставляют к публикациям сообщества. Так, к рассмотренным нами 260-ти постам ТИЦ Тувы пользователи оставили 99 комментариев на тувинском языке. Для сравнения: на 223 поста ТИЦ Алтая пришлось только три комментария на алтайском языке, а к четырём сотням постов ТИЦ Хакасии ни одного комментария на хакасском оставлено не было.

Представляется, что наличие разделов о региональных языках на туристических сайтах РЮС, их использование в туристском брендинге без эксплицитной направленности на

извлечение экономической выгоды можно рассматривать как свидетельство «правильных» языковых убеждений [Боргоякова, Гусейнова 2019, с. 346]. При этом региональные языки в качестве средства передачи информации или живого общения в сфере туризма используются очень ограниченно с дифференциацией в разрезе этнодемографической и коммуникативной мощности конкретных языков. Таким образом, в исследуемом сегменте туристической сферы наблюдается расширенное понимание «правильности» языковых убеждений с его переносом и на русскоязычное большинство РЮС.

Языки РЮС в восприятии туристов

Информативным источником об этнорегиональной специфике и роли региональных языков служат отзывы и путевые заметки, которые путешественники оставляют в личных блогах и на страницах специализированных туристических сайтов. Как показал анализ указанного формата туристического дискурса, в нём широко представлены отзывы только о столицах двух республик – Хакасии и Тувы. Абакан (столица Хакасии) оставляет у некоторых посетителей впечатление дефицита, а то и полного отсутствия этнолингвистического колорита, о чём люди с сожалением пишут в Интернете:

- Хакасы в большинстве своем мирные и спокойные, многие уже не знают свой язык, что немного удивляет и печалит [Абакан – уютный город из советского детства].
- Отсутствует и национальный колорит: дома обычные, как везде по России, люди тоже выглядят обыденно (хакасы не ходят в национальных нарядах, хотя от русских внешне отличаются). Хакасского языка на улицах не слышно, почти нет и надписей на хакасском [Впечатления о поездке в Абакан].
- В наше время хакасы составляют всего 12% населения республики, но в Абакане они достаточно заметны, хотя хакасскую речь я за пять дней слышал всего один или два раза. Так что национального колорита очень мало, и в основном он присутствует лишь в этнических сёлах (где я не бывал), а в столице республики проявляется только в виде дублирования на хакасском языке табличек на государственных учреждениях. Хакасский относится к тюркской языковой семье, поэтому заметно сходство с аналогичными вывесками на татарском или башкирском [Абакан. Часть 1].

Другие путешественники с удовлетворением замечают элементы присутствия второго государственного языка в языковом ландшафте Хакасии и её столицы:

- Несмотря на то, что по данным статистики, собственно хакасов в республике всего 12%, национальные театры и студии танцев вполне присутствуют: (Рис. 1). И даже

афиша республиканского кочевого театрального фестиваля "Белая юрта", о как: (Рис. 2)
[Абакан – Teletype]

Рис. 1

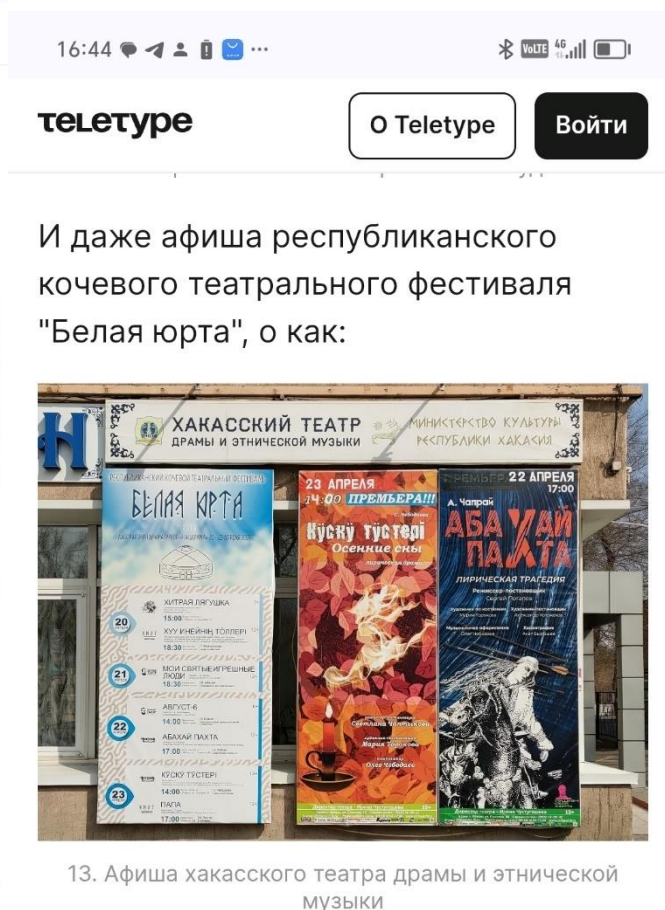

Рис. 2

- В надписях хакасский язык присутствует, но в живом общении практически не заметен. Кстати, как мне показалось, внешне хакасы напоминают не наших бурят, а скорее народы Севера. Что и логично с учётом того, что самодийские народности переселялись к берегам Ледовитого океана именно отсюда, из Саянских гор. А в их этногенезе, в свою очередь, играли роль и монголоиды, и европеоиды. Национальный драматический театр. Здесь идут спектакли на хакасском языке и, вероятно, находят своего зрителя (Рис. 3 и 4)
[Абакан, часть 1 (12 мая 2019 г.)]

В надписях хакасский язык присутствует, но в живом общении практически не заметен. Кстати, как мне показалось, внешне хакасы напоминают не наших бурят, а скорее народы Севера. Что и логично с учётом того, что самодийские народности переселялись к берегам Ледовитого океана именно отсюда, из Саянских гор. А в их этногенезе, в свою очередь, играли роль и монголоиды, и европеоиды.

Рис. 3

Национальный драматический театр.

52.

Здесь идут спектакли на хакасском языке и, вероятно, находят своего зрителя.

53.

Рис. 4

- Аскизский район — это одно из немногих мест в Хакасии, где национальный колорит существует естественно, а не для туристов. Изначально музей-заповедник в Казановке создавался для местных жителей, чтобы сохранить язык, культуру быта и всё то, что называется «национальная идентичность». Но здесь рады и гостям. [Осенние каникулы: колесим по Хакасии].

Путешественники, побывавшие в Кызыле (столице Тувы), напротив, отмечают сильные позиции регионального языка и культуры и связанное с этим ощущение пребывания за границей (и даже некоторого дискомфорта):

- Как и везде в Тыве, в Кызыле говорят на двух языках — на русском и тувинском. В общении с местным населением всегда стоит помнить, что они-то вас хорошо понимают, а вот вы их разговор между собой не поймете. Честно говоря, когда в общем

разговоре собеседники внезапно переходили на тувинский язык, что-то меж собой обсуждая, мне было откровенно дискомфортно [Чем меня удивил Кызыл – город, зависший в 90-х]

- Сам народ очень гордый и независимый... Многие продолжают говорить на своём языке, одеваться в национальные костюмы и соблюдать обряды и обычаи своего народа... Самобытный город, другая культура и язык, традиции ассимилированы с русскими, поэтому можно сказать, что хоть ты и в России, но ощущение путешествия за границу не покидает, какая-то загадка есть в Тыве, как будто почти в Монголии. [Республика Тыва, город Кызыл или Монголия по-русски]

- Что касается самого города, то меня прежде всего поразил национальный колорит. Он здесь не притянут за уши как в Биробиджане, например, а выражен очень ярко и повсеместно. Персонал гостиницы "Буян-Бадыргы" разговаривал на своём, тувинском языке, и только с гостями общались по-русски, хоть и с большим трудом. Получше познакомившись с городом, я понял, что такая ситуация там везде! Монголоидная раса доминирует настолько подавляюще, что я чувствовал себя чужим. Словно оказался за границей, в какой-нибудь среднеазиатской стране [Командировка в Тыву].

Таким образом, туристы отмечают высокую концентрацию этнолингвокультурного колорита в Кызыле, контрастирующую с его дефицитом в Абакане. Выявлена противоречивость восприятия данного факта – сожаление о его недостаточной представленности, с одной стороны, и определенный дискомфорт при его «избытке», с другой. Вероятно, наиболее желательным для въездных туристов было бы наличие этнокультурной составляющей в таком объеме, чтобы получить качественный эксклюзив, почувствовать сопричастность к загадочной и малоизвестной (для туриста) культуре коренных народов России, но при этом не испытывать проблем в общении и при получении информации, не чувствовать себя «чужим» в пределах собственного государства.

3 | Заключение

Проведенный анализ целевого сегмента туристического дискурса РЮС с точки зрения представленности вторых государственных языков позволяет сделать следующие выводы.

Репрезентация алтайского, тувинского и хакасского языков в сфере туризма находится в прямой корреляции с особенностями языковой ситуации в республиках Южной Сибири, сохраняющей основные константы социолингвистической типологии языков республик Южной Сибири [Боргоякова 2002; Боргоякова, Гусейнова, Покоякова 2022] с сохранением наиболее высокой инструментально-коммуникативной мощности тувинского языка по

сравнению с алтайским и хакасским языками. Тувинский язык используется в сфере туризма с ориентацией не только на въездных туристов, но и на жителей Тувы: об этом свидетельствует, в частности, наличие на странице ТИЦ Тувы текстов и видеозаписей на тувинском языке, представленных без перевода. Кроме того, читатели этого ресурса активно участвуют в обсуждении туристической проблематики своего региона с использованием тувинского языка, в то время как комментарии на региональных языках к публикациям ТИЦ Алтая и Хакасии либо единичны, либо отсутствуют вовсе.

Аутентичный дискурс, сформированный отзывами туристов об этнорегиональной специфике и роли региональных языков, свидетельствует об интересе к этнокультурной и языковой специфике региона, с одной стороны, и противоречивости отношения к национально-региональному колориту, с другой. Если его мало, это вызывает сожаление, но если много, то это приводит к субъективно дискомфортному ощущению отчуждения в пределах собственного государства.

Выявление новых возможностей повышения ценностного восприятия туристического продукта в «оболочке» региональных языков со стороны потребителя связано с проблематикой эксклюзивного брендинга статуса и престижа миноритарных языков. Несомненно, тема функционирования региональных языков в сфере туризма требует дальнейшей разработки на материале языкового ландшафта основных туристических локаций, что составляет перспективу нашего исследования.

ЛИТЕРАТУРА

- Абакан – Teletype.* Режим доступа: <https://viand.travel/abakan23?cda=>. Дата обращения: 02.10.2025.
- Абакан – уютный город из советского детства.* Режим доступа: <https://nesiditsa.ru/discovery/abakan-uyutnyj-gorod-iz-sovetskogo-detstva>. Дата обращения: 02.10.2025.
- Абакан, часть 1* (12 мая 2019). Режим доступа: <https://pavel-petukhov.livejournal.com/624751.html>. Дата обращения: 02.10.2025.
- Абакан. Часть 1.* Режим доступа: <https://nord-ursus.livejournal.com/204350.html>. Дата обращения: 02.10.2025.
- Боргаякова Т. Г.* (2002) Социолингвистические процессы в республиках Южной Сибири. Абакан: Изд-во Хакасского государственного университета им. Н. Ф. Катанова. 166 с.
- Боргаякова Т. Г., Гусейнова А. В.* (2019) Динамика языкового поведения и языковых убеждений в контексте языковой политики Республики Хакасия // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Т. 12. № 11. С. 342–347.
- Боргаякова Т. Г., Гусейнова А. В., Покаякова К. А.* (2022) Языки Южной Сибири в динамике социального контекста. Абакан: Изд-во ФГБОУ ВО «Хакасский государственный университет им. Н. Ф. Катанова». 160 с.
- В Хакасии по итогам 2024 года турпоток вырос почти на треть.* Режим доступа: <https://tass.ru/obschestvo/22820183>. Дата обращения: 29.09.2025.

- ВИЗИТАЛТАЙ. Туристический портал Алтайского края.* Режим доступа: <https://visitaltai.info/>. Дата обращения: 23.09.2025.
- Впечатления о поездке в Абакан.* Режим доступа: <https://pan-sarunov.livejournal.com/324241.html>. Дата обращения: 02.10.2025.
- Государственная программа Российской Федерации «Развитие туризма»: постановление Правительства Российской Федерации от 24.12.2021 № 2439.* Режим доступа: <http://government.ru/docs/all/138661/>. Дата обращения: 22.09.2025.
- Командировка в Тыву. Часть II. Знакомство с Кызылом (26.07–28.07).* Режим доступа: <https://patasak.livejournal.com/54075.html>. Дата обращения: 03.10.2025.
- Концептуальный туристический мастер-план Республики Хакасия.* Режим доступа: https://khakassia.travel/assets/files/khakasiya_master_plan.pdf. Дата обращения: 01.10.2025.
- Концепция развития туризма в Республике Тыва до 2025 года.* Режим доступа: http://www.mintrud.tuva.ru/sites/default/files/get_pdf/407.19%20%D0%9A%D0%91.pdf. Дата обращения: 01.10.2025.
- Наибольший рост числа туристических поездок в 2024 году зафиксирован в Сибири.* Режим доступа: <https://www.interfax-russia.ru/tourism/news/naibolshiy-rost-chisla-turisticheskikh-poezdok-v-2024-godu-zafiksirovano-v-sibiri>. Дата обращения: 29.09.2025.
- Осенние каникулы: колесим по Хакасии.* Режим доступа: <https://newslab.ru/article/613265>. Дата обращения: 02.10.2025.
- Отдых и туризм в Тыве (Visit Tuva).* Режим доступа: <https://vk.com/visittuva/>. Дата обращения: 25.09.2025.
- Официальный туристический портал Республики Алтай.* Режим доступа: <https://altai.travel/>. Дата обращения: 23.09.2025.
- Республика Тыва, город Кызыл или Монголия по-русски.* Режим доступа: https://www.tourister.ru/responses/id_39954. Дата обращения: 03.10.2025.
- Суртаев Б. М. (2012) Этнографический туризм как способ сохранения и возрождения этнокультурного наследия // Вестник угроведения. № 1 (8). С. 178–182.
- Стратегия развития туризма в Российской Федерации на период до 2035 года: распоряжение Правительства Российской Федерации от 20.09.2019 № 2129-р.* Режим доступа: <http://static.government.ru/media/files/FjJ74rYOaVA4yzPAshEulYxmWSpB4lrM.pdf>. Дата обращения: 22.09.2025.
- Трофимов Е. Н. (2013) Развитие этнографического туризма в России // Вестник РАМТ. № 4. С. 3–12.
- Туристский информационный центр Хакасии (а).* Режим доступа: <https://khakassia.travel/>. Дата обращения: 24.09.2025.
- Туристский информационный центр Хакасии (б).* Режим доступа: <https://vk.com/khakassia.travel/>. Дата обращения: 25.09.2025.
- Туристско-информационный центр РА.* Режим доступа: https://vk.com/tur_info_altai. Дата обращения: 24.09.2025.
- Турпоток в Республике Алтай в 2024 году составил 2,7 млн человек.* Режим доступа: <https://tass.ru/ekonomika/23001245>. Дата обращения: 29.09.2025.
- Хилханова Э. В., Хилханов Д. Л. (2024) Роль туризма в сохранении и поддержке миноритарных языков: российский и мировой контекст // Научный диалог. Т. 13. № 6. С. 95–113.
- Чем меня удивил Кызыл – город, зависший в 90-х.* Режим доступа: <https://dzen.ru/a/Zs88NOg8eyGZLw-N>. Дата обращения: 03.10.2025.
- Duchêne A., Heller M. (Ed.) (2012) *Language in Late Capitalism: Pride and Profit*. New York: Routledge. 281 p. DOI: 10.4324/9780203155868

- Petrovic E. J. (2019) Alienation, Language Work, and the So Called Commodification of Language // *Language Politics and Policies: Perspectives from Canada and the United States* / T. Ricento (Ed.). New York: Cambridge University Press. P. 60–77. DOI: 10.1017/9781108684804.004
- Sharma B. K. (2018) Training Workers for Intercultural Communication in Tourism // *Language and Intercultural Communication*. Vol. 18. Iss. 4. P. 408–423. DOI: 10.1080/14708477.2018.1478849
- Yibu Luo. (2022) The Role of Language and Cultural Commodification in Tourism // *Advances in Social Science, Education and Humanities Research*. Vol. 673. 3rd International Conference on Language, Art and Cultural Exchange (ICLACE 2022).

REFERENCES

- Abakan – Teletype. Available at: <https://viand.travel/abakan23?cda=> (Accessed: 2 October 2025) (In Russian).
- Abakan - ujutnyi gorod iz sovetского detstva [Abakan is a cozy city from my Soviet childhood]. Available at: <https://nesiditsa.ru/discovery/abakan-uyutnyj-gorod-iz-sovetского-detstva> (Accessed: 2 October 2025) (In Russian).
- Abakan. Chast' 1 (12 maia 2019 g.) [Abakan. Part 1 (12 May 2019)]. Available at: <https://pavel-petukhov.livejournal.com/624751.html> (Accessed: 2 October 2025) (In Russian).
- Abakan. Chast' 1 [Abakan. Part 1]. Available at: <https://nord-ursus.livejournal.com/204350.html> (Accessed: 2 October 2025) (In Russian).
- Borgoyakova, T.G. (2002) *Sociolinguistic processes in the republics of southern Siberia*. Abakan: Izdatel'stvo Khakasskogo gosudarstvennogo universiteta im. N.F. Katanova. 166 pp. (In Russian).
- Borgoyakova, T.G. and Guseinova, A.V. (2019) Dynamics of linguistic behavior and linguistic beliefs in the context of the language policy of the Republic of Khakassia. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki*, 12(11), pp. 342–347. DOI: 10.30853/filnauki.2019.11.72 (In Russian).
- Borgoyakova, T.G., Guseinova, A.V. and Pokoyakova, K.A. (2022) *Languages of southern Siberia in the dynamics of social context*. Abakan: Izdatel'stvo Khakasskogo gosudarstvennogo universiteta im. N.F. Katanova. 160 pp. (In Russian).
- Chem menya udivil Kyzyl – gorod, zavissnij v 90-h [What surprised me about Kyzyl – it is a city stuck in the 1990s]. Available at: <https://dzen.ru/a/Zs88NOg8eyGZLw-N> (Accessed: 3 October 2025) (In Russian).
- Duchêne, A. and Heller, M. (eds.) (2012) *Language in late capitalism: Pride and profit*. New York: Routledge. 281 pp. DOI: 10.4324/9780203155868.
- Gosudarstvennaya programma Rossijskoj Federacii «Razvitie turizma» [State program of the Russian Federation "Tourism Development"]: postanovlenie Pravitel'stva Rossijskoj Federacii ot 24.12.2021 № 2439. Available at: <http://government.ru/docs/all/138661/> (Accessed: 22 September 2025) (In Russian).
- Khilkhanova, E.V. and Khilkhanov, D.L. (2024) Role of tourism in preservation and support of minority languages: Russian and global context. *Nauchnyi dialog*, 13(6), pp. 95–113. DOI: 10.24224/2227-1295-2024-13-6-95-113 (In Russian).
- Komandirovka v Tyvu. Chast' II. Znakomstvo s Kyzylom (26–28 July) [Business trip to Tuva. Part II: Introduction to Kyzyl]. Available at: <https://patasak.livejournal.com/54075.html> (Accessed: 3 October 2025) (In Russian).
- Koncepciya razvitiya turizma v Respublike Tyva do 2025 goda [Concept for tourism development in the Republic of Tuva until 2025]. Available at: http://www.mintrud.tuva.ru/sites/default/files/get_pdf/407.19%20%D0%9A%D0%91.pdf (Accessed: 1 October 2025) (In Russian).

- Konceptual'nyj turistscheskij master-plan Respubliki Khakassiya [Conceptual tourism master plan for the Republic of Khakassia]. Available at: https://khakassia.travel/assets/files/khakassiya_master_plan.pdf (Accessed: 1 October 2025) (In Russian).
- Naibol'shij rost chisla turistscheskih poezdok v 2024 godu zafiksirovan v Sibiri [The largest increase in the number of tourist trips in 2024 was recorded in Siberia]. Available at: <https://www.interfax-russia.ru/tourism/news/naibolshiy-rost-chisla-turistscheskih-poezdok-v-2024-godu-zafiksirovan-v-sibiri> (Accessed: 29 September 2025) (In Russian).
- Official'nyj turistscheskij portal Respubliki Altaj [Official tourism portal of the Altai Republic]. Available at: <https://altai.travel/> (Accessed: 23 September 2025) (In Russian).
- Osenne kanikuly: kolesim po Khakasii [Autumn holidays: traveling around Khakassia]. Available at: <https://newslab.ru/article/613265> (Accessed: 2 October 2025) (In Russian).
- Otdyh i turizm v Tuve (Visit Tuva) [Recreation and tourism in Tuva]. Available at: <https://vk.com/visittuva/> (Accessed: 25 September 2025) (In Russian).
- Petrovic, E.J. (2019) Alienation, language work, and the so-called commodification of language. In: Ricento, T. (ed.) *Language politics and policies: Perspectives from Canada and the United States*. New York: Cambridge University Press, pp. 60–77. DOI: 10.1017/9781108684804.004. Available at: https://www.researchgate.net/publication/334547588_Alienation_Language_Work_and_the_So-Called_Commodification_of_Language (Accessed: 10 October 2025).
- Respublika Tyva, gorod Kyzyl ili Mongoliya po-russki [Republic of Tuva, city of Kyzyl or Mongolia in Russian]. Available at: https://www.tourister.ru/responses/id_39954 (Accessed: 3 October 2025) (In Russian).
- Sharma, B.K. (2018) Training workers for intercultural communication in tourism. *Language and International Communication*, 18(4), pp. 408–423. DOI: 10.1080/14708477.2018.1478849. Available at: <https://www.sci-hub.ru/10.1080/14708477.2018.1478849> (Accessed: 10 October 2025).
- Strategiya razvitiya turizma v Rossijskoj Federacii na period do 2035 goda [Tourism development strategy in the Russian Federation for the period up to 2035]: rasporyazhenie Pravitel'stva Rossijskoj Federacii ot 20.09.2019 № 2129-r. Available at: <http://static.government.ru/media/files/FjJ74rYOaVA4yzPAshEulYxmWSpB4lrM.pdf> (Accessed: 22 September 2025) (In Russian).
- Surtaev, B.M. (2012) Etnograficheskij turizm kak sposob sohraneniya i vozrozhdeniya etnokul'turnogo naslediya [Ethnographic tourism as a way to preserve and revive ethnocultural heritage]. *Vestnik ugrovedeniya*, 1(8), pp. 178–182. (In Russian).
- Trofimov, E.N. (2013) Razvitie etnograficheskogo turizma v Rossii [Development of ethnographic tourism in Russia]. *Vestnik RAMT*, 4, pp. 3–12. (In Russian).
- Turistskij informacionnyj centr Khakassii (a) [Tourist Information Center of Khakassia]. Available at: <https://khakassia.travel/> (Accessed: 23 September 2025) (In Russian).
- Turistskij informacionnyj centr Khakassii (b) [Tourist Information Center of Khakassia]. Available at: <https://vk.com/khakassia.travel/> (Accessed: 25 September 2025) (In Russian).
- Turistsko-informacionnyj centr Respubliki Altaj [Tourist Information Center of the Altai Republic]. Available at: https://vk.com/tur_info_altai/ (Accessed: 23 September 2025) (In Russian).
- Turpotok v Respublike Altaj v 2024 godu sostavil 2,7 mln chelovek [Tourist flow to the Altai Republic in 2024 amounted to 2.7 million people]. Available at: <https://tass.ru/ekonomika/23001245> (Accessed: 29 September 2025) (In Russian).
- V Khakasii po itogam 2024 goda turpotok vyros pochtu na tret' [In Khakassia, tourist flow increased by almost a third by the end of 2024]. Available at: <https://tass.ru/obschestvo/22820183> (Accessed: 29 September 2025) (In Russian).

- VIZITALTAJ. Turisticheskij portal Altajskogo kraja [VISITALTAI. Altai Krai tourism portal]. Available at: <https://visitaltai.info/> (Accessed: 23 September 2025) (In Russian).
- Vpechatleniya o poezdke v Abakan [Impressions of the trip to Abakan]. Available at: <https://pan-sapunov.livejournal.com/324241.html> (Accessed: 2 October 2025) (In Russian).
- Yibu Luo (2022) The role of language and cultural commodification in tourism. In: *Advances in Social Science, Education and Humanities Research*, vol. 673. 3rd International Conference on Language, Art and Cultural Exchange (ICLACE 2022). Available at: https://www.researchgate.net/publication/362196729_The_Role_of_Language_and_Cultural_Commodification_in_Tourism (Accessed: 6 October 2025).

Тамара Герасимовна Боргоякова – доктор филологических наук, профессор, директор Института гуманитарных исследований и саяно-алтайской тюркологии, профессор кафедры зарубежной лингвистики и теории языка Хакасского государственного университета им. Н.Ф. Катанова.

Адрес: 655017, Российская Федерация, г. Абакан, ул. Ленина 92.

Эл. адрес: tamarabee@mail.ru

<https://orcid.org/0000-0001-9958-9086>

Аурика Вагифовна Гусейнова – кандидат филологических наук, старший научный сотрудник Института гуманитарных исследований и саяно-алтайской тюркологии Хакасского государственного университета им. Н.Ф. Катанова.

Адрес: 655017, Российская Федерация, г. Абакан, ул. Ленина 92.

Эл. адрес: aurika_guseynova@mail.ru

<https://orcid.org/0000-0001-9708-114X>

Tamara Gerasimovna Borgoiaikova — Doctor of Philology, professor, director of the Institute of Humanities and Sayan-Altai Turkology, professor of the department of foreign linguistics and language theory, Katanov Khakass State University.

Address: Lenin Street 92, Abakan, Russia, 655017.

E-mail: tamarabee@mail.ru

<https://orcid.org/0000-0001-9958-9086>

Aurika Vagifovna Guseinova — Candidate of Philology, senior researcher at the Institute of Humanitarian Studies and Sayan-Altai Turkology, Katanov Khakass State University.

Address: Lenin Street 92, Abakan, Russia, 655017.

E-mail: aurika_guseynova@mail.ru

<https://orcid.org/0000-0001-9708-114X>

Для цитирования: Боргоякова Т.Г., Гусейнова А.В. Языки Южной Сибири: особенности репрезентации в сфере туризма (на материале Интернет-дискурса) // Социолингвистика. 2025. № 4 (24). С. 119–136. DOI: 10.37892/2713-2951-4-24-119-136

For citation: *Borgoiakova T.G., Guseinova A.V.* Languages of Southern Siberia: representation in the field of tourism (based on internet discourse) // Sociolinguistika. 2025. No. 4 (24). Pp. 119–136. (In Russian). DOI: 10.37892/2713-2951-4-24-119-136

Заявление о конфликте интересов | Conflict of interest statement

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

The authors declare no conflicts of interests.

The article was submitted 19.03.2025;
approved after reviewing 11.10.2025;
accepted for publication 05.12.2025.

<https://doi.org/10.37892/2713-2951-4-24-137-159>

СОЦИОЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ МОДЕЛЬ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ЯЗЫКОВ В ОБРАЗОВАТЕЛЬНОМ ПРОСТРАНСТВЕ ПОЛИЭТНИЧЕСКОГО РЕГИОНА (НА ПРИМЕРЕ РЕСПУБЛИК БАШКОРТОСТАН И ТЫВА)

УДК 321.01:81'272

Эльвина А. Салихова
Институт этнологических
исследований
им. Р.Г. Кузеева
УФИЦ РАН,
Российская Федерация

Примечание

Статья подготовлена в рамках государственного задания ИЭИ УФИЦ РАН № 1022040500508-1-6.1.1 «Социально-экономическая адаптация и социальное самочувствие этнических групп в республиках Урало-Поволжья (на примере Республики Башкортостан)» на 2025–2027 гг.

Аннотация

Статья посвящена актуальным вопросам формирования и воспитания би(поли)лингвальной личности как социальной потребности современного общества. Особое внимание автор обращает на статистические данные последних лет, иллюстрирующие сокращение количества обучающихся на родном языке в школах республик Тыва и Башкортостан.

Предлагается социолингвистическая модель функционирования языков в образовательной сфере республик, характерной особенностью которых является многоязычие. Объектом настоящего исследования является социолингвистическая модель функционирования языков в образовательном пространстве указанных полиэтнических регионов. Предметом анализа выступает структура и качественное содержание данной модели в её корреляции с направлениями языковой политики, осуществляемой в данных регионах. Одной из действенных мер является организация полилингвальных школ, которые предусматривают создание мотивирующей образовательной среды, сохранение национальной идентичности, языка и культуры жителей полиэтнических регионов.

Автор приходит к выводу о том, что социолингвистическая модель функционирования языков в образовательном пространстве полиэтнического региона должна основываться на практической реализации положений языковой политики, при которой миноритарные и мажоритарные народы имели бы возможность получать образование на родных языках, овладевая одновременно общегосударственным русским языком, а также региональными и иностранными языками.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: коренной этнос, национальный (этнический) язык, идентичность, полиэтничность, межэтническое общение, би(поли)лингвизм, языковая ситуация, языковая политика, полилингвальное образование

<https://doi.org/10.37892/2713-2951-4-24-137-159>

SOCIOLINGUISTIC MODEL OF LANGUAGE FUNCTIONING IN THE EDUCATIONAL SPACE OF A MULTIETHNIC REGION (USING THE EXAMPLE OF THE REPUBLICS OF BASHKORTOSTAN AND TYVA)

UDC 321.01:81'272

Elvina A. Salikhova

R. Kuzeev Institute for
Ethnological Studies Ufa
Federal Research Center RAS,
Russian Federation

Acknowledgements

The article was partially prepared within the framework of the state assignment of the Institute of Economic Research of the Ufa Federal Research Center of the Russian Academy of Sciences No. 1022040500508-1-6.1.1 « Socio-economic adaptation and social well-being of ethnic groups in the Ural-Volga republics (using the Republic of Bashkortostan as an example)» for 2025–2027.

Abstract

The article addresses pressing issues related to the formation and education of bi- (or poly-)lingual individuals as a social necessity in contemporary society. The author pays particular attention to recent statistical data illustrating the decline in the number of students receiving education in their native languages in schools in the Republics of Tuva and Bashkortostan.

A sociolinguistic model of language functioning in the educational sphere of these republics – characterized by multilingualism – is proposed. The object of this study is the sociolinguistic model of language functioning within the educational environment of the aforementioned multiethnic regions. The subject of analysis is the structure and qualitative content of this model in correlation with the directions of language policy implemented in these regions.

One effective measure is the establishment of polylingual schools, which aim to create a motivating educational environment while preserving the national identity, language, and culture of the inhabitants of multiethnic regions.

The author concludes that a sociolinguistic model of language functioning in the educational space of a multiethnic region should be based on the practical implementation of language policy provisions, whereby both minority and majority populations would have the opportunity to receive education in their native languages, while simultaneously acquiring the state Russian language as well as regional and foreign languages.

KEYWORDS: indigenous ethnic group, national (ethnic) language, identity, multiethnicity, interethnic communication, bi(poly)linguism, language situation, language policy, multilingual education

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0).

© Elvina A. Salikhova, 2025

1 | Введение

В условиях полиязычия Республик Башкортостан (далее – РБ) и Тувы (РТ), в которых сосуществуют гомогенный и гетерогенный типы двуязычия, можно говорить о формировании полилингвальной личности – особой лингвистической конфигурации, которой свойственно взаимодействие двух языков. Объясняется это тем, что когнитивный, фатический, эмоционально-экспрессивный потенциал языков обеспечивает билингу полноценный доступ к информационному пространству.

Автор сосредоточивает внимание на рассмотрении основных тенденций и перспектив использования национальных (этнических) языков в образовательной сфере Башкортостана и Тывы. Актуальность предлагаемого вниманию исследования основана на необходимости адекватного научно-методического решения конкретных задач, связанных с воспитанием поликультурной личности.

Цель исследования: с учётом новейших теоретических и эмпирических данных представить социолингвистическую модель функционирования языков в образовательной сфере таких полиэтнических и поликультурных регионов РФ, как Башкортостан и Тыва. Данная цель предполагает решение ряда задач:

- 1) обобщающий анализ статистических данных, которые касаются специфики обучения на башкирском и тувинском языках, а также изучения данных языков в качестве родных в общеобразовательных учреждениях Башкортостана и Тывы и последующее определение роли образования в сохранности национального (этнического) языка;
- 2) выявление особенностей корреляции компонентов языковой политики, проводимой в указанных регионах, с направлениями развития национального образования;
- 3) выявление тенденций в сфере полилингвального образования.

Теоретико-методологической базой исследования послужил ряд работ отечественных учёных, в которых затрагивается комплекс взаимосвязанных социолингвистических проблем, в последние годы приобретающих всё большую актуальность:

– вопросы языковой ситуации в полиэтнических Туве и РБ, прежде всего, функциональное распределение в них языков проживающих этносов [Арефьев, Бахтикиреева, Синячкин, 2021; Аюпова, Искужина, Салихова, 2021; Валиахметов и др., 2025; Донгак, 2020; Туракаев, 2022];

– определение характерных особенностей билингвизма в полиэтнических регионах РФ в их соотнесённости с направлениями языковой политики и языкового строительства,

осуществляемых в пределах конкретных административно-территориальных единиц [Донгак, 2020; Боргоякова, 2013; Боргоякова, Биткеева, 2020];

– специфика использования языков в образовательной сфере полиэтнических регионов РФ, в том числе в аспекте обучения на родных языках и их изучения в качестве родных в общеобразовательных учреждениях данных регионов [Арутюнова, 2018; Бавуу-Сюрюн, 2010; Искужина, Шайхисламова, 2023].

Объектом исследования является социолингвистическая модель функционирования языков в образовательном пространстве Башкортостана и Тывы. Предметом анализа выступает структура и качественное её содержание в корреляции с направлениями языковой политики, осуществляемой в данных регионах. Термин «социолингвистическая модель» обозначает теоретическую конструкцию, позволяющую описать и объяснить изменчивость языковых процессов в части их обусловленности социокоммуникативной деятельностью человека.

Обращение к эмпирическим данным, касающимся указанных регионов, обусловлено рядом факторов:

1) в Башкортостане и Тыве проводится языковая политика, нацеленная на расширение возможностей использования языков в различных сферах жизнедеятельности социума и тем самым их сохранения в состоянии коммуникативной пригодности;

2) в данных субъектах РФ в рамках языковой политики предпринимается комплекс мер, которые направлены на обеспечение функционирования национальных (этнических) языков в образовательном пространстве;

3) в РБ накоплен позитивный опыт, который связан с реализацией концепции полилингвального образования и может быть успешно экстраполирован на другие полиэтнические регионы страны.

В связи с этим представляется перспективным сопоставительный анализ особенностей использования родных языков коренных этносов, проживающих в Башкортостане и Тыве, в общеобразовательных учреждениях этих республик и последующая разработка социолингвистической модели, которая демонстрирует тенденции развития полилингвального образования в указанных субъектах РФ.

Материалом исследования служит совокупность документальных и научных источников, содержащих информацию о компонентах языковой ситуации в республиках и специфике функционального соотношения языков в их образовательной сфере. В число этих источников входят законодательные акты, результаты социологических опросов и мониторинговых исследований, проведённых учёными в Башкирии и Тыве в 2007–2025 гг., и

др. В данной работе при построении модели функционирования языков в образовательном пространстве Башкирии и Тувы был использован комплекс социолингвистических методов, таких как анализ письменных источников, обработка статистических данных, корреляционный анализ и другие.

2 | Роль образования в сохранности языка

В условиях полиязычности Башкирии и Тувы запросы жителей на изучение и использование иностранного языка превалируют над желанием и потребностями изучать язык своей этнической группы и говорить на нём. В исторически сложившихся полиязычных условиях республик «отличие тюркско-русского типа двуязычия заключается в том, что обладающий статусом государственного русский язык является единственным средством межэтнического взаимодействия» [В Башкирии проживают...: электронный ресурс]. Согласно данным переписи 2010 г. в Башкортостане отмечался рост числа владеющих русским языком, – это 98,4% всего населения региона, а именно 3 млн. 938 тыс. 63 человека, из них 1 млн. 432 тыс. 820 человек – это представители русского этноса. Кроме того, русский язык назвали родным 45% людей нерусской национальности [Национальный состав владение языками: электронный ресурс].

При отмечаемой социолингвистами достаточно высокой демографической мощности башкирского и тувинского языков наблюдается отрицательный языковой сдвиг у молодого поколения носителей этих языков [Боргоякова, Биткеева, 2020; Салихова, Киселева, 2022]. Автохтонная молодежь часто декларативно признает родным язык своей национальности, но статистические данные, касающиеся этноязыковой реальности, свидетельствуют об ином: молодые люди предпочитают русский язык как инструмент адаптации к современным запросам общества. Иными словами, имеет место сдвиг в сфере языковой лояльности, выражаемой в изменении речевого поведения башкир, которые не владеют родным языком свободно, но демонстрируют «правильные убеждения» относительно него.

В Туве, напротив, существует проблема низкого уровня владения русским языком тувинской молодежью: большинство районов республики мононационально, в них отсутствует русскоговорящая среда, что отрицательно сказывается на формировании навыков общения. Отсюда трудности социальной и психологической адаптации молодых людей, выезжающих за пределы республики на учёбу, на срочную службу, сложность приспособления к иным традициям, культуре. С 2008 года в Туве обучение русскому языку стало приоритетным направлением в образовательной сфере.

Следует указать на отрицательную динамику в функционировании тувинского языка: почти 3/4 опрошенных носителей языка отмечают, что в последние два-три десятилетия его функционирование сократилось. Четверть анкетировемых респондентов полагает, что использование тувинского языка, напротив, расширилось. Категория опрошенных, считающих, что ничего не изменилось, составляет 5%. Выявлена высокая символическая мощь тувинского языка при высокой языковой компетенции: 83% назвали тувинский язык родным, 10% считают родными русский и тувинский языки, для 7% родным является русский язык. 72% тувинцев признали себя билингвами, 21% предпочли ответить «скорее да, нежели нет», 4% ответили «не знаю», 3% отрицали принадлежность к двуязычным. А. Н. Биткеева [2020] отмечает, что межпоколенческая трансляция родного языка у тувинцев сохраняется, но наблюдается языковой сдвиг. Своевременная государственная поддержка тувинского языка, республиканская языковая политика, внедряемая с 2021 г., скорее всего, благоприятно скажется на отношении тувинцев к родному языку.

В Башкортостане в сравнении с другими регионами РФ овладение и владение русским языком пока не стало причиной утраты языка своего этноса. Язык осознается автохтонами как символ языковой и культурной идентичности личности [Salikhova, Iskuzhina, Nasipov, 2023]. Вместе с тем утрата мотивации в использовании родного языка обусловила сокращение его влияния в конкретных коммуникативных сферах. На наш взгляд, это объясняется возникающим противоречием между внешней приверженностью поколения (пра)родителей родному языку и их реальным речевым поведением [Salikhova, Nilova, 2016]. Дело в том, что со стороны старшего поколения отсутствуют отказ или возражения против передачи детям и внукам родного языка в семейном окружении, т.е. в естественных условиях усвоения языка. Выбор ими межнационального русского для общения в семье и вне её основан на том, что именно на этом языке ведется образование. Родным – башкирским или тувинским – языком дети овладевают стихийно (как правило, в кругу родственников) при параллельно идущем процессе снижения их уровня языковой компетенции. Методисты по обучению языкам отмечают целесообразность разумного использования родного языка в начальном звене школ с опорой на реальный уровень владения русским языком поступающими в школу.

Социолингвистическая модель функционирования языков в образовательном пространстве полиэтнического региона должна предусматривать разумную конкуренцию этнических языков автохтонов с русским как государственным языком на региональном уровне. Целесообразно принять во внимание реальную ситуацию плюрализма, исключаящего

ретроградное положение «один язык – один народ» и учитывающего важность многоязычия народов РФ.

3 | Национальное образование и языковая политика

Закономерным следствием особенностей социально-культурного и экономического развития РБ стали изменения в системе образования, связанные также и с реализацией Указа президента РФ от 7 мая 2018 года № 204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года».

Постановлением правительства РБ № 690 от 1 ноября 2022 года была утверждена к реализации Концепция развития национального образования в Башкортостане на 2019–2030 годы [Об утверждении Концепции развития...: электронный ресурс]. Проект нацелен на то, чтобы, оставаясь в рамках регионального и российского образовательного пространства, актуализировать потенциал национального образования.

Перспективы полилингвального образования в РБ, языковая ситуация которой характеризуется владением большинством населения двумя или тремя языками, очевидны. Первостепенными задачами реализации государственной программы «Сохранение и развитие государственных языков Республики Башкортостан и языков народов Республики Башкортостан» следует считать те, которые направлены на развитие русского как государственного и межнационального языка, мотивирование молодого поколения к изучению родных языков (башкирского, а также языков проживающих в регионе этносов) и повышение уровня языковой грамотности населения [Об утверждении государственной программы...: электронный ресурс]. Среди основных направлений государственной языковой политики в РБ также реализуются Концепция преподавания государственных языков РБ и родных языков народов РБ на 2021–2030 годы, утверждённая Указом Главы республики от 30.12.2020 № УГ-613; План мероприятий («дорожная карта») по развитию инновационных общеобразовательных организаций РБ с обучением на родном языке и изучением родных языков на 2023–2033 годы, утверждённый распоряжением Правительства РБ от 06.02.2023 №72-р; План мероприятий («дорожная карта») по реализации концепции преподавания государственных языков РБ и родных языков народов РБ 2022–2030 годы, утверждённый распоряжением Правительства РБ от 03.04.2023 №284-р [Публичный доклад..., 2024: 61].

Статус государственного дал возможность расширить отдельные из социально-коммуникативных функций башкирского языка. Как нам представляется, важно разработать для школ отдельные стандарты для обучающихся с неродным изучаемым языком [Салихова,

Киселева, 2023], с тем чтобы воплотить в реальных условиях коммуникативного взаимодействия идеи многоязычия конкретной личности. Немаловажное значение приобретают в данном контексте «задаваемые в семейном воспитании и общении ценностные установки, тесно сопряженные с участием (пра)родителей в транслировании детям и внукам культурных традиций и знания языка своего народа» [Арутюнова, 2018: 34; Salikhova, Nilova, 2016].

Если характеризовать языковую ситуацию в Туве, то по результатам Всероссийской переписи населения 2010 года в регионе проживали «представители 87 национальностей и народностей, при этом наиболее многочисленными национальностями в республике являются тувинцы (82%) и русские (16,3%). 98% тувинского населения владеют родным тувинским языком» [Донгак, 2020: 67]. По итогам Всероссийской переписи населения 2020 года в Тыве из проживающих там 303 тысяч тувинцев родным языком владеет 82,35%, столько же этот язык использует в повседневной жизни, при этом русским языком владеет 93% жителей республики [Стратегия государственной поддержки...: электронный ресурс].

В системе общего образования в Туве используются два государственных языка – русский и тувинский. Иностранные языки изучаются в качестве школьного предмета. Указом Главы Республики Тыва от 21 августа 2023 года № 274 утверждена «Стратегия государственной поддержки и развития тувинского языка в период с 2024 по 2033 гг.», в рамках которой одной из основных целей в сфере образования является формирование и развитие тувинско-русского и русско-тувинского паритетного билингвизма как одного из факторов, обеспечивающих межэтническое согласие в обществе. В качестве одного из приоритетных направлений Стратегии в сфере образования указано создание концепции и условий развития полилингвальной школы путем выбора учебных планов начального, основного общего образования с обучением на родном (тувинском) языке и наибольшим количеством часов на изучение родного (тувинского) языка и литературы. В этом направлении достигнута положительная динамика – выросло число обучающихся, опубликованы учебные пособия и т.д. Как и в Башкирии, полилингвальных школ в Туве пока нет, положение РБ в этом плане более стабильное.

В РБ изучение башкирского языка – родного языка титульного этноса, который составляет 31,5% населения республики, ведется по трем программам:

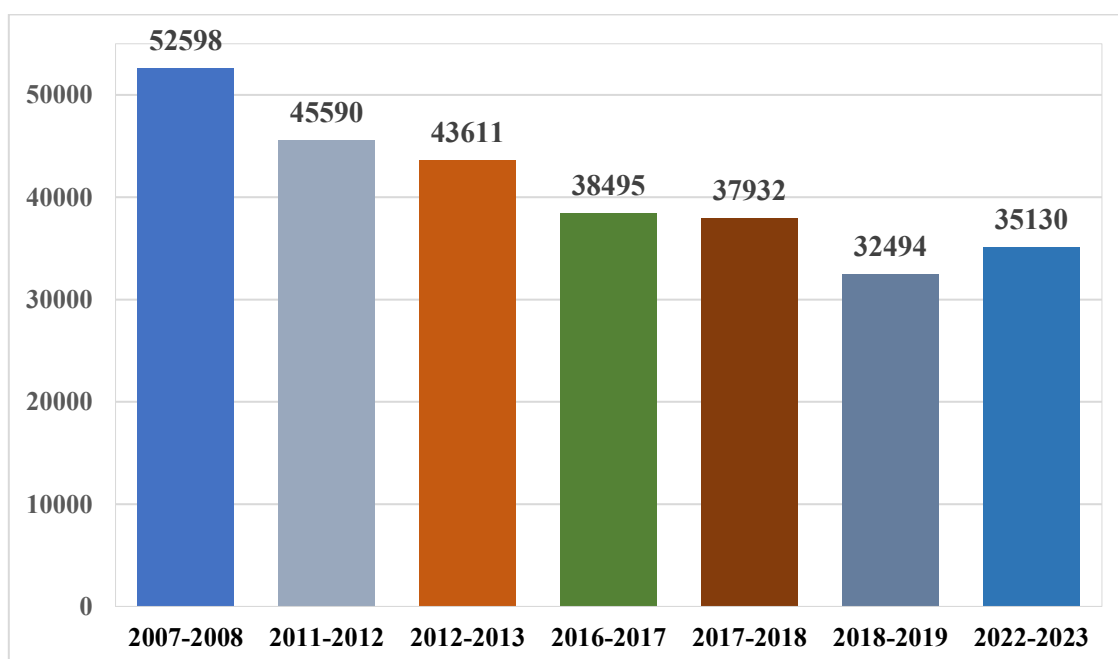
- 1) изучение башкирского как государственного языка для всех обучающихся по выбору;
- 2) изучение башкирского как родного языка для школ с обучением на башкирском языке;

3) изучение башкирского как родного языка для детей башкир, не владеющих языком, в школах с обучением на русском языке [Национальный состав..., 2013: электронный ресурс].

По данным МО РФ [Министерство просвещения РФ...: электронный ресурс], в Публичном докладе МОиН РБ [Публичный доклад..., 2024: 62] в 2022–2023 учебном году в сельских и городских государственных школах РБ обучалось 517953 чел. Ввиду отсутствия сведений о количестве учащихся, изучающих тот или иной язык, автор обратился к данным функционирующих в регионах РФ интернет-сообществ родителей в социальной сети (см.: [Мы продолжаем разбираться... [Электронный ресурс]]). Ими подсчитано, что из 517953 чел. 479744 чел. обучались на русском языке; 35130 чел. – на башкирском языке; 2744 чел. – на татарском языке; 193 чел. – на чувашском языке; 96 чел. – на мордовском языке; 46 чел. – на удмуртском языке. Таким образом, в школах с башкирским языком обучения учились 6,8% школьников, на русском языке – 92,6% школьников республики, остальные дети получали образование на других языках. Наблюдается сокращение количества обучающихся на родном башкирском языке с 52598 чел. в 2007–2008 учебном году до 35130 чел. в 2022–2023 учебном году (диагр. 1; табл. 1).

Диаграмма 1.

**Количество учащихся, обучающихся на родном башкирском языке
в школах Башкортостана**

В «Публичном докладе Министерства науки и образования Республики Башкортостан» в 2023–2024 учебном году в образовательных организациях было организовано изучение 13 родных языков, из них:

- в дошкольных образовательных организациях – 6 родных языков (башкирский, татарский, чувашский, марийский, удмуртский, мордовский) изучают 41478 воспитанников;
- в общеобразовательных организациях – 10 родных языков (русский, башкирский, татарский, чувашский, марийский, удмуртский, мордовский, украинский, немецкий, белорусский) изучают 514899 школьников;
- в организациях дополнительного образования – 9 родных языков (башкирский, татарский, чувашский, марийский, украинский, немецкий, польский, армянский, иврит) изучают 4623 обучающихся 15 воскресных школ.

В общеобразовательных организациях обучение ведётся на 6 языках – русском, башкирском, татарском, чувашском, удмуртском, марийском. Обучением на родных (нерусском) языках охвачено 7,8% школьников. Количество обучающихся, изучающих родные языки, в 2024–2025 учебном году составило более 139 тысяч человек. При этом государственный язык республики (башкирский) изучают как школьный предмет более 118 тысяч человек [Министерство просвещения РФ...: электронный ресурс].

Витальность любого языка основывается на его востребованности в системе образования: каков объем выделяемых часов на изучение родных языков, какие языки являются языками обучения и/или изучения и т.д. Статистика демонстрирует рост рейтинга родных языков: изучение башкирского как государственного языка республики в 2020–2021 учебном году выбрали 67,08% (340724), в 2024–2025 гг. – 78,5% (408781) обучающихся [Министерство просвещения РФ...: электронный ресурс; Публичный доклад..., 2024: 62].

Таблица 1.

**Количество обучающихся, изучающих в школах
родные языки как предмет (2021–2023 учебный год)**

№	Изучаемый язык	Кол-во обуч-ся, 2021–2022 уч.г.	%	Кол-во обуч-ся, 2022–2023 уч.г.	%
2021–2022: 99,4% обучающихся (50.977 чел.) изучали родные языки; 2022–2023 – 81,5% обучающихся (219.010 чел.) изучали родные языки					
1	русский	345.509	68,02	298.943	57,7
2	башкирский	105.035	20,63	170.192	77,7
3	татарский	46.541	9,2	40.620	18,5
4	марийский	3.314	0,65	3.716	0,02
5	чувацкий	3.061	0,59	2.547	0,01
6	удмуртский	901	0,17	786	0,004
7	эрзя- мордовский	125	0,024	33	0,0001
8	украинский	57	0,011	38	0,0002
9	немецкий	416	0,08	400	0,002
10	белорусский	8	0,0015	*	*
11	латышский	10	0,019	*	*

* нет сведений

Обратимся к данным Института развития национальной школы РТ. Языком обучения на всех ступенях общего образования в республике является русский язык. Что же касается обучения на тувинском языке в общеобразовательных организациях, то «отмечается отрицательная динамика соответствующего контингента учащихся» [Арефьев, Бахтикиреева, Синячкин, 2021: 262] (граф. 1). Не менее важными представляются результаты мониторинга, которые демонстрируют «снижение количества школьников, изучавших тувинский язык в качестве родного» (граф. 2) [там же: 263].

График 1.

Доля школьников Тывы, обучавшихся на родном (тувинском) языке в 1997/1998 – 2019/2020 уч. годах, в %

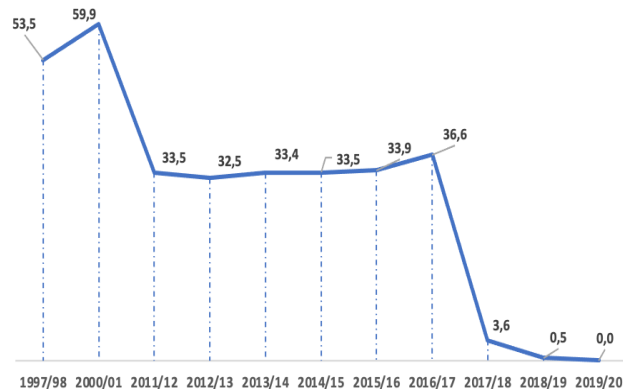
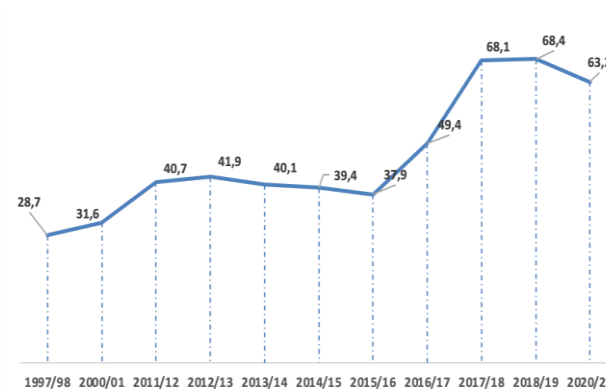

График 2.

Доля школьников Тывы, изучавших тувинский язык как родной в 1997/1998 – 2020/2021 учебных годах, в %

Результаты мониторинга в 2021–2024 гг. свидетельствуют о росте (+3,8%) количества детей, обучающихся на родном (тувинском) языке в образовательных организациях Тувы (табл. 2).

Таблица 2.

Количество обучающихся на родном (тувинском) языке

№	учебный год	Количество (из 72 942 чел.): 18 764 чел. – в сфере начального образования; 25 530 – общего образования; 3 667 – среднего общего образования	%
1	2021–2022	44 349	61,9
2	2022–2023	44 384	61,1
3	2023–2024	47 961	65,7

Выбор языка в РБ и РТ осуществляется на основе заявления родителей или законных представителей обучающегося при его зачислении в ДОУ, в 1 и 5 классы общеобразовательных учреждений. Практика показывает: родители выбирают в качестве языка обучения для своих детей русский как государственный и как язык межнационального общения.

25 января 2022 г. в Институте языкознания РАН состоялось XIV заседание Дискуссионно-аналитического клуба по языковой политике, на котором с докладом «Тувинский язык в современном образовательном пространстве» выступила главный научный сотрудник Центра традиционной тувинской культуры и ремесел, профессор кафедры

тувинской филологии и общего языкознания ТувГУ М.В. Бавуу-Сюрюн. Сошлемся на некоторые статистические данные, показательные в рамках исследования. По представленным в докладе результатам опросов населения Тывы, абсолютное большинство респондентов на вопрос, нужно ли изучать тувинский язык в школе, ответили «“Скорее да” – 12%, “скорее нет” – очень мало, “нет” и “затрудняюсь ответить”». Большинство также считает, что тувинский язык надо ввести в школьное образование. При выборе ответа на вопрос “для всех школьников” считают, что если человек другой национальности, то зачем его принуждать? Относительно детей тувинской национальности, считают, что надо обязательно изучать, потому что они тувинцы и должны знать свою историю, общаться со своими родственниками, но обязывать людей другой национальности изучать тувинский язык нельзя, это зависит от желания самого ребёнка» [Бавуу-Сюрюн, Каплунова, 2022: 143].

Тувинский язык и тувинская литература изучаются в школах также в качестве учебных предметов. Так, в соответствии с требованиями обновлённых ФГОСов утверждены Федеральные рабочие программы по следующим предметам:

- «Родной (тувинский) язык» и «Литературное чтение на родном языке» (начальное общее образование);
- «Родной язык» и «Родная литература» (основное общее образование);
- «Родной язык» и «Родная литература» (среднее общее образование).

Интерес вызывают данные проведенного посредством социальных сетей опроса среди 2083 человек – представителей населения Тывы [Товуу, 2022: 1392] – с целью определить, представляет ли родной (тувинский) язык ценность для интервьюируемых. Полученная информация представлена в таблице 3.

Таблица 3.

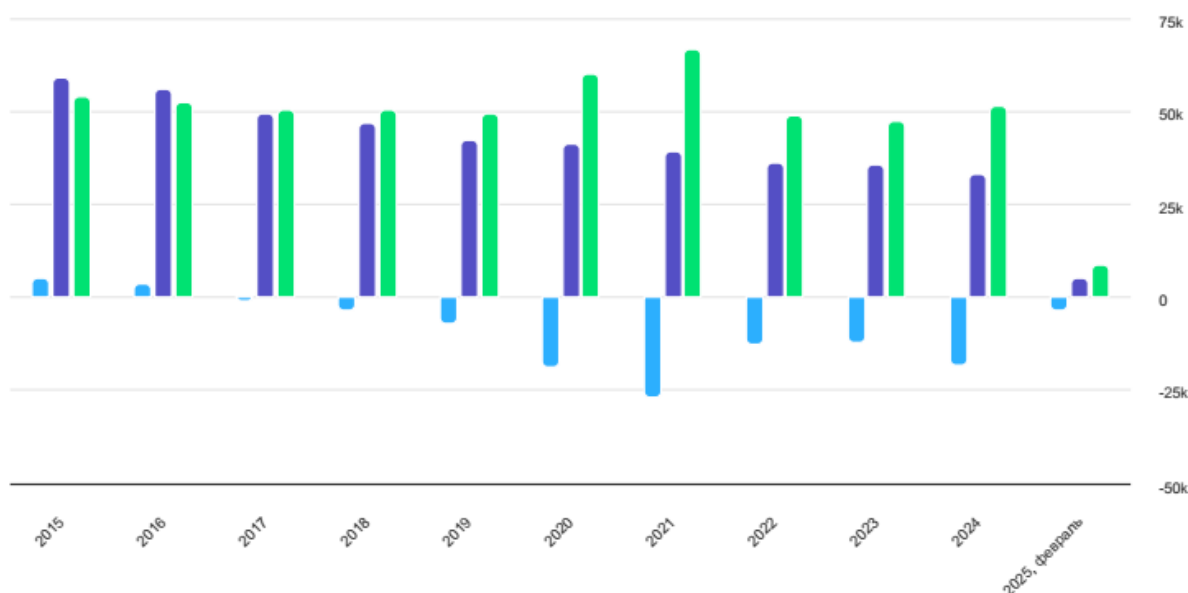
Отношение опрашиваемых к родному (тувинскому) языку

№	ответ	Кол-во опрошен- ных	%
1	тувинский язык является ценностью народа	1347	64,7
2	тувинский язык является ценностью в семье	711	34,1
3	часто общаются на родном (тувинском) языке в семье	1925	62,2
4	стараются поддерживать общение в семье	769	36,9
5	не поддерживают общение	19	0,9
6	дети изучают родной (тувинский) язык	1811	86,9
7	дети не изучают	258	12,4
8	не желают изучать	14	0,7
9	не ответили	25	1,2
10	желают, чтобы их дети знали родной (тувинский) язык в будущем	2053	98,6
11	нет необходимости в знании родного (тувинского) языка	30	1,4
12	семья способствует сохранению родного (тувинского) языка	1154	55,4
13	общество способствует сохранению родного (тувинского) языка	680	32,6
14	образовательная организация	232	11,1
15	не знаю, что способствует сохранению родного (тувинского) языка	17	0,9

Полагаем, картина снижения количества школьников, обучающихся на башкирском и тувинском языках и изучающих его как родной, во многом обусловлена объективными демографическими показателями (граф. 3, 4).

График 3.

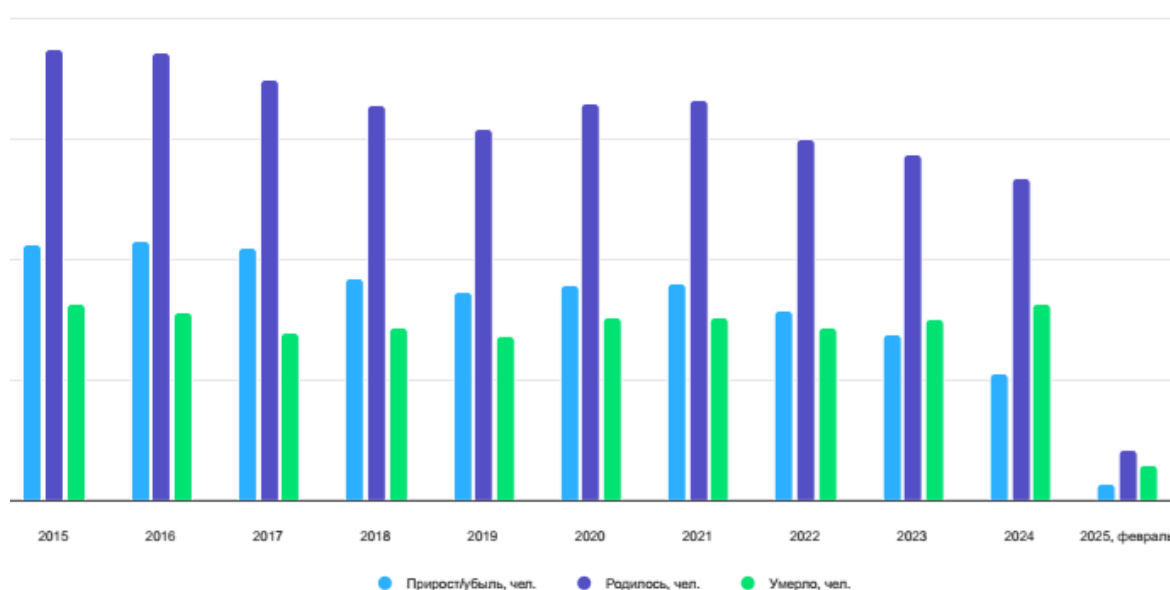
Естественный прирост / убыль населения Башкирии по годам
(по: [Смертность и рождаемость в Башкортостане: электронный ресурс])

Статистические данные, касающиеся динамики численности населения Тувы, представлены в графике 4.

График 4.

Естественный прирост / убыль населения Тувы по годам
(по: [Смертность и рождаемость в Туве: электронный ресурс])

В соответствии с демографическим прогнозом до 2030 года «прирост численности населения России, охваченного системой образования, к 2025 году по всем трем вариантам прогноза уменьшается, а по низкому варианту значение данного показателя с 2020 года отрицательное – численность населения в системе образования будет уменьшаться и к 2025 году достигнет значений 2011–2012 годов» [Официальный сайт Федеральной службы государственной статистики: электронный ресурс].

4 | Тенденции развития полилингвального образования в Республиках Башкортостан и Тыва

С учетом рассмотренных факторов тенденции в сфере полилингвального образования в РБ и РТ можно обозначить следующим образом. Глава региона Р.Ф. Хабиров на состоявшемся 12–13 мая 2025 года II Всероссийском съезде учителей башкирского языка и литературы в Уфе отметил актуальность появления полилингвальных школ в республике, связанную с их мотивирующей для обогащения национальной идентичности, языка и культуры народов РБ основой, а также обозначил приоритетные задачи в этом направлении: речь идёт о внедрении новых подходов к воспитательному и образовательному процессу, в том числе, в дошкольных учреждениях. В регионе успешно работают 8 полилингвальных многопрофильных школ – 2 в Уфе, по одной в Стерлитамаке, Нефтекамске, Сибее, Учалинском, Хайбуллинском и Мишкинском районах. До 2030 года в Башкирии планируется строительство 8 полилингвальных гимназий.

Если иметь в виду специфику полилингвальной подготовки в соответствующих образовательных учреждениях Башкортостана, то она включает в себя ряд взаимосвязанных компонентов, реализация которых осуществляется на разных этапах (см. табл. 4).

Таблица 4.

Компоненты полилингвальной образовательной модели

№	компонент	этап	описание
1	языковой	дошкольный	языковая подготовка по английскому и родному языкам
		1-4 класс	английский и родной языки
		5 класс	+ второй иностранный язык на выбор обучающегося; предметы естественно-математического цикла на билингвальной основе – английском и русском языках по методике CLIL
		I-II ступени образования	усвоение обучающимися отдельных предметов на родном языке углублённое изучение русского, родного и английского языков; организация школьных предметных олимпиад на родном и английском языках; подготовка к международным экзаменам по английскому языку; организация профильных, академических смен и языковых лагерей в каникулярное время.
2	информационно-технологический	дошкольный	IT-подготовка, изучение Lego-конструирования, робототехника.
		школьный	робототехника, программирование, 3D-моделирование, нейросети

Перед образовательными учреждениями подобного типа «ставятся непростые задачи, связанные с подготовкой креативно мыслящих школьников, которые в благоприятных полилингвальных условиях обучения приобретают устойчивые навыки самореализации в разных видах деятельности» [Арефьев, Бахтикиреева, Синячкин, 2021: 264].

Что касается Тувы, то реализация задач, аналогичных башкортостанским, была предложена в государственной программе «Развитие государственных языков Республики Тыва», позволившей создать условия для сохранения родных языков в образовательной среде – как русского, так и тувинского. Существующая положительная динамика уровня владения тувинским языком в республике связана с изучением тувинского языка как школьного предмета, что подтверждается результатами проведённых 3 мониторинговых исследований [Товуу, 2022: 1391]. Для обеспечения возможности получения образования на родном (тувинском) языке в 2021 году приказом МО РТ (№ 955-д) был начат эксперимент, в рамках которого учащиеся начальной школы в количестве 440 человек (всего 21 класс) изучают

предметы «Математика» и «Окружающий мир» на тувинском языке. Федеральные учебники по данным предметам переведены на тувинский язык.

27 октября 2025 года на заседании Государственного совета по языковой политике при Главе Тывы утверждался план мероприятий по реализации Стратегии государственной поддержки и развития тувинского языка в период с 2024 по 2033 годы, состоящей из девяти разделов: законодательная деятельность, образование, наука, СМИ, культура, искусство и книгоиздание, духовное развитие и религия, современные информационно-коммуникационные технологии. Так, в разделе сферы образования запланированы изучение психологических основ билингвизма детей раннего и дошкольного возраста, создание концепции развития полилингвальной школы, открытие учебно-научной лаборатории тувинской литературы и фольклора в ТувГУ, создание электронных образовательных интернет-ресурсов по изучению тувинского языка для всех возрастных групп детей и молодежи. Отмечается, что основные цели стратегии включают расширение функций тувинского языка в обществе, повышение его престижа, сохранение и развитие его норм и словарного фонда [ТуваМедиаГрупп: электронный ресурс].

Одним из успешных проектов стал диктант по башкирскому языку, который с 2019 года вышел на международный уровень. Если в первые годы реализации проекта диктант писали 70 тысяч жителей, то в 2025 году – 405472 человека, в том числе почти 18,5 тысяч участников из регионов России и 1653 участника из других стран. В Туве Институт развития национальной школы совместно с Региональным ресурсным центром федерального проекта «Навигаторы детства» также ежегодно проводят этнокультурные республиканские диктанты «Три ценности».

5| Заключение

Законодательная база национального образования в РБ и РТ призвана обеспечить благоприятные и комфортные условия для равноправного развития и дальнейшего функционирования как этнических (башкирского и тувинского), так и русского языков. К важным особенностям языковой жизни обеих республик автор относит: 1) представленность башкирского и тувинского языков в региональных СМИ; 2) открытость власти к решению языковых проблем, а также ее готовность учитывать в своей деятельности рекомендации представителей гражданского общества, участвующих в обсуждении вопросов, связанных с сохранением и развитием языков. Указанное, без сомнения, будет способствовать развитию

сбалансированного билингвизма в Тыве и Башкирии, обеспечению функционирования родных языков коренных этносов и поддержанию межнационального согласия.

Проект «Полилингвальные многопрофильные общеобразовательные организации в Республике Башкортостан» нацелен на конструирование благоприятной для изучения нескольких языков среды, на формирование установок к возрождению образовательно-воспитательных функций родных языков народов республики и РФ в целом, на усиление роли русского языка как активного посредника и катализатора диалога культур, на обретение навыков пользования иноязычной речью с целью трансляции культуры народов РБ в мировое сообщество. Аналогично этому в РТ предусмотрено создание концепции и условий развития полилингвального образования, в рамках которого предполагается выбор учебных планов начального, основного общего образования с обучением на родном (тувинском) языке и наибольшим количеством часов на изучение родного (тувинского) языка и литературы.

Башкирский и тувинский языки – стратегический ресурс устойчивого этнокультурного развития. Учёт прагматического фактора, объясняющего выбор личностью средства общения в определенных коммуникативных ситуациях, будет способствовать ее успешной социализации и адаптации к современным запросам общества.

Социолингвистическая модель функционирования языков в образовательном пространстве полиэтнического региона, по убеждению автора, должна основываться на практической реализации положений языковой политики, при которой миноритарные и мажоритарные народы имели бы возможность получать образование на родных языках, овладевая одновременно общегосударственным русским языком, а также региональными и иностранными языками.

ЛИТЕРАТУРА

- Арефьев А. Л., Бахтикиреева У. М., Синячкин В. П.* (2021) Проблемы билингвизма в системе школьного языкового образования Республики Тыва // Новые исследования Тувы. № 1. С. 255–272. DOI: 10.25178/nit.2021.1.14
- Арутюнова Е. М.* (2018) Этноязыковые проблемы и перспективы в образовательной сфере российских республик (на примере Башкортостана) // Социологические исследования. № 4. С. 25–35. DOI: 10.7868/S0132162518040037
- Аюпова Л. Л., Искужина Н. Г., Салихова Э. А.* (2021) Языковая ситуация как объект изучения в социолингвистике // Языковая мозаика г. Уфы. Уфа: Аэтерна. Т. 1. С. 17–68.
- Бавуу-Сюрюн М. В.* (2010) Тувинский язык на современном этапе: образовательный аспект // Новые исследования Тувы. № 3. С. 57–71.
- Бавуу-Сюрюн М. В., Капдунова М. Я.* (2022) Четырнадцатое заседание дискуссионно-аналитического клуба по языковой политике. Москва, Институт языкознания РАН, 25 января 2022 г. // Социолингвистика. № 1 (9). С. 135–153. DOI: 10.37892/2713-2951-1-9-135-153

- Боргоякова Т. Г. (2013) Развитие билингвизма в Республиках Тыва и Хакасия // Филологические науки. Вопросы теории и практики. № 7 (25): в 2-х ч. Ч. I. С. 36–39.
- Боргоякова Т. Г., Биткеева А. Н. (2020) Тувинский язык в правовом и функциональном измерении // Новые исследования Тувы. № 1. С. 50–59. DOI: 10.25178/nit.2020.1.4
- Валиахметов Р. М., Зарипов А. Я., Вахитов Р. Р. (2025) Становление и развитие национального образования в Республике Башкортостан // Новые исследования Тувы. № 1. С. 172–187. DOI: 10.25178/nit.2025.1.13
- Донгак Ч. Б. (2020) Языковая политика и проблема контактного билингвизма в национальных республиках России (на примерах Республик Татарстан, Тыва и Саха (Якутия)) // Вестник Тувинского государственного университета. Вып. 1. Социальные и гуманитарные науки. № 4 (68). С. 63–72. DOI: 10.24411/2221-0458-2020-10043
- Искужина Н. Г., Салихова Э. А. (2021) Языки в сфере городского образования // Языковая мозаика г. Уфы. Уфа: Аэтерна. Т. 1. С. 327–360.
- Искужина Н. Г., Шайхисламова З. Ф. (2022) О полилингвальном образовании в Республике Башкортостан // Социоллингвистика. № 1(9). С. 100–111. DOI: 10.37892/2713-2951-1-9-100-111
- Куртымова Е. А. (2013) Основы формирования билингвальной личности в современном социуме // Центр научного сотрудничества «Интерактив плюс». Режим доступа: <https://interactive-plus.ru/e-articles/collection-20131209-1/collection-20131209-1-648.pdf>. Дата обращения: 12.12.2025.
- Министерство просвещения Российской Федерации: банк документов. Режим доступа: <https://docs.edu.gov.ru/document/70ecc3b178e0b8397d234697c42e0ad8/>. Дата обращения: 23.09.2025.
- Мы продолжаем разбираться ... // ВКонтакте. Родительское сообщество Татарстана – РоСТ. Режим доступа: https://vk.com/wall-157831298_11404. Дата обращения: 12.12.2025.
- Национальный состав и владение языками, гражданство населения Республики Башкортостан по данным Всероссийской переписи населения 2010 года: статистический сборник: в 2 ч. Ч. 2. Уфа, 2013. Режим доступа: <https://02.rosstat.gov.ru/storage/mediabank/6-Nacionalnyj-sostav-naseleniya-vladenie-yazykami-i-ih-ispolzovanie.pdf>. Дата обращения: 12.12.2025.
- Очур Н. М. (2015) Развитие двуязычия в школах Тувы в постсоветский период // Вестник Томского государственного педагогического университета. № 4 (157). С. 93–97.
- Официальный сайт Федеральной службы государственной статистики: Режим доступа: www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/accounts/. Дата обращения: 12.12.2025.
- Об утверждении государственной программы «Сохранение и развитие государственных языков Республики Башкортостан и языков народов Республики Башкортостан» // Постановление Правительства Республики Башкортостан № 690 от 01 ноября 2022 года. Режим доступа: <https://docs.cntd.ru/document/407102169>. Дата обращения: 12.12.2025.
- Об утверждении Концепции развития дополнительного образования детей в Республике Башкортостан до 2030 года // Постановление правительства Республики Башкортостан № 690 от 01 ноября 2022 года. Режим доступа: <https://docs.cntd.ru/document/406287564>. Дата обращения: 12.12.2025.
- Публичный доклад Министерства образования и науки Республики Башкортостан. Уфа, 2024. 100 с.
- Республика Башкортостан: демографический доклад. Вып. 5. Уфа, 2023. 304 с.
- Салихова Э. А., Киселева Л. А. (2022) Этноязыковое пространство современного Башкортостана: социоллингвистический очерк. М.: Флинта. 171 с.
- Смертность и рождаемость в Башкортостане: данные Росстата. Режим доступа: <https://gogov.ru/natural-increase/bash>. Дата обращения: 12.12.2025.

- Смертность и рождаемость в Тыве*: данные Росстата. Режим доступа: <https://gogov.ru/natural-increase/tva>. Дата обращения: 12.12.2025.
- Серээдар Н. Ч. (2018) Тувинский язык как средство общения тувинцев: проблемы и перспективы // Новые исследования Тувы. № 1. С. 4–19. DOI: 10.25178/nit.2018.1
- Стратегия государственной поддержки и развития тувинского языка в период с 2024 по 2033 гг.: Режим доступа: <https://docs.cntd.ru/document/406801790?ysclid=lt0ip7ziu2187785971>. Дата обращения: 12.12.2025.
- Товуу С. С. (2022) Тувинский язык в образовании: вопросы витальности языка // Oriental Studies. № 15(6). С. 1389–1400. DOI: 10.22162/2619-0990-2022-64-6-1389-1400
- ТуваМедауГрупп: Режим доступа: https://vk.com/wall-58078898_112794. Дата обращения: 12.12.2025.
- Туракаев М. С. (2022) Этноязыковая ситуация как фактор социального самочувствия региона в национальных республиках России (на примере Тувы, Башкортостана и Калмыкии) // Новые исследования Тувы. № 2. С. 70–84. DOI: 10.25178/nit.2022.2.5
- Salikhova E. A., Nilova K. V. (2016) Intrazone of Family Communication: Socio-Psycholinguistic Aspect: Monograph. Great Britain: London.
- Salikhova E. A. (2023) Bilingual Polymodal Personality in the Aspect of Intercultural / E. A. Salikhova, N. G. Iskuzhina, I. S. Nasipov // Complex Social Systems in Dynamic Environments: Advanced Theories, Innovative Methods, and Interdisciplinary Research Results. Cham, Switzerland: Springer Nature. T. 365. P. 195–209. DOI: 10.1007/978-3-031-23856-7_20

REFERENCES

- Aiupova, L.L., Iskuzhina, N.G. and Salikhova, E.A. (2021) Language situation as an object of study in sociolinguistics. In: *Language mosaic of Ufa*. Vol. 1. Ufa: Aeterna, pp. 17–68. (In Russian).
- Arefev, A.L., Bakhtikireeva, U.M. and Siniachkin, V.P. (2021) Problems of bilingualism in the school language education system of the Republic of Tyva. *New Research of Tuva*, 1, pp. 255–272. DOI: 10.25178/nit.2021.1.14 (In Russian).
- Arutiunova, E.M. (2018) Ethno-linguistic problems and prospects in the educational sphere of the Russian republics (on the example of Bashkortostan). *Sotsiologicheskie issledovaniia [Sociological Studies]*, 4, pp. 25–35. DOI: 10.7868/S0132162518040037 (In Russian).
- Bavuu-Syuryun, M.V. (2010) Tuvan language at the present stage: educational aspect. *New Research of Tuva*, 3, pp. 57–71. (In Russian).
- Bavuu-Syuryun, M.V. and Kaplunova, M.Ya. (2021) The Fourteenth Meeting of the Discussion and Analytical Club on Language Policy. Moscow, Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences, 25 January 2022. *Sotsiolingvistika [Sociolinguistics]*, 1(9), pp. 135–153. DOI: 10.37892/2713-2951-1-9-135-153 (In Russian).
- Borgoiakova, T.G. (2013) Development of bilingualism in the Republics of Tyva and Khakassia. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki [Philological Sciences. Issues of Theory and Practice]*, 7(25), part I, pp. 36–39. (In Russian).
- Borgoiakova, T.G. and Bitkeeva, A.N. (2020) Tuvan language in legal and functional dimensions. *New Research of Tuva*, 1, pp. 50–59. DOI: 10.25178/nit.2020.1.4 (In Russian).
- Dongak, Ch.B. (2020) Language policy and the problem of contact bilingualism in the national republics of Russia (on the examples of the Republics of Tatarstan, Tuva and Sakha (Yakutia)). *Vestnik Tuvinskogo gosudarstvennogo universiteta. Sotsialnye i humanitarnye nauki [Bulletin of Tuva State University. Social and Human Sciences]*, 1(4), pp. 63–72. DOI: 10.24411/2221-0458-2020-10043 (In Russian).
- Iskuzhina, N.G. and Salikhova, E.A. (2021) Languages in the field of urban education. In: *Language mosaic of Ufa*. Vol. 1. Ufa: Aeterna, pp. 327–360. (In Russian).

- Iskuzhina, N.G. and Shaikhislamova, Z.F. (2022) About multilingual education in the Republic of Bashkortostan. *Sotsiolingvistika [Sociolinguistics]*, 1(9), pp. 100–111. DOI: 10.37892/2713-2951-1-9-100-111 (In Russian).
- Kurtyмова, E.A. (2013) Fundamentals of the formation of a bilingual personality in modern society. *Center for Scientific Cooperation "Interactive Plus"*. Available at: <https://interactive-plus.ru/e-articles/collection-20131209-1/collection-20131209-1-648.pdf> (Accessed: 12 December 2025) (In Russian).
- Ministerstvo prosveshcheniia Rossiiskoi Federatsii: document bank [Ministry of Education of the Russian Federation: document bank]. Available at: <https://docs.edu.gov.ru/document/70ecc3b178e0b8397d234697c42e0ad8> (Accessed: 12 December 2025) (In Russian).
- My prodolzhaem razbiratsia [We continue to investigate]. VKontakte. Roditel'skoe soobshchestvo Tatarstana – RoST. Available at: https://vk.com/wall-157831298_11404 (Accessed: 12 December 2025) (In Russian).
- Natsionalnyi sostav i vladenie yazykami, grazhdanstvo naseleniia Respubliki Bashkortostan po dannym Vserossiiskoi perepisi naseleniia 2010 goda: statistical digest. Part 2. Ufa, 2013. (In Russian).
- Ob utverzhdenii gosudarstvennoi programmy "Sokhranenie i razvitie gosudarstvennykh yazykov Respubliki Bashkortostan i yazykov narodov Respubliki Bashkortostan" [On Approval of the State Program "Preservation and Development of the State Languages of the Republic of Bashkortostan and the Languages of the Peoples of the Republic of Bashkortostan"]. Postanovlenie Pravitel'stva Respubliki Bashkortostan № 690 ot 1 noiabria 2022 g. Available at: <https://docs.cntd.ru/document/407102169> (Accessed: 12 December 2025) (In Russian).
- Ob utverzhdenii Kontseptsii razvitiia dopolnitelnogo obrazovaniia detei v Respublike Bashkortostan do 2030 goda [On Approval of the Concept for the Development of Additional Education for Children in the Republic of Bashkortostan until 2030]. Postanovlenie Pravitel'stva Respubliki Bashkortostan № 690 ot 1 noiabria 2022 g. Available at: <https://docs.cntd.ru/document/406287564> (Accessed: 12 December 2025) (In Russian).
- Ochur, N.M. (2015) Development of bilingualism in Tuva schools in the post-Soviet period. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta [Tomsk State Pedagogical University Bulletin]*, 4(157), pp. 93–97. (In Russian).
- Ofitsialnyi sait Federalnoi sluzhby gosudarstvennoi statistiki [Official website of the Federal State Statistics Service]. Available at: <https://rosstat.gov.ru/> (Accessed: 12 December 2025) (In Russian).
- Publichnyi doklad Ministerstva obrazovaniia i nauki Respubliki Bashkortostan [Public report of the Ministry of Education and Science of the Republic of Bashkortostan]. Ufa, 2024. 100 pp. (In Russian).
- Respublika Bashkortostan: demograficheskii doklad [Republic of Bashkortostan: demographic report]. Issue 5. Ufa, 2023. 304 pp. (In Russian).
- Salikhova, E.A. and Kiseleva, L.A. (2022) Ethnolinguistic space of modern Bashkortostan: a sociolinguistic essay. Moscow: Flinta. 171 pp. (In Russian).
- Salikhova, E.A., Iskuzhina, N.G. and Nasipov, I.S. (2023) Bilingual polymodal personality in the aspect of intercultural. In: *Complex Social Systems in Dynamic Environments: Advanced Theories, Innovative Methods, and Interdisciplinary Research Results*. Vol. 365. Cham, Switzerland: Springer Nature, pp. 195–209. DOI: 10.1007/978-3-031-23856-7_20
- Sereedar, N.Ch. (2018) Tuvan language as a means of communication among Tuvans: problems and prospects. *New Research of Tuva*, 1, pp. 4–19. DOI: 10.25178/nit.2018.1 (In Russian).
- Smernost i rozhdaemost v Bashkortostane: dannye Rosstata [Mortality and birth rates in Bashkortostan: Rosstat data]. Gogov. Available at: <https://gogov.ru/natural-increase/bash> (Accessed: 12 December 2025) (In Russian).

- Smertnost i rozhdaemost v Tyve: dannye Rosstata [Mortality and birth rates in Tuva: Rosstat data]. Gogov. Available at: <https://gogov.ru/natural-increase/tva> (Accessed: 12 December 2025) (In Russian).
- Strategiia gosudarstvennoi podderzhki i razvitiia tuvinskogo yazyka v period s 2024 po 2033 gg. [Strategy for state support and development of the Tuvan language for the period from 2024 to 2033]. Available at: <https://docs.cntd.ru/document/406801790> (Accessed: 12 December 2025) (In Russian).
- Tovuu, S.S. (2022) Tuvan language in education: issues of language vitality. *Oriental Studies*, 15(6), pp. 1389–1400. DOI: 10.22162/2619-0990-2022-64-6-1389-1400 (In Russian).
- TuvaMediaGrupp [TuvaMediaGroup]. VKontakte. Available at: https://vk.com/wall-58078898_112794 (Accessed: 12 December 2025) (In Russian).
- Turakaev, M.S. (2022) Ethno-linguistic situation as a factor of social well-being of the region in the national republics of Russia (on the example of Tuva, Bashkortostan and Kalmykia). *New Research of Tuva*, 2, pp. 70–84. DOI: 10.25178/nit.2022.2.5 (In Russian).
- Valiahmetov, R.M., Zaripov, A.Ya. and Vahitov, R.R. (2025) Formation and development of national education in the Republic of Bashkortostan. *New Research of Tuva*, 1, pp. 172–187. DOI: 10.25178/nit.2025.1.13 (In Russian).

Салихова Эльвина Ахнафовна – доктор филологических наук, профессор, старший научный сотрудник отдела этнополитологии ИЭИ им. Р.Г. Кузеева УФИЦ РАН.

Адрес: 450077, Россия, Башкирия, г. Уфа, ул. К. Маркса, 6.

Эл. адрес: Salelah12@yandex.ru

<https://orcid.org/0000-0001-9570-1763>

Elvina A. Salikhova – Doctor of Philology, Professor, Senior Research Fellow of the Ethnopolitical Science Department, R. Kuzeev Institute for Ethnological Studies, Ufa Federal Research Center of the Russian Academy of Sciences.

Address: Aksakova st. 7, Ufa, Bashkiria, Russia, 450077.

E-mail: Salelah12@yandex.ru

<https://orcid.org/0000-0001-9570-1763>

Для цитирования: Салихова Э.А. Социолингвистическая модель функционирования языков в образовательном пространстве полиэтнического региона (на примере республик Башкортостан и Тыва) // Социолингвистика. 2025. № 4 (24). С. 137–159. DOI: 10.37892/2713-2951-4-24-137-159

For citation: Salikhova E.A. Sociolinguistic model of language functioning in the educational space of a multiethnic region (using the example of the republics of Bashkortostan and Tyva) // Sociolinguistika. 2025. No. 4 (24). Pp. 137–159. (In Russian). DOI: 10.37892/2713-2951-4-24-137-159

Заявление о конфликте интересов | Conflict of interest statement

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

The authors declare no conflicts of interests.

The article was submitted 30.04.2025;
approved after reviewing 14.11.2025;
accepted for publication 22.12.2025.

ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНЫЕ И ПОЛЕВЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

EXPERIMENTAL AND FIELD RESEARCH

<https://doi.org/10.37892/2713-2951-4-24-160-177>

EMERGENCY LANGUAGE SERVICE IN MULTILINGUAL COUNTRIES

UDC 81'272

Maria Ya. Kaplunova Institute of Linguistics of
the Russian Academy of
Sciences,

Russian Federation

Li Jia

Wuhan University,

People's Republic of China

Abstract

Emergency language services encompass translation, interpretation, and plain language communication during crises, including medical and disaster emergencies, to assist individuals with limited language proficiency in overcoming language barriers and preventing potentially life-threatening errors.

These services play a critical role in promoting equality, accessibility, and human rights for all community members, regardless of their linguistic background. The specific characteristics of emergency language services vary across countries, shaped by the unique linguistic, cultural, and social contexts of each nation. Understanding these variations is essential for developing effective policies and protocols that meet the needs of diverse populations.

This article aims to provide a comparative analysis of emergency language service approaches in multi-ethnic and multilingual countries such as the Russian Federation, the People's Republic of China, and the United States. Additionally, it evaluates the role of emergency language services as a subject of contemporary academic research, with particular attention to the COVID-19 pandemic outbreak in 2020, which accelerated the development of these services in both practical and theoretical dimensions.

Finally, the article explores future prospects for emergency language services, highlighting recent advancements in China's AI-based emergency language technologies and their potential for global application.

KEYWORDS: crisis communication, emergency language services, emergency management, language barriers, language situation, language policy

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0).

© Maria Ya. Kaplunova, Li Jia, 2025

<https://doi.org/10.37892/2713-2951-4-24-160-177>

ЭКСТРЕННАЯ ЯЗЫКОВАЯ СЛУЖБА В МНОГОЯЗЫЧНЫХ СТРАНАХ

УДК 81'272

Мария Я. Каплунова Институт Языкознания
РАН,

Российская Федерация

Ли Цзя

Уханьский университет,

Китайская Народная
Республика

Аннотация

Экстренная языковая служба включает письменный и устный перевод, а также коммуникацию на простом языке во время кризисов, включая медицинские и чрезвычайные ситуации, с целью помочь людям с ограниченными языковыми навыками преодолеть языковой барьер и предотвратить потенциально опасные для жизни ошибки.

Эта служба играет ключевую роль в обеспечении равенства, доступности и защиты прав человека для всех членов общества, независимо от их языкового происхождения. Конкретные особенности экстренных языковых услуг варьируются в разных странах и формируются уникальными лингвистическими, культурными и социальными контекстами каждой нации. Понимание этих различий необходимо для разработки эффективных политик и протоколов, отвечающих потребностям разнообразного населения.

Цель данной статьи – представить сравнительный анализ подходов к экстренным языковым службам в многоэтнических и многоязычных странах, таких как Российская Федерация, Китайская Народная Республика и Соединённые Штаты Америки. Кроме того, статья оценивает роль экстренных языковых услуг как предмета современного академического исследования, с особым вниманием к вспышке пандемии COVID-19 в 2020 году, которая ускорила развитие этих услуг как в практическом, так и в теоретическом аспектах.

В заключении статья рассматривает перспективы развития экстренных языковых услуг, выделяя недавние достижения Китая в области технологий искусственного интеллекта для экстренного перевода и их потенциал для глобального применения.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: кризисная коммуникация, экстренная языковая служба, управление чрезвычайными ситуациями, языковой барьер, языковая ситуация, языковая политика

Статья опубликована на условиях Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0).

© Мария Я. Каплунова, Ли Цзя, 2025

1 | Introduction

Emergency language services provide crucial communication support during crises, including medical, disaster, and public emergencies. They involve providing translation, interpretation, and plain language data to ensure timely and accurate information is conveyed to and from people with limited official or common language proficiency (as in the case of Russian, English, Chinese in Russia, the USA and China respectively), or other language barriers. In fact, in emergency situations, special groups of the population, including the elderly, residents of remote regions, foreigners, migrants, etc., may become vulnerable. In this context, their vulnerability is determined linguistically, so the composition of such groups is determined based on the linguistic situation in the territory of a particular state, while the specific features of emergency language services are formed based on the country's language policy.

These services use a variety of methods, including human interpreters, language software, and simplified communication tools, to overcome language gaps and prevent potentially life-threatening errors. The key components of such services include communication support (translation and interpretation services for emergency and medical instructions), cross-cultural coordination, i.e. facilitating communication between responders and individuals with different cultural backgrounds. The situations when emergency language services are provided vary from disasters like earthquakes, floods, or other natural disasters, when crisis communication help coordinate rescue efforts, to public health crises with COVID-19 pandemic as a bright example, when large scale emergency language services required in translating medical instructions and coordinating healthcare. Apart from such extreme situations emergency language services, or in this case, just language services are used during international events like international conferences or sporting competitions to provide communication between representatives of different nationalities and cultures.

2| Emergency language service in multiethnic states

2.1 The case of the USA

A distinctive feature of the language situation in the United States is that, although English is the primary language spoken at home by most residents, many other languages are also spoken across the country. Additionally, the level of English proficiency among U.S. residents varies. According to the 5 year data (2017–2021) provided by U.S. Census Bureau, over 22% of the U.S. population aged five and older speak language other than English (there is also a forty-two group classification of

languages spoken at home provided annually by the American Community Survey²⁰) at home [U.S. Census Bureau 2025]. Under these conditions, the issue of crisis communication within the framework of language management becomes relevant.

In the aftermath of the September 11, 2001 tragedy, the United States government implemented a new operational framework aimed at enhancing language and dialect proficiency. Consequently, in 2007, the Department of Defense initiated *the National Language Service Corps (NLSC)* affiliated with the Defense Language and National Security Education Office, the program was to create a pool of language professionals capable of supporting the nation's emergency language needs on a volunteer basis during both international and domestic crises and urgent situations. NLSC members thus have the opportunity and privilege to assist their language communities living in the USA and serve as mediators between the rescue team and their fellow citizens, which Yao Chunyu describes as “a win-win situation between the public and their government” [Yao, 2022:15]. Initially, the NLSC planned to maintain a pool of volunteers proficient in 10 languages (although their exact list is not specified, early documents of the program noted activities in the following languages: Arabic, Chinese, Russian, Farsi Dari, Indonesian, Thai, Japanese, Lithuanian, and Vietnamese). Today, it supports speakers of more than 540 languages and dialects with over 5000 language professionals' staff [NLSC website]. In terms of language policy NLSC mission fosters Department's strategic policy planning regarding foreign language, culture, and regional expertise making “great contributions to the construction of the national emergency language service system” [Yao, 2022:15].

Generally emergency language services in the USA include a combination of both government and private sector options, which offer 24/7 phone, video, and on-site interpretation for public safety, healthcare, and other critical situations. The government sector is represented by the above mentioned NLSC for federal agencies, *the Federal Communications Commission (FCC)* which offers multilingual emergency alert templates to support emergency officials in delivering warnings to communities that do not speak English during crises, *the Federal Emergency Management Agency (FEMA)* of the United States Department of Homeland Security which has a commitment to provide language access and information resources for survivors of disasters, including those with limited English language proficiency. Other sources of support include state and local public health departments that may provide language assistance, as for example the case of *the Illinois Department of Public Health (IDPH)*, which offers language assistance services (primarily in Spanish with more

²⁰ United States Census Bureau official website. About language use in U.S. population. Four and Forty-Two Group Classifications of Languages Spoken at Home with Examples
<https://www.census.gov/topics/population/language-use/about.html> Access date: 20.11.2025.

than 20 staff members fluent in it) for the effective communication between doctors and patients including oral interpretation by telephone or in person on its official website²¹. At the same time IDPH Language Access Complaint Form provided on their website is fully in English and requires certain English proficiency from those who fill out the form and thus reveals the weaknesses of this language service system. Private and non-profit services include *LanguageLine Solutions*, a major provider of language services, with 24/7 on-demand phone, video, and in-person interpretation, translation of written materials like evacuation instructions etc. for public safety, healthcare, and other sectors; *Effectiff* interpreting and language access services, including, in addition to the above, American Sign Language interpretation; *Respond Crisis Translation*, a non-profit organization that provides translation and interpretation services during crises, etc.

Emergency language services, including language management and crisis communication strategies—constitute an interdisciplinary domain within sociolinguistics. Despite their evident significance, emergency language services remain underrepresented in academic research, including within American sociolinguistics, and are discussed primarily on the websites of governmental or private translation agencies rather than in scholarly publications. Practice-based accounts from medical personnel or emergency responders are more often confined to commentaries or online forums than published in peer-reviewed journals (e.g. Saigal (2021) ‘ “Enough English” to be at risk’, in the commentary section of “The Hospitalist”).

Research on emergency language services has gained momentum only in the past decade, with the COVID-19 pandemic acting as a major catalyst for global scholarly interest. A bibliometric analysis of Web of Science core data (1988 – 2023) by Guo Xingrong et al. demonstrates a steady growth in publications, increasing from a single article in 1988 to 488 articles in 2023 [Guo et al., 2024: 4].

2.2 The case of China

Following the outbreak of the COVID-19 pandemic in 2020, scholars of language planning in China accelerated the development of emergency language services, advancing both practical initiatives and theoretical reflection. The pandemic catalyzed unprecedented measures in this field, shaped by the specific features of China’s language situation.

The importance of providing linguistic support during emergencies such as the COVID-19 pandemic becomes evident when considering China’s sociolinguistic realities. Despite the

²¹ The Illinois Department of Public Health Language Assistance Services webpage <https://dph.illinois.gov/about/language-assistance-services.html> Access date: 20.11.2025.

nationwide promotion of Standard Mandarin (Putonghua), many elderly individuals in their seventies, eighties, and older possess limited spoken proficiency, even though they may understand Mandarin aurally. Furthermore, patients with mild symptoms were accommodated in makeshift medical facilities established in stadiums and school dormitories, where heightened psychological stress frequently triggered emotional responses and a reversion to local dialects. In these contexts, dialect use functioned less as a means of information exchange and more as a tool for fostering familiarity and emotional reassurance among patients [Kaplunova, Li, 2024: 135].

This situation posed a serious challenge, particularly given that more than 40,000 doctors and nurses from across the country were deployed to Wuhan during the pandemic. As a result, the Shandong medical team stationed in Wuhan was compelled to compile its own manual in the Wuhan dialect (a variety of the Wu dialect group) due to difficulties in communicating with local patients.

With the support of the State Language Commission under the Ministry of Education of the People's Republic of China, leading scholars in Chinese sociolinguistics and language policy—Professor Li Yuming (Beijing Language and Culture University, Center for Innovation of Language Resources) and Professor Zhao Shiju (Wuhan University, National Institute of Chinese Language Matters and Social Development)—established the “Language Service Corps for Combating COVID.” This initiative led to the formation of five functional groups: (1) a team responsible for text development and volunteer recruitment; (2) a team tasked with compiling a corpus of voice recordings and maintaining the WeChat platform; (3) a technical team overseeing video production and providing round-the-clock, dialect-based online support; (4) a content verification team; and (5) an outreach and reporting team.

Within the framework of this project, 156 lexical items and 75 standardized Mandarin sentences were selected and translated into nine dialects of Hubei Province, including the Wuhan dialect. In addition, a 24-hour dialect support service was launched, specialized webpages and an updated WeChat interface were deployed, a pocket reference guide was published, and short instructional videos on preventive measures were produced [Kaplunova, Li, 2024: 135].

Besides, within an exceptionally short timeframe, a series of products were developed: *the Hubei Dialect Guide for Combating the Pandemic*, *the Foreign Language Guide for Epidemic Prevention and Control*, and *the Guide in Simple Chinese for Epidemic Prevention and Control*, which constituted the first large-scale, organised, informative, and highly effective practice of emergency language service in contemporary China, holding significant importance in national development, disciplinary construction, and perhaps even the history of global emergency language service [Li et al., 2020].

Following the stabilization of the epidemic situation and the easing of lockdown measures, Beijing Language and Culture University developed a multilingual COVID-19 prevention and control guide (including Russian, English, German, French, Vietnamese, Korean, and Mongolian), based on official materials issued by the National Health Commission of China. Earlier in the outbreak, Beijing Language and Culture University, in collaboration with Peking University, produced a simplified Chinese communicative toolkit for foreign learners at approximately HSK-4 proficiency level, which was officially released by the Ministry of Education of China on March 12, 2020 [*A Guide to the Prevention and Control of COVID-19 Epidemic in Foreign Languages —Protection Measures*].

Emergency language services have received sustained attention within Chinese academic research base. As Wang Fei observes in his overview of Chinese sociolinguistic research, “while language policy and planning have evolved over the past thirty years, emergency language services only gained academic attention in the early twenty-first century” [Wang, 2023: 1956]. Notably, Chinese language-planning scholars articulated the concept of *emergency language* well before the COVID-19 pandemic. Li Yuming, the key figure in the Chinese language policy academic research, for example, addressed the notion as early as 2011, defining it as language required for disaster relief, counter-terrorism, peacekeeping, and other urgent contexts, and emphasizing its strategic importance. In 2015, Zhao Shiju further positioned emergency language services as a core component of governmental emergency response capacity and management, thereby consolidating its institutional status [Xiao & Zhang, 2022]. Moreover, emergency language services were incorporated into Chinese government development plans at an early stage. For instance, the “*National Outline for the Medium- and Long-Term Reform and Development of Language and Script Affairs (2012 – 2020)*” issued by the Ministry of Education and the State Language Commission in 2012 proposed:

“Establish national mechanisms for emergency language service and assistance. In accordance with national strategic requirements, formulate key language policies for dealing with international affairs and emergencies, and develop a national resource pool of multilingual personnel. <...> Promote the establishment of recruitment and reserve mechanisms for emergency and domain-specific language professionals and provide emergency language service under unexpected circumstances.” [National Outline 2012].

The “*13th Five-Year Plan for the Development of National Language and Script Affairs*”, released in 2017, reiterated the need to accelerate the training of emergency language personnel with specialized domain knowledge, “to provide language service for major international events and disaster relief operations, thereby enhancing emergency language response and assistance capabilities” [13th Five-Year Plan 2017].

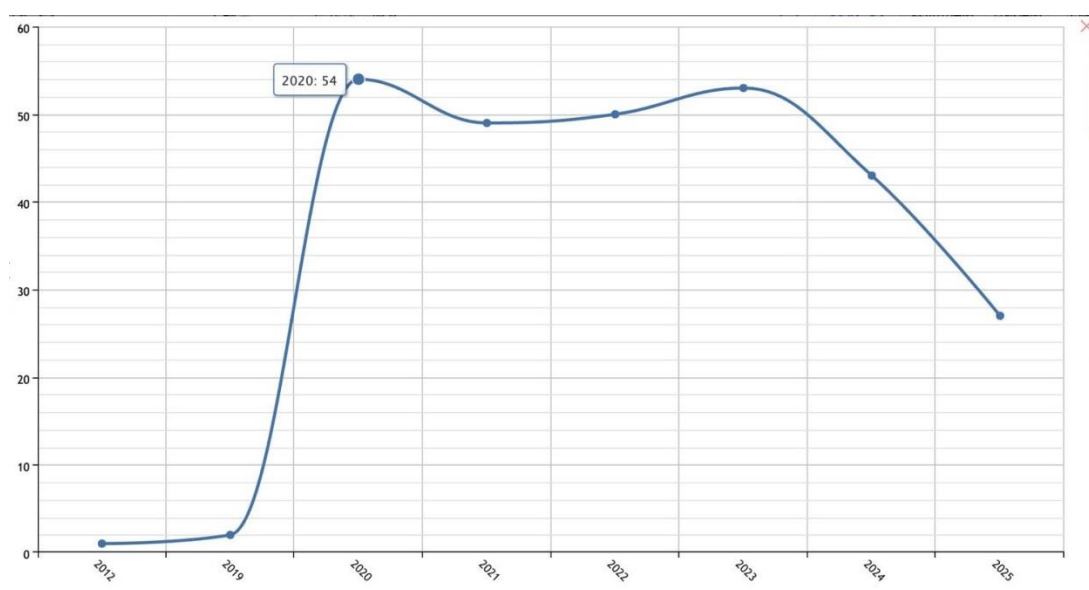
Following the outbreak of the COVID-19 pandemic in 2020, Chinese language-planning scholars rapidly advanced research on emergency language services. Studies addressed a wide range of issues—including international emergency language practices, terminology, language products and technologies, personnel training, and emergency discourse—contributing to the formation of a relatively systematic disciplinary framework and research paradigm [Xiao & Zhang, 2022].

During the 76-day lockdown in Wuhan, Chinese sociolinguists coordinated the special issue *The Language Situation in China During the Fight Against COVID-19* and participated in an emergency research project jointly initiated by Beijing Language and Culture University and partner institutions, laying the groundwork for institutionalized emergency language services. The special issue examined key themes such as linguistic challenges in epidemic prevention and control, contributions of the linguistic community, foreign-language and sign-language services, government discourse aimed at mitigating public anxiety, and pandemic-related lexical innovation.

Bibliometric analysis of publications indexed in the China National Knowledge Infrastructure (CNKI) from 2012 to 2025 (see Fig. 1) reveals a parallel trend: a sharp increase during the COVID-19 period, followed by stabilization and a gradual decline in publication output.

Figure 1.

**Bibliometric analysis of publications on emergency language services indexed in CNKI
(2012 – 2025)**

2.3 The case of Russia

Russia's linguistic situation is likewise characterized by substantial diversity. While the majority of the population (91.3%, according to the 2020 All-Russian Population Census) speaks

Russian, enabling nationwide communication, the census also records 277 languages spoken across the country, including the state languages of the republics and other languages with official status. This diversity underscores the need to consider the linguistic rights of different language communities, particularly in crisis communication contexts.

In the Russian-speaking context, the term *emergency language services* initially referred not to crisis-related medical or humanitarian communication, but to urgent assistance with Russian orthography and punctuation. This interpretation is exemplified by the *Emergency Linguistic Assistance* program established in 2008 at Omsk State Pedagogical University, an international information and educational initiative that originally operated via telephone and ICQ before transitioning to online platforms.

In contemporary Russia, access to emergency language services is primarily provided through the unified emergency number 112, which connects callers to multilingual operators capable of dispatching appropriate emergency services. The 112 Language Support Service, established in 2019, was designed to handle emergency calls in foreign languages. By 2023, its operators provided assistance in more than 18 languages, including English, Spanish, German, and French, as well as languages of the CIS and several languages of the peoples of Russia, such as Tatar, Yakut, and Ossetian [Moscow City Services Complex]. Operators receive specialized training to recognize diverse accents and language-specific features, enabling effective support for non-Russian-speaking callers. However, these linguistic services remain largely concentrated in major urban centers, particularly Moscow, which functions as a hub for linguistic and cultural diversity.

Research on emergency language services within Russian academia remains at an early stage. Owing to divergent interpretations of the term emergency language services in Russian discourse—often associated with orthographic guidance and language “correctness”—systematic bibliometric analysis is currently difficult, as many publications address normative language issues rather than crisis communication. Research aligned with the understanding adopted in this article has emerged only in the past five years, largely in connection with advances in artificial intelligence. For instance, the application of large language model – based chat assistants is discussed in the 2024 textbook *Information Technologies for Decision Support in Emergencies* (Babenyshev, 2024), while the use of voice assistants for automating emergency calls is examined by Belkina et al. (2025).

3 | Recent Developments in China's Emergency Language Service: AI-empowered emergency language service

The Chinese-Burmese-English translation system

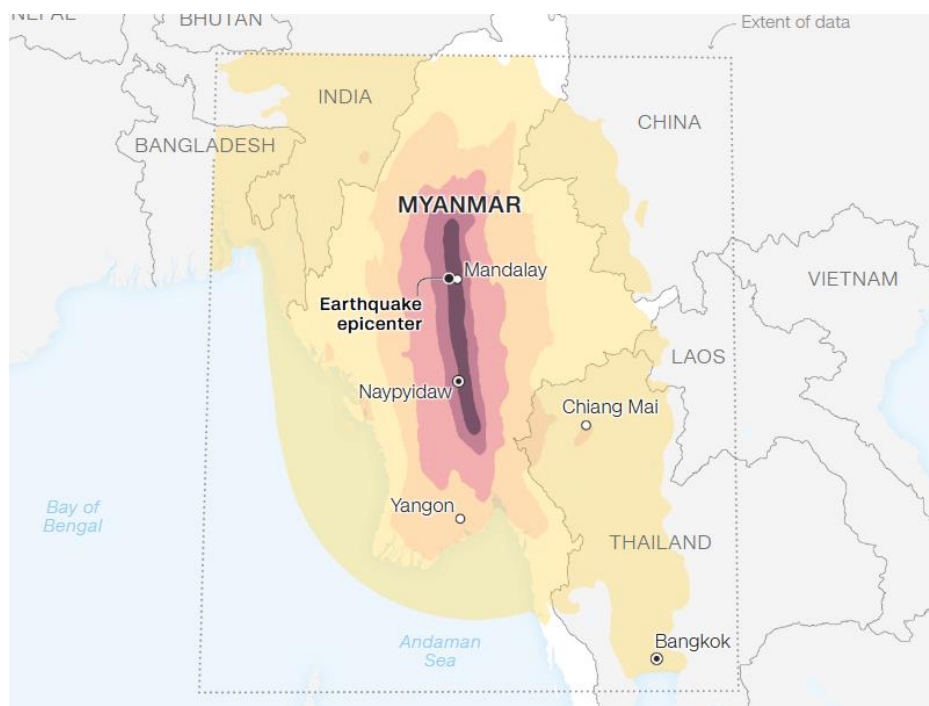
With the successful commercial deployment of China's home-made large language models “Deepseek”, language planning scholars in China have begun exploring the application of artificial intelligence technologies to emergency language service. The Chinese-Burmese-English translation system deployed and utilised during the Myanmar earthquake relief between March and April 2025 stands as a landmark case demonstrating the capabilities of providing *external* emergency language service.

On March 28 a 7.9-magnitude earthquake hit the Sagaing Region of Myanmar (See Fig.2), causing heavy casualties and property losses. Several Chinese rescue teams were swiftly dispatched. By 7:00 am on March 29, just 18 hours after the earthquake, a 37-member rescue and medical team had already arrived in Yangon, becoming the first international rescue team to reach Myanmar. Meanwhile, with the help of Chinese large language model “Deepseek”, a Burmese-Chinese-English translation program had been developed within seven hours by a team lead by Beijing Language and Culture University, which was soon deployed to Chinese rescue teams in Myanmar via China's Ministry of Emergency Management, reaching over 700 on-site users by 29 March. The programme effectively assisted the Chinese rescue team in overcoming language barriers, enabling the effective execution of international rescue operations and was highly appreciated by the Chinese Ambassador to Myanmar [Secretariat for Scientific Research of the State Language Commission, 2025].

Figure 2.

United States Geological Survey, Data as of March 29, 2025 at 2:45 a.m.

Source: “March 28, 2025: Magnitude 7.7 earthquake in Myanmar”, CNN (Access date: 20.11.2025).

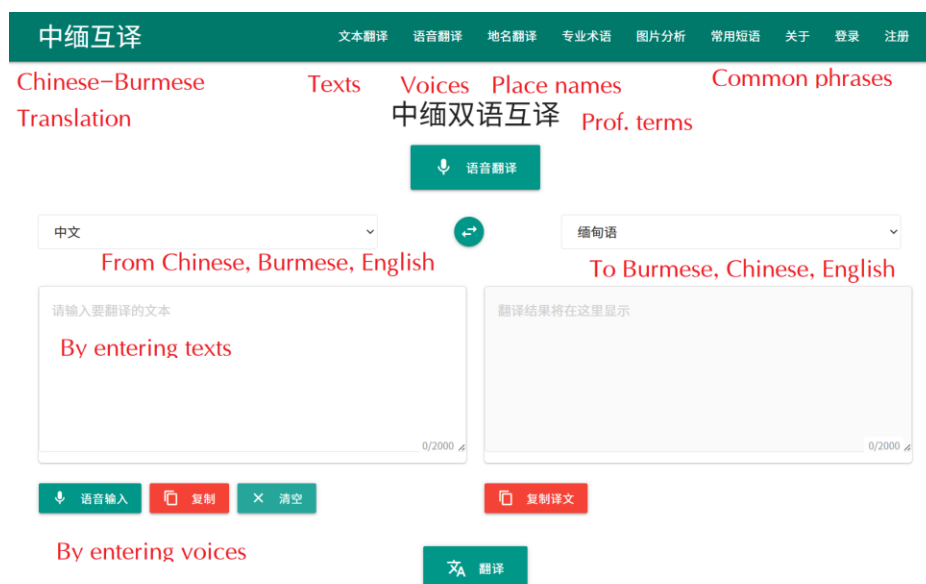
The translation system is a website (the address is <https://miandianinfo.com/>) developed using the automated code generation tool Cursor (based on DeepSeek V3). Its frontend employs Material Design, JavaScript, and Ajax, while the backend utilises PHP and MySQL. through APIs (Application Programming Interface), it integrates services including the DeepSeek translation engine, Google Maps, iFlytek speech recognition, and SpeechGen TTS voice synthesis, forming the following four principal modules:

- A Burmese-Chinese-English translation in three directions, with the capability of voice recognizing, as shown in Fig.3;

Figure 3.

Myanmar Chinese Translation <https://miandianinfo.com/> :

a Burmese-Chinese-English trilingual glossary

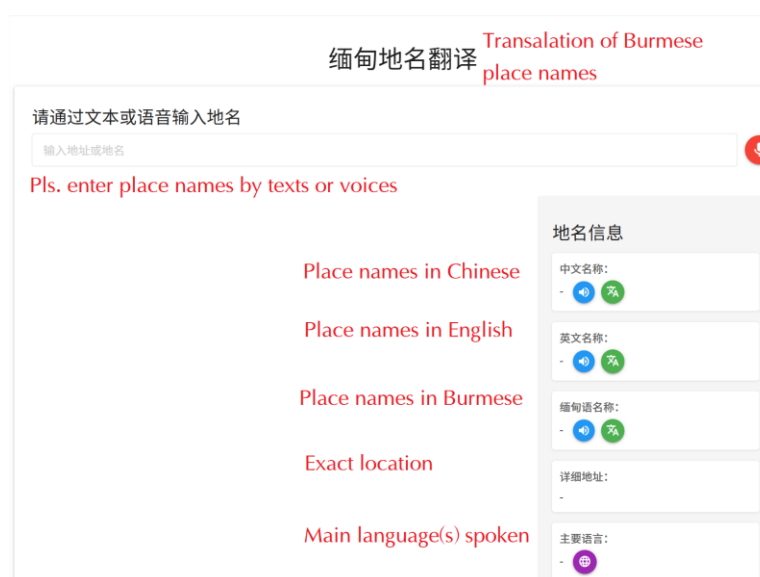
The screenshot shows the homepage of the Myanmar Chinese Translation website. The header is green with the title '中緬互译' (Myanmar Chinese Translation) and navigation links: 文本翻译 (Text Translation), 语音翻译 (Voice Translation), 地名翻译 (Place Names Translation), 专业术语 (Professional Terms), 图片分析 (Image Analysis), 常用短语 (Common Phrases), 关于 (About), 登录 (Login), and 注册 (Register). Below the header, there are tabs for 'Chinese-Burmese Translation', 'Texts', 'Voices', 'Place names', and 'Common phrases'. The main content area has two input fields: '中文' (Chinese) and '缅甸语' (Burmese). The Chinese input field has a dropdown menu with 'From Chinese, Burmese, English' and a text area with the prompt '请输入要翻译的文本' (Please enter the text to be translated). The Burmese input field has a dropdown menu with 'To Burmese, Chinese, English' and a text area with the prompt '翻译结果将在这里显示' (The translation result will be displayed here). There are buttons for '语音输入' (Voice Input), '复制' (Copy), '清空' (Clear), and '复制译文' (Copy Translation). A '翻译' (Translate) button is at the bottom.

- An information system for Burmese place names, which can provide translation and geological information for Burmese place names helpful in the rescue operations, as shown in Fig.4;

Figure 4.

Myanmar Chinese Translation <https://miandianinfo.com/> :

Burmese place names translation

The screenshot shows the '缅甸地名翻译' (Burmese Place Names Translation) section of the website. The title is '缅甸地名翻译' (Burmese Place Names Translation) with a subtitle 'Translation of Burmese place names'. The main input area has a text box with the prompt '请输入地址或地名' (Please enter the address or place name) and a microphone icon. Below the input area, there are five tabs: 'Place names in Chinese', 'Place names in English', 'Place names in Burmese', 'Exact location', and 'Main language(s) spoken'. On the right side, there is a '地名信息' (Place Name Information) panel with fields for '中文名称' (Chinese Name), '英文名称' (English Name), '缅甸语名称' (Burmese Name), '详细地址' (Detailed Address), and '主要语言' (Main Language). Each field has a dropdown menu and a microphone icon.

• A trilingual glossary for technical terms in various domains, including professional technology, medical emergency, logistical support, safety control, search and rescue technology, rescue operations, process management, special scenarios, organizations, specific disasters in Myanmar, equipment and devices, and so on, as shown in Fig.4;

Figure 4.

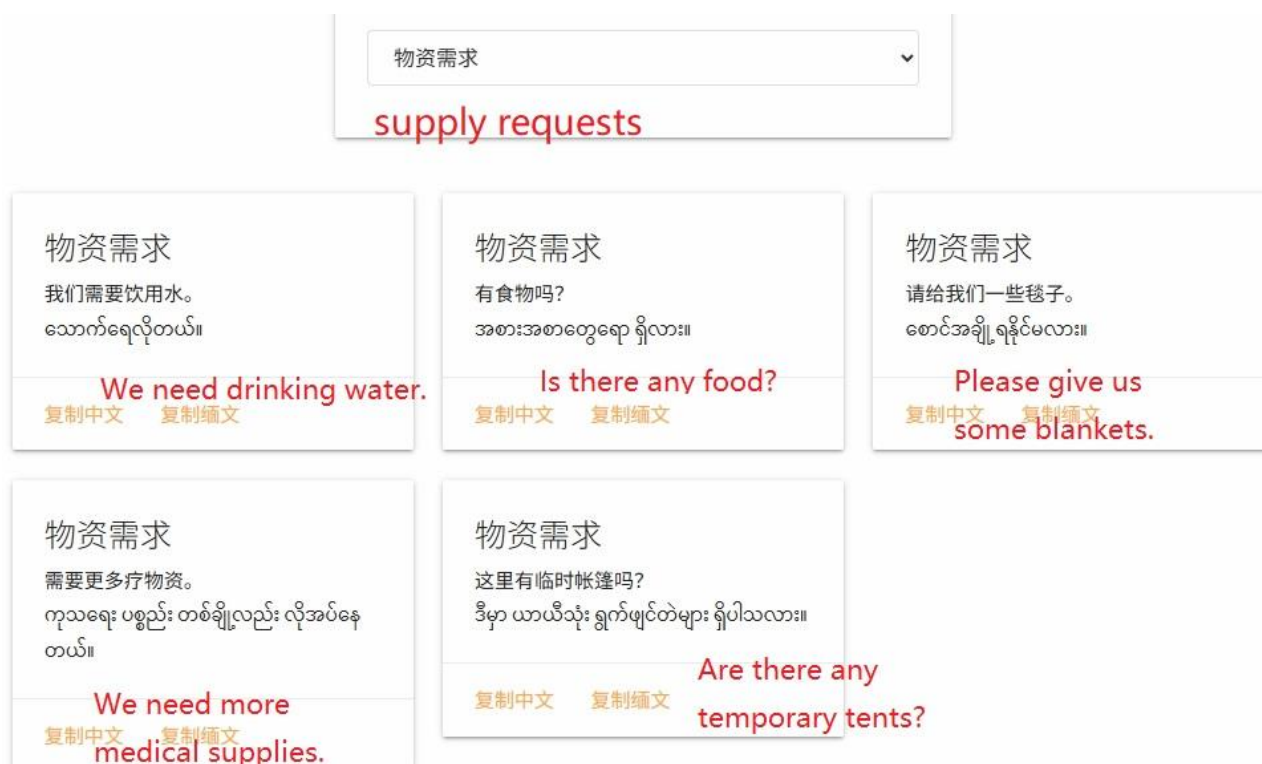
**Myanmar Chinese Translation <https://miandianinfo.com/> :
a tri-lingual technical glossary**

序号	中文术语	英文术语	缅文术语	分类
No.	Chinese	English	Burmese	Domain
1	3D建模	3D Modeling	3D ဂုံစံဖန်တီးခြင်း	专业 技术 类 professional technology
2	临时住所	Temporary Shelter	ယာယီနေထိုင်ရာ	后勤 保障 类 logistical support
3	临时支护	Temporary Support	ယာယီအကာအကွယ်ပြုခြင်း	救援 行动 类 rescue operations safety control
4	临时照明 布控	Temporary Lighting Deployment	ယာယီအလင်းပေးရေး အစီအစဉ်	安全 管控 类

• A collection of common phrases in six categories, including coordination and guidance, basic communication, comfort and encouragement, gratitude and farewells, supply requests and information enquiries, as shown in Fig.6 (in the category of “supply requests”).

Figure 6.

Myanmar Chinese Translation <https://miandianinfo.com/>: supply requests

On-site deployment during disaster relief operations has validated the reliability of China's domestically developed large language model “Deepseek”. While Burmese is classified as a less common foreign language in China, with limited proficiency beyond border regions adjacent to Myanmar, Deepseek's translation engine can provide reasonably accurate Chinese and English translations for basic Burmese phrases, sufficient for disaster relief scenarios. Moreover, Deepseek can also enable rapid deployments of programming tools, making the establishment of a translation website feasible within a very short timeframe. All this will make AI-empowered emergency language service the new trend for future development.

Construction of large-scale data for low-resource languages

The significance of linguistic data for artificial intelligence is self-evident. The greater the quantity and quality of linguistic data is, the higher the efficiency and quality of machine learning and machine translation will be. Less common languages such as Burmese are often categorised as low-resource languages in the field of Natural Language Processing (NLP). China is currently making efforts to construct large-scale datasets for such low-resource languages, particularly ethnic languages spoken in China, encompassing four primary tasks [Fan & Mu, 2023]:

- *establishing large-scale wordsets*

A wordset with 16,000 entries represents the minimum threshold currently employed by neural machine translation systems. From the perspective of NLP and lexicometrics, at least 30,000 entries should be included in constructing large-scale wordsets for low-resource languages, with conventional sizes reaching 50,000 to 60,000 entries. Among the pressing challenges is the need to generate large volumes of vocabulary representing contemporary knowledge.

- *establishing large-scale knowledge repositories*

Knowledge repositories assist computers in understanding natural language and performing reasoning. They should encompass two aspects: linguistic ontology knowledge such as lexical, syntactic and semantic information, and social and environmental knowledge covering production and daily life, social relations, natural environments, and folk culture. As one of the fundamental datasets, a knowledge repository should typically contain over 10,000 entries.

- *establishing large-scale sentence sets*

High-quality machine translation systems use millions of sentences for training. Although certain algorithms can moderately reduce the size of sentence sets for low-resource languages, 30,000 to 40,000 sentences remain a basic requirement, with 80,000 or 100,000 sentences being more ideal.

- *digitising the corpora*

Digitising corpora involves converting collected and transcribed audio and textual materials into structured data with fixed formats and standardised tags or markings to enable direct processing by computers. Due to differences in written scripts, optical character recognition rates for many low-resource ethnic languages in China remain low, requiring extensive manual proofreading.

In January 2025, a joint initiative entitled “Guidelines on Strengthening Digital Chinese Development and Promoting the Informatisation of Language and Script” was issued by China's Ministry of Education, the State Language Commission, and the Central Office for Cyberspace Affairs. It explicitly sets targets that by 2027, the National Language and Script Big Data Centre shall be substantially established, with preliminary completion of the National Key Corpora and the National Resource and Information Repository for Strategic Languages. These projects are expected to continue fostering the development of China's emergency language service towards greater digitalisation and intelligence.

4 | Conclusion

Thus, an emergency language service is a kind of response to the needs of the language community. On the other hand, the active development of such a service is possible and necessary

only under certain conditions, such as the emergence of a multilingual language environment. In any case, in a metropolitan environment, such services are always relevant and should be part of emergency management and language policy aimed at realizing citizens' rights to use their mother tongue, which is especially important during a crisis communication. In this sense, successful global experience, particularly that of China, which has developed rapidly in recent years amid the advancement of AI, is an important resource for all multiethnic countries and places of tourist attractions. At the same time, recent publication trends indicate growing attention to emergency language services within the American scholarly community. Nevertheless, the topic remains peripheral to mainstream research and is often confined to commentary sections of medical journals. In Russian academic discourse, this field is only beginning to emerge, appearing sporadically in studies related to artificial intelligence. In contrast, practical implementation has already advanced, with emergency language services incorporated into contemporary language policy both in Russia and the USA. Furthermore, the next step in the development of this sector will be pre-emergency planning and application scenarios, which will ultimately help alleviate many problems associated with the language barrier in multilingual communities.

REFERENCES

- A Guide to the Prevention and Control of COVID-19 Epidemic in Foreign Languages – Daily Precautions (2020) Beijing Language and Culture University Online Language Resource Center. Available at: <http://yuyan ziyuan.blcu.edu.cn/en/info/1065/2105.htm> (Accessed: 12 October 2025) (In Chinese).
- Babenyshev, S.V. and Materov, E.N. (2024) *Information technologies for decision support in emergency situations*. Zheleznogorsk: Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education Siberian Fire and Rescue Academy of the State Fire Service of the Ministry of Emergency Situations of Russia. 145 pp. (In Russian).
- Belkina, I.V., Sotnikova, D.Yu. and Yatsenko, Yu.N. (2025) Possibilities of using voice assistants to automate the process of calling emergency assistance. *Nauchnyj al'manakh [Scientific Almanac]*, 2–4(124), pp. 91–94. (In Russian).
- Fan, J. and Mu, H. (2023) Large-scale data construction of low-resource languages in China and the data-oriented turn in linguistic fieldwork. *Journal of Yunnan Normal University (Humanities and Social Sciences Edition)*, 6, pp. 25–35. (In Chinese).
- Guo, X., Xiao, D. and Guo, Y. (2024) From crisis to opportunity: advancements in emergency language services. *Humanities and Social Sciences Communications*, 11, p. 1170. <https://doi.org/10.1057/s41599-024-03698-8>
- Kaplunova, M.Ya. and Li, J. (2024) The thirty-third meeting of the analytical discussion club on language policy ‘Modern language policy in China: Key directions and research centers’ (Moscow, Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences, 18 January, 2024). *Sociolingvistika [Sociolinguistics]*, 2(18), pp. 128–140. <https://doi.org/10.37892/2713-2951-2-18-128-140> (In Russian).
- Li, Y., Zhao, S. and He, L. (2020) The practice of and reflections on ‘Epidemic Language Service Corps’. *Chinese Journal of Language Policy and Planning*, 3, pp. 23–30. (In Chinese).

- CNN (2025) March 28, 2025: Magnitude 7.7 earthquake in Myanmar. Available at: <https://edition.cnn.com/world/live-news/myanmar-thailand-earthquake-03-28-25-intl-hnk> (Accessed: 20 November 2025).
- Ministry of Education and the State Language Commission of the PRC (2012) *National Outline for the Medium- and Long-Term Reform and Development of Language and Script Affairs (2012–2020)*. (In Chinese).
- Ministry of Education of the PRC (2017) *13th Five-Year Plan for the Development of National Language and Script Affairs*. (In Chinese).
- Moscow City Services Complex website. Available at: <https://kgh.moscow/projects/kak-rabotaet-moskovskaya-sistema-112> (Accessed: 20 November 2025) (In Russian).
- Myanmar Chinese Translation website. Available at: <https://miandianinfo.com/> (Accessed: 20 November 2025).
- National Language Service Corps website. Available at: <https://nlscorps.org/about#History> (Accessed: 20 November 2025).
- Saigal, T. (2021) 'Enough English' to be at risk. *The Hospitalist*. Available at: <https://www.the-hospitalist.org/hospitalist/article/242861/diversity-medicine/enough-english-be-risk/> (Accessed: 20 November 2025).
- Secretariat for Scientific Research of the State Language Commission (2025) A Language Empowerment Project selected for 2025 World Artificial Intelligence Conference case collection, 5 August. (In Chinese).
- The 2020 Russian Census (2020) Federal Agency for Nationalities Affairs of Russia. Available at: <https://fadn.gov.ru/otkritoe-agenstvo/vserossijskaya-perepis-naseleniya-2020/> (Accessed: 20 November 2025) (In Russian).
- U.S. Census Bureau (2025) *The American Community Survey. Detailed Languages Spoken at Home and Ability to Speak English for the Population 5 Years and Over: 2017–2021*. Available at: <https://www.census.gov/data/tables/time-series/demo/language-use/2017-2021-lang-tables.html> (Accessed: 20 November 2025).
- Wang, F. (2023) Practice and enlightenment of American emergency language service. *Modern Linguistics*, 11(5), pp. 1956–1961. <https://doi.org/10.12677/ML.2023.115265> (In Chinese).
- Xiao, J. and Zhang, Y. (2022) Two decades of emergency language research in China: retrospect and prospect. *Chinese Journal of Language Policy and Planning*, 2, pp. 62–73. (In Chinese).
- Yao, C. (2022) A review of emergency language service from an intercultural perspective. *International Journal of Education and Humanities*, 3(2), pp. 15–18. <https://doi.org/10.54097/ijeh.v3i2.598>

Каплунова Мария Яковлевна – кандидат филологических наук, старший научный сотрудник Научно-исследовательского центра по национально-языковым отношениям Института языкознания РАН.

Адрес: 125009, Россия, г. Москва, Б. Кисловский пер., 1/1.

Эл. адрес: maria.kaplunova@iling-ran.ru

<https://orcid.org/0000-0002-1481-0624>

Ли Цзя – Ph.D., старший научный сотрудник национального научно-исследовательского центра по вопросам языковой ситуации и социального развития в Китае, старший преподаватель факультета китайского языка и литературы, Уханьский университет.

Адрес: 430072, факультет китайского языка и литературы, Уханьский университет, Ухань, Китай.

Эл. адрес: leechia@whu.edu.cn

<https://orcid.org/0009-0001-0675-3156>

Maria Ya. Kaplunova – Candidate of Philological Sciences, senior researcher at the Research Center on Ethnic and Language Relations of the Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences. Address: B. Kislovsky lane 1/1, Moscow, Russia, 125009.

Email: maria.kaplunova@iling-ran.ru

<https://orcid.org/0000-0002-1481-0624>

LI Jia – Ph.D., Senior researcher of the National Institute of Chinese Language Matters and Social Development, Senior Lecturer of the College of Chinese Language and Literature, Wuhan University. Address: College of Chinese Language and Literature, Wuhan University, Wuhan, China, 430072.

E-mail: leechia@whu.edu.cn

<https://orcid.org/0009-0001-0675-3156>

Для цитирования: *Каплунова М.Я., Ли Цзя Экстренная языковая служба в многоязычных странах // Социолингвистика. 2025. № 4 (24). С. 160–177. DOI: 10.37892/2713-2951-4-24-160-177*

For citation: *Kaplunova M. Ya., Li Jia Emergency language service in multilingual countries // Sociolinguistika. 2025. No. 4 (24). Pp. 160–177. DOI: 10.37892/2713-2951-4-24-160-177*

Заявление о конфликте интересов | Conflict of interest statement

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

The authors declare no conflicts of interests.

The article was submitted 07.03.2025;
approved after reviewing 10.12.2025;
accepted for publication 27.12.2025.

Трибуна молодого ученого

YOUNG SCHOLAR'S ENDEAVOURS

<https://doi.org/10.37892/2713-2951-4-24-178-193>

МОЛОДЕЖЬ САХА (ЯКУТЫ) В УСЛОВИЯХ ЯЗЫКОВОГО СДВИГА

УДК 81.27

Роза А. Данилова

Институт языкознания РАН,

Российская Федерация

Аннотация

В статье анализируется функциональное развитие якутского языка в условиях языкового сдвига в полиэтничном городе Якутске и моноэтническом Усть-Алданском улусе Республики Саха (Якутия). В основе анализа социолингвистическое исследование, проведенное среди молодежи саха (якутов) в 2021–2023 гг. Динамика языкового сдвига в молодежной среде является индикатором устойчивости функций языка.

Якутский язык является основным этническим маркером идентичности для молодежи саха (якутов), играя роль этнического символа. В моноэтнических районах РС(Я) среди молодежи саха (якутов) наблюдается высокий уровень языковой компетенции на родном языке, который способствует высокой символической мощности языка. В полиэтничных районах наблюдается противоположная ситуация – при высокой символической мощности якутского языка как символического маркера идентичности у молодежи саха (якутов), наблюдается сужение сфер функционирования якутского языка, и, соответственно, снижение языковой компетенции.

Молодёжь саха (якуты) являются билингвами, однако, наблюдается снижение активного владения якутским языком в городской среде, что обусловлено доминированием русского языка в сфере образования и медиапространстве. Русский язык воспринимается как язык социальной мобильности. Интерференция в речи молодежи саха (якутов) обусловлена функциональным доминированием русского языка, снижением языковой компетенции в урбанизированной среде, что делает её естественным проявлением контактного двуязычия в Якутии.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: якутский язык, русский язык, языковой сдвиг, типы говорящих, функциональная дистрибуция интерференция, молодежь саха (якуты), Республика Саха (Якутия)

Статья опубликована на условиях Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0).

© Роза А. Данилова, 2025

<https://doi.org/10.37892/2713-2951-3-23-25-41-178-193>

YOUTH OF SAKHA (YAKUTS) IN CONDITIONS OF LANGUAGE SHIFT

UDC 81'27

Roza A. Danilova

Institute of Linguistics, Russian
Academy of Sciences,

Russian Federation

Abstract

The article analyzes the functional development of the Yakut language under conditions of language shift in the multiethnic city of Yakutsk and the monoethnic Ust-Aldansky ulus of the Republic of Sakha (Yakutia). The analysis is based on a sociolinguistic study conducted among Sakha (Yakuts) youth in 2021–2023. The dynamics of language shift in the youth environment serve as an indicator of the sustainability of language functions.

The Yakut language functions as the primary ethnic marker of identity for Sakha (Yakuts) youth, playing the role of an ethnic symbol. In monoethnic areas of the Republic of Sakha (Yakutia), Sakha (Yakuts) youth demonstrate a high level of competence in their native language, which contributes to the high symbolic power of the language. In contrast, in multiethnic areas, despite the high symbolic power of the Yakut language as a marker of identity among Sakha (Yakuts) youth, a narrowing of its functional domains is observed, leading to a decline in language competence.

Sakha (Yakut) youth are bilingual; however, a decrease in active proficiency in the Yakut language is evident in urban environments due to the dominance of the Russian language in education and the media space. Russian is perceived as the language of social mobility. Speech interference among Sakha (Yakut) youth is обусловлена the functional dominance of Russian and reduced Yakut language competence in urbanized contexts, making it a natural manifestation of contact bilingualism in Yakutia.

KEYWORDS: The Yakut language, Russian language, language shift, types of speakers, functional distribution interference, Sakha (Yakuts) youth, Republic of Sakha (Yakutia)

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0).

© Roza A. Danilova, 2025

1 | Введение

Социальные изменения влияют не только на социокультурный облик языковых сообществ, но и определяют вопросы функционирования, сохранения, развития и передачи языков, что особенно важно в условиях урбанизации и глобализации. В условиях языковой конкуренции, активной урбанизации происходит постепенный языковой сдвиг. Как отмечают исследователи, почти все языки России, кроме русского языка, находятся на разной стадии языкового сдвига. Наблюдается переход молодого поколения на доминирующие языки, что ведет к сужению сфер использования этнических языков. Они сохраняют свои функции преимущественно в семейно-бытовом общении, в сфере образования, профессиональной деятельности, в цифровом пространстве в основном превалируют доминирующие языки. Это ведет к пассивному двуязычию: молодежь понимает родную речь, но свободно языком не владеет, что ведет к прерыванию межпоколенной передачи языка, снижает его престиж, ставит под угрозу существование языкового и этнокультурного разнообразия в мире.

В российском законодательстве возрастная граница, определяющая категорию «молодежь», в настоящее время установлена в пределах от 14 до 35 лет [Федеральный закон «О молодежной политике в Российской Федерации» от 30.12.2020 № 489-ФЗ]. Такой подход закреплен в ключевых нормативных актах: Федеральном законе от 28.12.2013 № 426-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам государственной молодежной политики», а также Стратегии государственной молодежной политики в Российской Федерации на 2021–2030 годы.

Расширение верхней возрастной границы до 35 лет обусловлено объективными социально-демографическими изменениями: повышением продолжительности периода профессиональной активности, сохранением репродуктивного потенциала в более зрелом возрасте, а также увеличением продолжительности и качества жизни. Возрастная когорта 16–35 лет охватывает разнородные социальные группы: несовершеннолетних и совершеннолетних, учащихся школ, колледжей, вузов, молодых специалистов, а также представителей молодых семей [Семейный кодекс Российской Федерации от 29.12.1995 № 223-ФЗ]. Именно в этот период происходит активная миграция, в частности из сельской местности в города по образовательным и трудовым мотивам, что отражает общероссийскую тенденцию урбанизации. Языковой сдвиг понимается как процесс утраты этносом этнического языка [Словарь социолингвистических терминов, 2006: 276–277].

В статье анализируется языковая ситуация среди молодежи саха (якутов), наиболее динамичной социальной группы якутской общности Республики Саха (Якутия). В условиях урбанизации якутская молодежь сталкивается с наибольшим влиянием языковых и внешних социальных факторов. Анализ языковых практик молодежи саха (якутов) в возрасте 16–35 лет выступает важным индикатором социокультурных трансформаций в условиях межэтнического взаимодействия и языкового сдвига. Хотя отдельные аспекты, связанные с якутской молодежью, освещались в предыдущих работах, наше исследование является одним из первых, в котором молодёжь саха (якуты) рассматривается как самостоятельный объект целенаправленного научного анализа в условиях языкового сдвига.

2 | Материалы и методы исследования

Исследование строится на материале социолингвистических обследований 2021–2023 гг., проведенных в рамках научного проекта «Сохранение языкового и культурного многообразия и устойчивого развития Арктики и Субарктики Российской Федерации» (рук. Н.И. Иванова), выполненного на базе международной научно-исследовательской лаборатории «Лингвистическая экология Арктики» СВФУ им. М.К. Аммосова. Выборка включила 336 представителей молодежи саха (якутов), 209 респондентов из полиэтнического города Якутска и 127 – из моноэтнического якутоязычного Усть-Алданского улуса.

Проведено социолингвистическое обследование, включавшее анкетирование, направленное на сбор данных о языковом и социальном опыте носителей языка. Анкеты включали разнообразные типы вопросов, как закрытые с заранее определенными вариантами ответов, так и открытые, позволявшие респондентам свободно формулировать свои ответы. Для повышения точности и полноты получаемой информации применялась методика с использованием различных шкал оценки, что обеспечивало комплексное изучение языковых практик и социальных характеристик участников исследования. На первом этапе осуществлялся описательный анализ с вычислением основных показателей: средних значений, медианы, стандартного отклонения и других характеристик распределения, – что позволило получить общее представление о распределении языковых и социальных переменных.

3 | Функциональная дистрибуция языков в Республике Саха (Якутия)

Республика Саха (Якутия) (далее – РС (Я)) – субъект Российской Федерации с уникальным этнокультурным и языковым многообразием. По данным Всероссийской переписи населения – 2020 [далее ВПН–2020] население Якутии составляет 995 686 чел.

[ВПН–2020]. Титульный этнос республики якуты составляют 466 492 чел., в том числе русские – 353 649 чел. и представители коренных малочисленных народов Севера: эвены – 15 071 чел., эвенки – 21 008 чел., долганы – 1906 чел., юкагиры – 1281 чел., чукчи – 670 чел. [ВПН–2020].

Для Якутии характерны разные типы билингвизма. Подавляющее большинство якутского населения владеет как русским, так и якутским языками, что обусловлено историческими и социально-экономическими факторами. Билингвизм в республике поддерживается государственной политикой, направленной на сохранение языкового многообразия.

Русский язык в РС (Я) доминирует в официальной сфере и делопроизводстве: все нормативные акты, законы и официальная корреспонденция в органах власти изначально составляются на русском языке (с последующим переводом на якутский при необходимости), который также выступает основным языком образования на всех уровнях – от дошкольных учреждений до вузов, включая большинство учебников и методических материалов, при этом якутский язык сохраняется как обязательный учебный предмет в школах республики. Якутский язык функционально уступает в официальных сферах, но его функционирование расширяется в неформальных сферах коммуникации вследствие урбанизации и миграции якутоязычного сельского населения в города [Иванова, 2019: 185]. Усилилась государственная поддержка якутского языка в рамках языковой политики региона: расширилось его преподавание, увеличилось присутствие в СМИ и цифровой среде, – что отражает общую тенденцию к укреплению двуязычия при сохранении якутского как маркера этнической идентичности. Сегодня якутский язык активно используется в местных органах власти, образовании, культуре и бытовом общении, продолжает оставаться важным средством общения среди значительной части населения Якутии, особенно в сельских районах и среди людей старшего поколения. В сельской местности якутский язык остается основным средством повседневного общения, а также в сфере культуры, традиций и фольклора – через национальные праздники (например, Ысыах), фестивали и конкурсы, укрепляя этническую идентичность. В образовании он преподается как обязательный предмет, а в моноэтнических районах используется как язык преподавания отдельных дисциплин, хотя русский язык сохраняет доминирующее положение на всех уровнях. В местных органах власти, особенно в улусах, якутский язык применяется в общении с населением и может использоваться наравне с государственным русским языком в официальной документации в соответствии с республиканским законодательством. Благодаря своей динамичности и способности адаптироваться к современным условиям, якутский язык сохраняет прочные позиции в

бытовой и культурной сферах, но его внедрение в публичные и официальные сферы остается серьезной проблемой [Иванова, 2019].

Среди же молодежи саха (якутов) наблюдается тенденция к доминированию русского языка, особенно в городах. Это связано с усилением влияния урбанизации, миграционными процессами и высоким уровнем русскоязычной медиасреды. Молодежь в городах Якутии все чаще выбирает русский язык для повседневного общения. С другой стороны, в сельской местности и отдаленных районах республики якутский язык продолжает оставаться основным средством общения, а также используется в образовательных учреждениях. Важную роль в поддержке якутского языка играют культурные и образовательные программы, направленные на сохранение национальных традиций и языка среди детей и молодежи.

А.В. Денисова в исследовании языковых предпочтений молодежи Южного федерального округа (Крым, Адыгея, Калмыкия) отмечает, что в регионах РФ сложилась трехкомпонентная модель языкового поведения: русский язык выступает инструментом социального успеха и межнационального общения, родные языки сохраняют функцию этнокультурной идентификации, а иностранные языки воспринимаются как стратегический ресурс для будущей профессиональной реализации [Денисова, 2018]. Отметим, что в Якутии также утвердилась подобная модель ассиметричного двуязычия: русский язык остается языком межэтнического общения и социальной мобильности, якутский – языком культуры, идентичности и семейной коммуникации, особенно в моноэтнических улусах.

Таким образом, РС (Я) демонстрирует модель устойчивого двуязычия на фоне общероссийской тенденции к моноязычию. Несмотря на вызовы урбанизации и глобализации, якутский язык сохраняет витальность, особенно в сельской местности, в частности через сильную этнокультурную самоидентификацию. Однако сохранение языка в городской среде и среди молодежи требует системных мер – от модернизации языковой политики до развития цифрового контента и мотивационных программ.

4 | Языковая ситуация среди молодежи саха в Республике Саха (Якутия)

Численность молодежи якутов в РС (Я) в возрасте 14–35 лет составляет 86,7 тыс. чел., что является 25 % от общей численности саха (якутов) в республике [ВПН–2020]. 84,4 тыс. чел. (97 %) молодежи саха указывают якутский язык родным, однако в реальности владеют якутским 80,9 тыс. чел. (93 %) [ВПН–2020]. В городской среде доля молодых якутов, активно владеющих родным языком, в возрасте 20–24 лет снижается до 55–65 %, что свидетельствует об активном языковом сдвиге в условиях урбанизации и миграции [ВПН–2020. Т. 5]. Число

якутов, свободно владеющих русским языком, выросла с 87,1 % в 2002 г. до 89–90 % в 2023 г. [ВПН–2002; ВПН–2020]. Активный отток молодежи якутов в русскоязычные регионы РФ (свыше 15 тыс. чел. за 2010–2020 гг.), как правило, ведет к постепенному переходу на русский язык и прерыванию межпоколенной передачи языка [ВПН–2020. Т. 6]. Урбанизация сопровождается значимыми социально-демографическими и социально-культурными изменениями, несущими риски и для демографического воспроизводства якутского этноса, и для его воспроизводства как культурно-языковой общности. Общение городских жителей, особенно школьников и молодежи саха (якутов), происходит в большинстве случаев на русском языке, их языковая компетенция на якутском постепенно снижается. Хотя, как отмечают исследователи, в настоящее время эти изменения пока не проявляются в полной мере, поскольку существенная часть городского населения – это горожане в первом поколении, которые по многим значимым параметрам еще близки к сельским жителям [Ефимов и др., 2015: 133].

5 | Молодежь саха (якуты) в контексте языковой политики Республики Саха (Якутия)

В РС (Я) языковая политика играет ключевую роль в сохранении и развитии национальных языков. Правовая база, регулирующая вопросы функционирования и взаимодействия языков, основывается на Конституции Российской Федерации и Конституции Республики Саха (Якутия), а также на ряде региональных законов, которые регулируют использование языков коренных народов, включая якутский язык, и малочисленных народов Севера. Языковой политике РС (Я) характерна трехкомпонентная модель, включающая два государственных языка (русский и якутский) и пять официальных языков (эвенский, эвенкийский, долганский, юкагирский, чукотский) [Закон О языках в РС (Я), 1992].

В настоящее время динамика развития языковой политики в РС (Я) характеризуется поиском новых стратегий в условиях действия Международного десятилетия языков коренных народов мира. Языковая политика РС (Я) направлена на сохранение и развитие государственных и официальных языков республики. Ключевой задачей языковой политики Якутии является не только сохранение, но и расширение коммуникативных функций якутского языка, выход за пределы традиционных этнокультурных ниш. Современная языковая политика в РС (Я) направлена на интеграцию якутского языка в цифровую среду, развитие контента в интернете, поддержку медиапроектов и использование инновационных образовательных технологий.

Особое внимание в Якутии направлено на молодежь, которая символизирует будущее республики. В РС (Я) приняты законодательные инициативы в поддержку молодежи, разработан и принят ряд стратегических документов, направленных на формирование новой социально-экономической модели, в которой молодежь выступает ключевым субъектом развития. Основными документами являются Указ Главы Республики Саха (Якутия) А.С. Николаева от 27.04.2024 № 302 «О развитии креативной экономики Республики Саха (Якутия)» и Распоряжение Правительства Республики Саха (Якутия) от 23.07.2025 № 569-р «Об утверждении Стратегии реализации молодежной политики в Республике Саха (Якутия) на период до 2030 года».

Указ Главы РС (Я) означает переход республики от сырьевой зависимости к экономике знаний и творчества, утверждая тем самым государственную поддержку креативных индустрий (от анимации, кино, IT до национального дизайна, моды и этнотуризма) и определяет конкретные целевые ориентиры: к 2030 г. увеличить выпуск специалистов в творческих профессиях, охватить не менее 10 000 школьников программами в сфере креативных индустрий, создав в каждом муниципальном районе креативный центр. Концепция делает ставку на молодежь как основной креативный ресурс региона и предлагает инвестировать в образовательные программы (включая Парк будущих поколений в Якутске), поддержку талантливых предпринимателей и артистов, цифровизацию контента на якутском языке, продвижение якутской идентичности через глобальные культурные форматы (кино, музыка, мода и др.). Последовавшее распоряжение Правительства Республики Саха (Якутия) от 23.07.2025 № 569-р, в свою очередь, обеспечивает социально-институциональную поддержку молодежи – носителя новой культурной и экономической модели. Стратегия молодежной политики до 2030 г. закрепляет право молодых людей на участие в управлении, развитие компетенций, поддержку талантливых инициатив и укрепление гражданской идентичности – с акцентом на этнокультурное многообразие, языковое наследие и духовные ценности коренных народов. Особое внимание уделяется интеграции молодежи в креативную экономику через образование, добровольчество, молодежные советы и цифровые платформы. Таким образом, формируется единая экосистема, в которой молодежь Якутии – не просто получатель социальных услуг, а активный создатель культурного, экономического и языкового будущего региона. Для молодежи это означает расширение возможностей для самореализации через современные формы этнокультурного предпринимательства, в которых этническая идентичность, язык и традиции становятся не только объектом сохранения, но и ресурсом инноваций и дохода.

Молодежь саха (якуты) активно использует социальные сети для популяризации якутского языка через блоги, мемы, музыкальные клипы, продвижения национальной моды (бренда одежды TETIM, saqa omuk, Tanas), создания образовательного и развлекательного контента (Panda Sakha о традициях и быте народа саха и др.). Например, инди-дэнс дуэт URAAN (Айтал Алексеев и Дмитрий Попов) сочетают якутский язык с современными жанрами. Молодые якуты запускают бренды этно-одежды и аксессуаров (с использованием якутских орнаментов), ремесленные мастерские (резьба по кости, ювелирные изделия с якутской гравировкой), гастрономические проекты (национальная кухня, адаптированная под современный формат) и др. Такие инициативы поддерживаются через Корпорацию развития РС (Я), Министерство молодежи и социальным коммуникациям и грантовые программы (например, Грант Главы РС (Я)).

Молодежь саха (якуты) активно участвует в киноиндустрии, производят фильмы на якутском языке («Надо мною солнце не садится» режиссера Любви Борисовой, «Пугало» Дмитрия Давыдова, «Присутствие» Аполлинарии Дегтярёвой, «Диодорова. Против течения» Санда Баишева, «Айхал» Дьулусхана Андросова), эти фильмы имеют не только локальный, но и международный успех (российский кинофестиваль «Кинотавр», 29-й Международный кинофестиваль Восточно-Европейского кино в Коттбусе (Германия), VI Кинофестиваль стран БРИКС (Индия)). Анимационные студии (например, «Чохоон», «Ойуулук» и «Тундра») привлекают молодых художников и сценаристов к созданию короткометражных мультфильмов на якутском языке, таких как Трилогия «Бык Холода», «Мунха» и «Танха». Появляются IT-проекты – приложение для изучения якутского языка Сахалы, программно-аппаратный комплекс «АйУол» (AiUol).

Учрежден «Квартал Труда» – кластер креативных индустрий в Якутске, открытый 23 ноября 2022 г. Некоторые направления деятельности кластера: IT, кино, анимация, мода, дизайн, музыка, компьютерная графика, изобразительные искусства, фото и видеопродакшн. Кластер организует выставки и фестивали, поддерживает местные инициативы и развивает культурный потенциал региона. Резидентами кластера являются 70 компаний, к 2024 г. их число должно вырасти до 150, общее число рабочих мест составляет более 1250. Ключевые сферы деятельности резидентов кластера – кино, анимация, медиа, цифровой контент и дизайн. Проводятся фестивали и конкурсы: республиканский фестиваль молодежи MuusUSTAR, форум «Цифровой алмаз», различного рода хакатоны, Северный форум по устойчивому развитию и др.

К проблемам и вызовам в этой сфере можно отнести недостаток инфраструктуры – особенно в улусах (нет коворкингов, студий звукозаписи); ограниченный доступ к финансированию – слабая развитость венчурного капитала и краудфандинга; миграция молодых талантов – многие молодые люди уезжают в Москву, Санкт-Петербург, Новосибирск, Екатеринбург ради образования и карьеры, а кроме того, есть языковой барьер – контент на якутском языке имеет ограниченную аудиторию за пределами Якутии.

Несмотря на возникающие проблемы, креативная экономика в Якутии – это пространство, где молодёжь выступает не просто потребителями, а авторами нового культурного кода, сочетающего этническую самобытность и цифровую современность.

Сегодня креативная экономика в РС (Я) находится на этапе становления, но демонстрирует устойчивый рост, особенно в сферах, где традиционная культура пересекается с современными цифровыми технологиями и глобальными культурными трендами. Молодежь играет в этом процессе ключевую роль – как агент инноваций, носитель этнокультурной идентичности и активный участник новых форм культурного предпринимательства.

6 | Речевые практики современной молодежи саха (якутов)

Молодежь саха (якуты) представляет ключевую группу в процессе языковой передачи, изменения в языковой компетенции молодежи и детей саха являются наиболее острыми проблемами в якутском сообществе. В.Н. Никитина, изучая языковую компетенцию детей саха от 5 до 17 лет, указывает, что 47,55 % детей саха свободно владеют родным языком, 47,43 % – не владеют в полной мере родным языком, отмечают лексические лакуны, 5,01 % – практически не владеют языком саха, в основном понимают общий смысл сказанного, в том числе 3,33 % знают единичные слова. Исследователь обосновывает языковой сдвиг множеством факторов лингвистического и экстралингвистического характера: несбалансированным билингвизмом в языковом пространстве, недостаточно выверенной методикой обучения родному языку в системе школьного образования, нерешенными проблемами с учебниками родных языков, ориентацией молодежи и детей на иностранные языки и т.д. [Никитина, 2025: 64].

Семейное общение является основной сферой воспроизводства языка и культуры, межпоколенческой передачи языка. Исследование показало, что в полиэтничном Якутске 68 % якутской молодежи в сфере семейного общения говорят на якутском, на русском – 10 %, в моноэтничном Усть-Алданском улусе 89 % говорят в семье на якутском, на русском – 2 %. В равной мере на якутском и русском языках говорят в семье в Якутске – 21 % и в Усть-

Алданском улусе – 8 %. Как отмечает М.И. Кысылбаикова, многие сельские родители 2000-х годов, испытывавшие неуверенность в своем владении русским языком, сознательно поощряли русскоязычную среду для своих детей, что привело к ослаблению передачи якутского языка в семьях [Кысылбаикова, 2021: 71]. Интересен пример Е.В. Головки, который анализируя Олекминский и Хангаласский улусы РС (Я), приходит к выводу, что выбор языка в процессе общения часто не мотивирован, смена языков в процессе речи не осознана, переключение с одного языка на другой зачастую вызывается внешними причинами. Точно такая же ситуация двуязычия и немотивированного переключения кодов до сих пор имеет место в Среднеколымском улусе. Жители некоторых сел (в частности, Среднеколымска) прекрасно понимают и русский, и якутский языки, но разговаривая и между собой, и с приезжими, они всегда используют оба языка одновременно, при этом переключение происходит внутри предложений: Смотри, утонешь – дьиэгэ эн не приходи! [Головки, 2001: 304].

Как показало наше исследование, уровень владения якутским языком среди молодежи саха остается стабильно высоким в сельской местности (свыше 90 %), в городских условиях среди молодежи 16–25 лет отмечается снижение активного использования якутского языка в повседневном использовании, в сфере образования, профессиональной среде. Если в 2002 г. доля якутов, считающих якутский родным составляла 92,6 % опрошенных, то к 2010 г. таких насчитывалось 94 %, в 2023 г. число считающих якутский родным было 87–90 % опрошенных, при этом возросло число указавших и русский, и якутский родными языками, особенно в полиэтническом Якутске [ПМА–2023].

Большую роль играет присутствие языка в языковом ландшафте. Так, в Якутске и Усть-Алданском улусе языковой ландшафт в большей степени представлен на русском языке, в равной степени в двуязычной подаче визуальной информации на якутском и русском языках. На вопрос «На каком языке оформлена окружающая Вас визуальная информация: вывески учреждений, объявления, рекламные плакаты?» респонденты из г. Якутска и Усть-Алданского улуса ответили: на якутском языке – 3 % и 21 %, на русском языке – 65 % и 43 %, на обоих языках – 29 % и 35 % [ПМА–2023]. В общественных местах (на рынке, в магазине) 10 % молодежи саха в Якутске общаются на якутском и 67 % в Усть-Алданском улусе, общение происходит на русском языке у 55 % информантов в Якутске и у 8 % якутской молодежи в Усть-Алданском улусе, на якутском и русском языках в равной степени – 18 % и 20 % соответственно [Там же].

Согласно данным исследования, более 94 % молодежи саха (якутов) идентифицируют якутский язык как родной [ПМА–2023]. Однако в условиях урбанизации и интенсивного русско-якутского двуязычия фактическое владение языком среди молодежи саха (якутов) характеризуется ограниченным активным употреблением, частыми кодовыми переключениями и затруднениями в официальной, публичной и письменной сферах. В Якутске 43 % родителей отмечают, что речь их детей представляет собой смешение русского и якутского языков. Функциональная дистрибуция языков во всех сферах сохраняется преимущественно у старшего поколения в моноэтнических улусах, тогда как у городской молодежи саха (якутов) наблюдается функциональное сужение до использования якутского преимущественно в семейной и культурной среде. Учитывая, что усвоение языка ими происходило в детстве, но осталось незавершенным, а изучение во взрослом возрасте не практиковалось, молодежь саха (якуты), по типологии Л. Гренобль, представлены группой традиционных носителей (Fluentspeakers, Fullspeakers) – те, которые свободно владеют языком с детства, используют его во всех сферах жизни без затруднений, в основном это представители моноэтнических сельских районов Якутии, и группой эритажников (heritage speakers) – носителей унаследованного языка, они сохраняют сильную этноязыковую идентичность, но обладают ограниченной лексикой и языковой компетенцией, в основном это касается городской молодежи саха. Это подтверждается и респондентами: они указывают, что выбор языка в спонтанной речи происходит немотивированно, они не могут сказать это по-якутски, поэтому переходят на русский: «Намного легче сказать на русском, чем на якутском при общении с друзьями, со знакомыми. Если бы было много времени на разговор, если бы не торопилась, то немного подумала бы и сказала на якутском, но зачем?» [ПМА–2025: ННА, жен., якут., 23]. Ввиду того, что молодежь саха (якуты), не знающие якутский язык на достаточно хорошем уровне, стесняются своего незнания тех или иных слов и подбирают их эквиваленты на русском языке «...незнание языка, ты же не спросишь у человека в разговоре “Как это будет по-якутски?”, а просто продолжишь общение на русском языке. Это не обдуманное решение, а мозг сам такое решение принимает» [ПМА–2025: ФНС, жен., якут., 27].

Языковая идентичность молодежи саха в условиях языковой неоднородности и влияния современных вызовов показывает устойчивую этническую самоидентификацию молодежи, несмотря на различные внешние факторы и недостаточный институциональный статус якутского языка в образовании [Иванова, 2023: 109].

7 | Заключение

Республика Саха (Якутия) демонстрирует уникальную модель устойчивого двуязычия на фоне общероссийской тенденции к моноязычию. Функциональная дистрибуция якутского языка в РС (Я) определяется рядом ключевых факторов. В моноэтнических сельских районах якутский язык сохраняет статус основного средства коммуникации, особенно среди людей старшего поколения, тогда как в полиэтничном городе Якутске он уступает русскому языку в повседневной, образовательной и публичной сферах, оставаясь преимущественно языком семейного общения и как показатель культурной идентичности. Однако несмотря на вызовы урбанизации и глобализации, якутский язык сохраняет витальность, особенно в сельской местности и через сильную этнокультурную самоидентификацию.

Молодежь саха (якуты) являются двуязычными носителями, однако наблюдается снижение активного владения якутским языком в городской среде, что обусловлено доминированием русского языка в сфере образования и медиапространстве. Глобализация и урбанизация усиливают эту тенденцию: русский язык воспринимается как более универсальный инструмент социальной мобильности и интеграции в общество. Очевидно, что молодежь Якутии формирует новую модель культурной устойчивости, где якутская идентичность не противостоит, а интегрируется в глобальный креативный рынок, язык и традиции становятся ресурсом экономического роста, а не только объектом сохранения, креативные индустрии выступают дополнительной альтернативой региона.

Сохранение языка в городской среде и среди молодежи требует системных мер – от модернизации языковой политики до развития цифрового контента и мотивационных программ. Для укрепления позиций якутского языка требуется комплекс мер, включающих модернизацию образовательной политики с акцентом на функциональное овладение языком в различных коммуникативных контекстах, расширение функциональной дистрибуции языка в медиасфере, поддержку креативных инициатив молодежи, интегрирующих язык в современные культурные практики, а также вовлечение семьи, образовательных учреждений, государственных структур и гражданского общества в совместные программы по языковой ревитализации якутского языка.

ЛИТЕРАТУРА

- Всероссийская перепись населения (2020). Том 5. Национальный состав и владение языками. Режим доступа: <https://14.rosstat.gov.ru>. Дата обращения: 19.11.2025.
- Всероссийская перепись населения (2020). Том 6. Миграция населения. Режим доступа: <https://14.rosstat.gov.ru>. Дата обращения: 19.11.2025.
- Головкин Е. В. (2001). Переключение кодов или новый код? // Труды факультета этнологии. Вып. 1. Санкт-Петербург. С. 298–316.

- Денисова А. В. (2018). Языковые предпочтения молодежи республик ЮФО: сравнительный анализ ситуации в Республике Крым, Адыгее, Калмыкии // Учёные записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Социология. Педагогика. Психология. Т. 4 (70), № 1S. С. 153–158.
- Ефимов В. С., Лаптева А. В., Михайлова Е. И. (2015). Влияние урбанизации на процессы сохранения культуры и языка народа саха: социологический анализ // Археология, этнография и антропология Евразии. Т. 43, № 4.
- Закон Республики Саха (Якутия) «О языках в Республике Саха (Якутия)» от 16 октября 1992 г. № 1170-ХП. Режим доступа: <https://www.sakha.gov.ru/zakon-respubliki-saha-jakutija-o-jazykah-v-respublike-saha-jakutija>. Дата обращения: 19.11.2025.
- Иванова Н. И. (2019). Функциональный статус якутского языка в Республике Саха (Якутия) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота. Т. 12, вып. 12. С. 182–187.
- Иванова Н. И. (2023). Языковая дистрибуция в семейном общении саха: традиции и инновации // Научный диалог. Т. 12, № 10. С. 49–67. <https://doi.org/10.24224/2227-1295-2023-12-10-49-67>.
- Конституция Республики Саха (Якутия) от 04 апреля 1992 г. Режим доступа: <https://old.sakha.gov.ru/o-respublike-saha--kutyia-/konstitutsiya>. Дата обращения: 12.11.2025.
- Кысылбаикова М. И. (2021). Родной язык в якутских семьях: опыт прошлого и настоящего // Сборник трудов Международной конференции «Лингвистический форум 2021: Языковая политика и сохранение языков». Москва. С. 71.
- Никитина В. Н. (2025). Уровень владения родным языком детей саха в моноэтнической среде Республики Саха (Якутия) // Томский журнал лингвистических и антропологических исследований. Вып. 3 (49). С. 61–69. <https://doi.org/10.23951/2307-6119-2025-3-61-69>.
- Полевые материалы автора (ПМА). 2025. 2 женщины, якуты, возраст 23–27 лет.
- Распоряжение Правительства Республики Саха (Якутия) «Об утверждении Стратегии реализации молодежной политики в Республике Саха (Якутия) на период до 2030 года» от 23 июля 2025 г. № 569-р. Режим доступа: <https://www.garant.ru/hotlaw/yakut/1850028/>. Дата обращения: 20.11.2025.
- Семейный кодекс Российской Федерации от 29 декабря 1995 г. № 223-ФЗ. Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_8982/. Дата обращения: 20.11.2025.
- Словарь социолонгвистических терминов (2006) / Под ред. В. Ю. Михальченко. Москва: Институт языкознания РАН. 312 с.
- Федеральный закон «О молодежной политике в Российской Федерации» от 30 декабря 2020 г. № 489-ФЗ. Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/46328>. Дата обращения: 25.11.2025.
- Указ Главы Республики Саха (Якутия) «О развитии креативной экономики Республики Саха (Якутия)» от 27 апреля 2024 г. № 302. Режим доступа: <http://publication.pravo.gov.ru/document/1400202405030004>. Дата обращения: 20.11.2025.

REFERENCES

- Authors field materials (AFM) (2025) *Female 2. Yakut (Sakha) peoples, age 23–27*. (In Russian).
- Denisova, A.V. (2018) Language preferences of young people in the Southern Federal District: a comparative analysis of the situation in the Republic of Crimea, Adygea, and Kalmykia, *Uchenye zapiski Krymskogo federalnogo universiteta imeni V.I. Vernadskogo. Sociologiya. Pedagogika. Psihologiya*, 4(70), no. 1S, pp. 153–158. (In Russian).

- Efimov, V.S., Lapteva, A.V. and Mihajlova, E.I. (2015) The influence of urbanization on the processes of preserving the culture and language of the Sakha people: a sociological analysis, *Arheologiya, etnografiya i antropologiya Evrazii*, 43(4), pp. 127–134. (In Russian).
- Federalnyj zakon O molodezhnoj politike v Rossijskoj Federacii ot 30.12.2020 № 489-FZ [Federal Law No. 489-FZ On Youth Policy in the Russian Federation] (2020). Available at: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/46328> (Accessed: 25 November 2025). (In Russian).
- Golovko, E.V. (2001) Code switching or a new code?, *Proceedings of the Faculty of Ethnology*, no. 1, St. Petersburg, pp. 298–316. (In Russian).
- Ivanova, N.I. (2019) The functional status of the Yakut language in the Republic of Sakha (Yakutia), *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki*, 12(12), pp. 182–187. Tambov: Gramota. (In Russian).
- Ivanova, N.I. (2023) Language distribution in Sakha family communication: traditions and innovations, *Nauchnyj dialog*, no. 12(10), pp. 49–67. <https://doi.org/10.24224/2227-1295-2023-12-10-49-67> (In Russian).
- Konstituciya Respubliki Saha (Yakutiya) ot 04 aprelya 1992 goda [The Constitution of the Republic of Sakha (Yakutia)] (1992). Available at: <https://old.sakha.gov.ru/o-respublike-saha-kutiya-/konstitutsiya> (Accessed: 12 November 2025). (In Russian).
- Kysylbaikova, M.I. (2021) The native language in Yakut families: past and present experiences, in *Proceedings of the International Conference “Linguistic Forum 2021: Language Policy and Language Preservation”*. Moscow, p. 71. (In Russian).
- Nikitina, V.N. (2023) Mother tongue proficiency of Sakha children in a monoethnic environment of the Republic of Sakha, *Tomsk Journal of Linguistics and Anthropology*, 3(49), pp. 61–69. <https://doi.org/10.23951/2307-6119-2025-3-61-69> (In Russian).
- Rasporjazhenie Pravitelstva Respubliki Sakha (Yakutiya) Ob utverzhdenii Strategii realizacii molodezhnoj politiki v Respublike Saha (Yakutiya) na period do 2030 goda ot 23.07.2025 № 569-r [Decree of the Government of the Republic of Sakha (Yakutia) On approval of the Strategy for the Implementation of Youth Policy in the Republic of Sakha (Yakutia) up to 2030] (2025). Available at: <https://www.garant.ru/hotlaw/yakut/1850028> (Accessed: 19 November 2025). (In Russian).
- Semejnyj kodeks Rossijskoj Federacii ot 29.12.1995 № 223-FZ [Family Code of the Russian Federation No. 223-FZ] (1995). Available at: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_8982 (Accessed: 25 November 2025). (In Russian).
- Slovar sociolingvisticheskikh terminov (2006) *Dictionary of sociolinguistic terms*. Edited by V.Yu. Mikhachenko. Moscow: Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences. (In Russian).
- Ukaz Glavy Respubliki Sakha (Yakutiya) O razvitii kreativnoj ekonomiki Respubliki Saha (Yakutiya) ot 27.04.2024 № 302 [Decree of the Head of the Republic of Sakha (Yakutia) On the development of the creative economy of the Republic of Sakha (Yakutia)] (2024). Available at: <http://publication.pravo.gov.ru/document/1400202405030004> (Accessed: 25 November 2025). (In Russian).
- Vserossijskaya perepis naseleniya – 2020 (2020a) *All-Russian Population Census 2020. Vol. 5: National composition and language proficiency*. Available at: <https://14.rosstat.gov.ru> (Accessed: 19 November 2025). (In Russian).
- Vserossijskaya perepis naseleniya – 2020 (2020b) *All-Russian Population Census 2020. Vol. 6: Population migration*. Available at: <https://14.rosstat.gov.ru> (Accessed: 19 November 2025). (In Russian).

Данилова Роза Александровна – аспирант Института языкознания РАН.
Адрес: 125009, Российская Федерация, г. Москва, Б. Кисловский пер. 1 стр. 1.
Эл. адрес: roza_dan96@mail.ru
<https://orcid.org/0000-0002-4529-1011>

Roza A. Danilova – post-graduate student at the Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences, Russian Federation
Address: B. Kislovsky lane 1/1, Moscow, Russian Federation, 125009.
E-mail: roza_dan96@mail.ru
<https://orcid.org/0000-0002-4529-1011>

Для цитирования: *Данилова Р.А.* Молодежь Саха (Якуты) в условиях языкового сдвига // Социолингвистика. 2025. № 4 (24). С. 178–193. DOI: 10.37892/2713-2951-4-24-178-193

For citation: *Danilova, R.A.* Youth of Sakha (Yakuts) in conditions of language shift // Sociolinguistics. 2025. No. 4 (24). Pp. 178–193. (In Russian). DOI: 10.37892/2713-2951-4-24-178-193

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.
The author declares no conflicts of interests.

The article was submitted 28.01.2025;
approved after reviewing 15.08.2025;
accepted for publication 18.09.2025.

ХРОНИКА НАУЧНОЙ ЖИЗНИ

CHRONICALS OF SCIENTIFIC LIFE

<https://doi.org/10.37892/2713-2951-4-24-194-202>

ПЕРВАЯ МЕЖДУНАРОДНАЯ ЛЕТНЯЯ ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ ШКОЛА НА БАЙКАЛЕ «ЭТНОКУЛЬТУРНО-ЯЗЫКОВОЕ ПРОСТРАНСТВО ТРАНСГРАНИЧЬЯ: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ», РЕСПУБЛИКА БУРЯТИЯ, 2025

THE FIRST INTERNATIONAL SUMMER LINGUISTIC SCHOOL ON LAKE BAIKAL "ETHNOCULTURAL AND LINGUISTIC SPACE OF THE TRANSBORDER: HISTORY AND MODERNITY", REPUBLIC OF BURYATIA, 2025

На базе Бурятского государственного университета имени Доржи Банзарова «Байкал» (п. Максимиха Баргузинского района) 1–5 июля 2025 года состоялась I Международная летняя лингвистическая школа на Байкале «Этнокультурно-языковое пространство трансграничья: история и современность» (ЛЛШ 2025). Школа организована и проведена Бурятским государственным университетом имени Доржи Банзарова.

Без преувеличения можно сказать, что прошедшая Летняя лингвистическая школа (ЛЛШ 25) продемонстрировала содружество университетской и академической науки.

На площадке Бурятского госуниверситета собрались ученые-лингвисты из академических институтов, таких как Научно-исследовательский центр по национально-языковым отношениям Института языкознания РАН (НИЦ НЯО ИЯ РАН, Москва), Институт русского языка им. В.В. Виноградова (ИРЯ РАН, Москва), Институт языка, литературы и искусства им. Г. Ибрагимова Академии наук Татарстана (ИЯЛИ им. Г. Ибрагимова АН РТ), Марийский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории (МарНИИЯЛИ), Центр социалингвистических исследований Института гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН (ИГИиПМНС СО РАН, Якутск), Тувинский институт гуманитарных и прикладных социально-экономических исследований при Правительстве Республики Тыва (ТИГПИ); активное участие в работе ЛЛШ принял сектор языков народов Сибири Института филологии СО РАН (ИФ СО РАН, Новосибирск), отдел языкознания Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН (ИМБТ СО РАН, Улан-Удэ) и др.

Образовательные учреждения высшего образования были представлены Монгольским государственным университетом (МонГУ, Улан-Батор), Национальным исследовательским университетом «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ, Москва), Бурятским государственным университетом имени Доржи Банзарова (БГУ, Улан-Удэ), Институтом гуманитарных исследований и саяно-алтайской тюркологии ФГБОУ ВО «Хакасский государственный университет им. Н.Ф. Катанова» (ИГИСАТ ХГУ, Абакан), Северо-Восточным федеральным университетом (СВФУ, Якутск), Восточно-Сибирским государственным университетом технологий и управления (ВСГУТУ, Улан-Удэ), Забайкальским государственным университетом (Чита) и др.

В качестве слушателей Школа собрала свыше 80 ученых-исследователей из зарубежных стран (Турции, Таджикистана, Монголии, Китая), из разных регионов России (Татарстана, Якутии, Тывы, Алтая, Хакасии, Калмыкии, Забайкальского края, Бурятии, Иркутской области и др.), а также городов России (Москвы, Санкт-Петербурга, Казани, Новосибирска, Читы, Якутска, Мирного, Абакана, Кызыла, Тюмени, Йошкар-Олы и др.).

Тематика ЛЛШ 2025 охватила широкий круг вопросов, затрагивающих современные филологические исследования трансграничья Востока в условиях современного переустройства мира. Занятия проводились в разных форматах и включали чтение лекций, проведение практикумов, тренингов и мастер-классов, организацию круглых столов и тематических дискуссий.

Работа лингвистической школы была построена по нескольким направлениям: *монгольские языки, тюркские языки и социолингвистика*.

Направление «Социолингвистика» возглавили А.Н. Биткеева, д.ф.н., руководитель НИЦ НЯО ИЯ РАН (г. Москва); Г.А. Дырхеева, д.ф.н., глав. науч. сотрудник ИМБТ СО РАН (г. Улан-Удэ).

В рамках этого направления состоялась V Школа-семинар по социолингвистике «Этномедиапространство и языки РФ», посвященная 75-летию Института языкознания РАН (модераторы: А.Н. Биткеева, ИЯЗ РАН (Москва), В.Г. Раднаев, директор телеканала «Буряад TV» (Улан-Удэ).

В рамках семинара была прочитана лекция Э.В. Хилхановой, д.ф.н., вед. науч. сотрудника НИЦ НЯО ИЯ РАН (Москва), посвященная теме «СМИ и идеология:

академический взгляд». По мнению лектора, идеологический вектор российских средств массовой информации следует корректировать в направлении поиска объединяющей идеи.

С большим интересом была прослушана лекция Ч.Н. Гаврильева (Якутск) по теме «Трансформация медиапотребления и роль СМИ в сохранении языков на примере Республики Саха». Оживленную дискуссию вызвало выступление журналиста С. Смолянинова «Региональное телевидение и этномедиапространство» (телеканал «Ариг Ус», Улан-Удэ). На семинаре был прослушан совместный доклад Е.В. Сатваловой и А.Х. Сугян (Санкт-Петербург) о создании телеграм-бота для изучения хантыйского фольклора и языка (казымский диалект).

Не обойден был сложный вопрос культуры речи в контексте национальных СМИ, с лекцией по этой проблеме выступила Н.И. Иванова, д.ф.н., вед. науч. сотр. ИГиИПМНС СО РАН (Якутск).

Научное руководство направлением «*Монгольские языки*» осуществлялось П.П. Дамбуевой, д.ф.н., ИЯ РАН (г. Москва); Е.В. Сундуевой, д.ф.н., ИМБТ СО РАН (г. Улан-Удэ).

В обстановке заинтересованного обсуждения каждого выступления проходила работа *дискуссионной панели «Традиции и инновации в лексикографии XXI века: поиск оптимального баланса»* (модератор Е.В. Сундуева, д.ф.н., г.н.с., координатор проекта отдела языкознания ИМБТ СО РАН). Выступления были посвящены как общим вопросам, в частности, представлению лексикологической информации в словарях, так и результатам исследования отдельных групп слов. Острая дискуссия развернулась вокруг вопросов выявления сущностных черт и лексикографирования национально-специфичной лексики.

Цэрэнчимэд Саранцацрал, д.ф.н., проф. МонГУ, в своей лекции «Толковые словари монгольского языка: характерные черты, особенности и перспективы развития» затронула проблемы современной монгольской лексикографии. Вопросы бурятской лексикографии поднимались в нескольких выступлениях: Е.В. Сундуева (ИМБТ СО РАН) поделилась опытом работы над Толковым словарем бурятского языка (2024 г.), Л.Б. Будажапова, к.ф.н., доц. БГУ, рассказала о работе над Кратким толковым бурятско-русским словарем буддийской лексики (2024 г.). М.Д. Чертыкова, д.ф.н., вед. науч. сотр. ИГИСАТ ХГУ, посвятила свое выступление лексикографическому описанию образа человека на материале хакасского, бурятского и хантыйского языков.

На круглом столе **«Монгольские языки в историко-лингвистическом освещении»** (модераторы П.П. Дамбуева, д.ф.н., вед. науч. сотр. ИЯ РАН (Москва); Д.Ш. Харанутова, д.ф.н., БГУ им. Д. Банзарова) в основном поднимались грамматические проблемы монгольских языков. Спектр проблем, поднятых лекторами, был достаточно широким. Лекция П.П. Дамбуевой была посвящена одному из самых сложных вопросов грамматики бурятского языка – категории залога. Л.Б. Бадмаева, д.ф.н., вед. науч. сотр. ИМБИТ СО РАН (Улан-Удэ) поделилась результатами специального изучения летописного наследия бурят на старописьменном монгольском языке. Затем слово взяли ведущие научные сотрудники ИМБИТ СО РАН: Н.Б. Даржаева, д.ф.н., вед. науч. сотр., выступила с описанием макромоделей бурятских эмотивных простых предложений; Г.Н. Чимитдоржиева, к.ф.н., вед. науч. сотр., подняла вызывающий споры, не имеющий однозначного ответа вопрос о редупликации и смежных явлениях в монгольских языках. На круглом столе был также представлен доклад О.С. Цыдендамбаевой, к.ф.н., ВСГУТУ (Улан-Удэ), о бурятских эвфемистических выражениях с цветовым компонентом.

В фокусе внимания **направления «Тюркские языки»** оказались тюркско-монгольские языковые ареалы (научное руководство М.Д. Чертыкова, д.ф.н., вед. науч. сотрудник д.ф.н., вед. науч. сотр. ИГИСАТ ХГУ, Б.Ч. Ооржак, д.ф.н., зав. сектором языкознания ТИГПИ).

Необходимо отметить, что во время работы летней школы состоялось пять *круглых столов*, из них три по проблеме тюркско-монгольских параллелей, проведенных благодаря сотрудникам сектора языков народов Сибири Института филологии СО РАН (Новосибирск).

В творческой атмосфере прошла работа круглого стола **«Тюркско-монгольские языковые ареалы Сибири: синтаксис»** (модератор А.А. Озонова, к.ф.н., вед. науч. сотр.). На круглом столе для обсуждения и научной дискуссии были предложены темы «Сравнительные конструкции равенства в тюркских языках Южной Сибири» (А.А. Озонова, к.ф.н., вед. науч. сотр.) и «Аналитические конструкции в сибирских тюркских и бурятском языках» (А. Тазранова к.ф.н., вед. науч. сотр., Б.Д. Цырендоржиева, к.ф.н., доц. БГУ им. Д. Банзарова).

На круглом столе **«Тюркско-монгольские языковые связи»** (модератор М.Д. Чертыкова, д.ф.н., вед. науч. сотрудник ИГИСАТ ХГУ) был рассмотрен широкий спектр актуальных тем, связанных с современными подходами и перспективами исследования

тюркских и монгольских языков, характеризующих современный уровень тюркологических и монголоведческих лингвистических исследований.

Выступления, прозвучавшие на круглом столе **«Взаимодействие тюркских языков с другими разноструктурными языками»** (модератор О.Х. Касимов, проф. кафедры лингвистики и журналистики Таджикского международного университета иностранных языков), продемонстрировали неослабевающий интерес к проблеме языкового контактирования. Первым выступил О.Х. Касимов, он рассказал о репрезентации Евразийского континента тюркоязычных стран в этнонимах ранних таджикско-персидских памятников. Большое оживление и неподдельный интерес вызвало выступление Л.А. Абукаевой, д.ф.н., гл. науч. сотр. МарНИИЯЛИ (Йошкар-Ола) о тюркско-марийских языковых контактах сквозь призму лингвокультурологии. Проблему заимствования на материале русского и турецкого языков подняла *Имрен Арбач*, д.ф.н., преподаватель кафедры русского языка и литературы Университета Йедитепе (Турция, г. Стамбул).

Особо следует отметить работу семинара **«Тюркские языковые ареалы Сибири: лексико-семантические группы глаголов»** (модератор А.В. Байыр-оол, к.ф.н., ст. науч. сотр. ИФ СО РАН), где Е.В. Тюттешева, к.ф.н., ст. науч. сотр., представила результаты анализа семантических компонентов глаголов промысловой деятельности в тюркских языках Сибири», а А.В. Байыр-оол изложила результаты изучения глаголов движения и перемещения жидкостей и сыпучих предметов в тюркских языках Южной Сибири. В докладе О.Ю. Шагдуровой, к.ф.н., ст. науч. сотр., подробно рассмотрены глаголы с общим значением «собирать» в тюркских языках Южной Сибири, которые используются в зависимости от конкретного контекста и значения.

Периодически на общей площадке собирались все слушатели ЛЛШ.

Так, глубиной лингвистического анализа и размахом исследовательской мысли покорила всех слушателей *научная лекция* А.П. Майорова, д.ф.н, профессора, ведущего научного сотрудника ИЯ РАН (Москва) на тему **«Региональная социолингвистика в историко-лингвистическом освещении: к постановке проблемы»**, посвященная анализу региональных социолингвистических явлений с точки зрения их исторического развития и взаимосвязи с лингвистикой.

В атмосфере оживленной дискуссии и неподдельного интереса проходила *экспертная дискуссия «Критерии оценивания результатов научной деятельности и продвижение научных журналов в современных условиях»* (модератор Е.А. Бардамова, д.ф.н., БГУ им. Д. Банзарова), в которой приняли участие А.Н. Биткеева, главный редактор журнала «Социолингвистика», А.А. Озонова, заместитель главного редактора журнала «Сибирский филологический журнал», Е.А. Бардамова, главный редактор журнала «Вестник БГУ. Филология». В выступлениях основных спикеров поднимались проблемы формирования редакционной политики научного журнала для решения задач повышения качества издания, привлекательности журнала для целевой аудитории. На встрече с руководителями журналов, входящих в «Перечень рецензируемых научных изданий», особое внимание было уделено вопросам института рецензирования (система, модели и процессы), требований к системе рецензирования поступающих рукописей. Живой интерес вызвала лекция О.А. Воложаниной, заместителя директора по библиотечным технологиям БГУ имени Доржи Банзарова (г. Улан-Удэ) о формировании навыков работы с информационными ресурсами для определения потенциального или существующего места научных исследований в наукометрических и реферативных базах данных.

Дискуссионная панель стала площадкой для встречи и обмена опытом коллег из Бурятии, Татарстана, Марий Эл: **мастер-классы по корпусной лингвистике** провели О.Р. Хисамов, д.ф.н., проф., зам. директора ИЯЛИ им. Г. Ибрагимова АН РТ по теме «*Электронный каталог топонимов Республики Татарстан: принципы, функционал, перспективы развития*»; Л.Д. Бадмаева, к.ф.н., вед. науч. сотрудник ИМБТ СО РАН, руководитель проекта «Электронный корпус бурятского языка» по теме «*Бурятский корпус: сегодня и завтра*», Л.А. Абукаева, д.ф.н., гл. науч. сотр. МарНИИЯЛИ, начальник НИЦ изучения уральских языков МарГУ (Йошкар-Ола) по теме «Опыт создания словарей выразительных ресурсов на основе корпуса марийского языка (словарь сравнений и словарь эпитетов)». В фокусе внимания выступающих оказались проблемы репрезентативности корпусов и отбора источников, лингвистической и экстралингвистической разметки, многие другие аспекты создания корпусов.

Затем в *бурной панельной дискуссии* были обсуждены инновационные подходы и перспективы использования искусственного интеллекта в лексикографической практике (модератор О.Р. Хисамов).

Интереснейшая проблематика, связанная с вопросами функционирования русского языка и культуры в условиях иноэтнического и иноязычного окружения, была затронута на заседании круглого стола **«Русский мир в трансграничном пространстве: стратегии языкового и этнокультурного взаимодействия»** (модераторы Г.А. Дырхеева, д.ф.н., г.н.с. ИМБТ СО РАН, А.Н. Биткеева, д.ф.н., рук. НИЦ НЯО ИЯ РАН (Москва)). На обсуждении были вынесены пролемы трансформации русской культуры в контексте межэтнического взаимодействия и описания механизмов адаптации и интеграции русских в трансграничном пространстве.

Результативно отработала **фонетико-фонологическая секция** (модератор Л.Д. Раднаева, д.ф.н., БГУ им. Д. Банзарова), которая прошла в формате научной конференции. Состоялись две сессии «Супрасегментные единицы языка» и «Сегментные единицы языка», где выступили Т.Р. Рыжикова, к.ф.н., старший научный сотрудник ИФ СО РАН (г. Новосибирск) с докладом «Общее и специфичное в интонации диалога в тюркских языках Сибири», Н.Р. Барьядаева, преподаватель Лингвистического центра "HELLO" (г. Улан-Удэ, Россия) с докладом «Авторские средства обозначения интонации в художественном тексте (на материале английского языка)». Также доклады представили преподаватели Бурятского госуниверситета И.В. Хубракова, к.ф.н., Е.Г. Батонимаева, к.н.ф., Д.Ц. Очиржапова, зам. директора по учебной работе ИИФ БГУ и др.

Особую атмосферу живого участия придали Школе состоявшиеся презентации новых книг: **«Русские старожилы Монголии в воспоминаниях, очерках и фотографиях»**, Москва, 2024 (авторы: Д.Б. Сундуева, д.ф.н., проф. ЗабГУ (Чита); А.Н. Биткеева, д.ф.н., рук. НИЦ НЯО ИЯ РАН (Москва); **«Русский язык в Монголии»**, Улан-Удэ, 2023. (авторы: Г.А. Дырхеева, д.ф.н., гл. науч. сотр. ИМБТ СО РАН; Ц. Саранцацрал, д.ф.н., проф. МонГУ; Ч.С. Цыбенова, к.ф.н., вед. науч. сотр. ИМБТ СО РАН; **«Описание о происхождении языков инородческих племен в Восточной и Западной Сибири: тексты и контексты»**: монография под ред. д-ра филол. наук, проф. О.В. Трофимовой (авторы: В.Ю. Гусев, Е.Н. Коновалова, Е.Ф. Афанасьева, А.П. Майоров, Д.Ш. Харанутова) из серии «Новое «старое» о Сибири»; кн. 2). При обсуждении были высказаны мнения, что монография **«Описание о происхождении языков инородческих племен в Восточной и Западной Сибири: тексты и контексты»** написана в новом жанре – жанре лингвистического детектива.

Летняя школа на Байкале стала научным мероприятием, которое выявило устойчивый интерес исследователей к проблеме трансграничья в условиях современного переустройства мира.

Летняя школа стала замечательной площадкой для обмена мнениями и опытом в решении наиболее актуальных проблем в исследовании различных аспектов этнокультурного языкового пространства трансграничья на основе современных подходов и методик. Одним из результатов работы Школы стало участие его спикеров в съемках новой серийной программы «Языковые горизонты», посвященной исследованию особенностей языков народов России (Буряад TV).

Д.Ш. Харанутова,
сопредседатель оргкомитета
Летней лингвистической школы 2025,
Бурятский государственный университет
им. Доржи Банзарова.

Харанутова Дарима Шагдуровна — доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры русского языка и общего языкознания ФГБОУ ВО «Бурятский государственный университет имени Доржи Банзарова»

Адрес: 670000, Россия, Республика Бурятия, г. Улан-Удэ, ул. Смолина, 24а

Эл. адрес: dkharanutova@mail.ru

<https://orcid.org/0000-0001-5692-5393>

Darima Sh. Kharanutova – Doctor of Philology, Associate Professor, Professor of the Department of Russian Language and General Linguistics, Buryat State University named after Dorzhi Banzarov, Russia.

Address: Smolina Street 24a, Ulan-Ude, Republic of Buryatia, Russia, 670000.

Email: dkharanutova@mail.ru

<https://orcid.org/0000-0001-5692-5393>

Для цитирования: *Харанутова Д.Ш.* Первая международная летняя лингвистическая школа на Байкале «этнокультурно-языковое пространство трансграничья: история и современность», Республика Бурятия, 2025 // Социоллингвистика. 2025. № 4 (24). С. 194–202. DOI: 10.37892/2713-2951-4-24-194-202

For citation: *Kharanutova D.Sh.* The first international summer linguistic school on Lake Baikal "ethnocultural and linguistic space of the transborder: history and modernity", Republic of Buryatia, 2025 // Sociolingvistika. 2025. No. 4 (24). Pp. 194–202. (In Russian). DOI: 10.37892/2713-2951-4-24-194-202

Заявление о конфликте интересов | Conflict of interest statement

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares no conflicts of interests

The article was submitted 23.09.2025;
approved after reviewing 30.11.2025;
accepted for publication 22.12.2025.

СЛОВАРЬ СОЦИОЛИНГВИСТА

SOCIOLINGUISTIC GLOSSARY

<https://doi.org/10.37892/2713-2951-4-24-203-223>

АРГОТИЗМЫ

ARGOTISMS

Арготизмы [франц. *argotisme* от *argot*] – 1. Слова или выражения из какого-либо арго²², употребляемые в речи определенных социально или профессионально замкнутых групп лиц с целью языкового обособления. В русском языке старые арготизмы появились из арго торговцев-ходебщиков, офеней-коробейников, ремесленников-отходников, плотников, жестянщиков, портных, шаповалов, шерстобитов, шорников в XIX – начале XX вв.; современные арготизмы формируются и продолжают постоянно возникать в школьном, студенческом, профессиональном и др. арго, а также арго деклассированных элементов. Например, старые арготизмы *блат*, *блатная музыка*, *феня*, *шивар*, *мелех*, *бутить* из языка офеней и подобных арго; современные арготизмы *клёвый*, *хайп*, *краш*, *чувак*, *рофлить*, *чилить* из молодежного арго; *баг*, *юзер*, *лаймер*, *читер*, *геймер* из арго программистов, *скорая*, *зелёнка* из арго медицинских работников; *баланда*, *козёл*, *мент*, *бабки*, *малина*, *перо*, *баклан*, *терпило*, *шмон* из тюремного и криминального арго.

2. Лексические или фразеологические единицы, заимствованные литературным языком из какого-либо арго и используемые как стилистическое средство для характеристики речи персонажа. Например, в творчестве Владимира Высоцкого встречаются арготизмы из криминального арго: *вертухай* – охранник в тюрьме, *ксива* – документ, *мент* – милиционер. В речи некоторых персонажей Михаил Булгаков («Мастер и Маргарита») использует элементы уличного и воровского жаргона: *шпана* – хулиганы, уличная публика, *лафа* – удача, халява || прил. **арготический** и **арготичный** – относящиеся к арго и арготизму. *Арготическая лексика*. *Арготические вкрапления*. *Арготические слова* (арготизмы) и *Арготичный оборот*.

²² **Арго** (франц. *argot*) – условный искусственный язык обособленной, относительно замкнутой социальной или профессиональной группы лиц, создаваемый с целью языкового обособления («потайной», «тайный» язык), отличающийся от общеупотребительного языка специфичной своеобразной лексикой, включающей также и заимствования из других языков (цыганского, немецкого, английского, польского, новогреческого и др.), но не имеющий собственной фонетической и грамматической системы. «– Откуда у вас знание воровского арго? – Я сидел в тюрьме с уголовниками» (И.Л. Сельвинский. Встречи с Маяковским) || прил. **арготический** и **арготичный** – относящиеся к арго и арготизму. *Арготическое слово*. *Арготичный оборот* || Ср. жаргон, сленг, диалект, идиолект, социолект, койне (койнэ), линго.

Арготичный элемент в речи. Арготичная фраза. Арготичная конструкция || Ср. диалектизм, жаргонизм, сленгизм, социолектизм.

Термин «арго» фиксируется в XVIII в. во Франции для обозначения языка преступников, воров, мошенников, нищих и других маргиналов. В России XIX в. существовало арго офеней, во второй половине XIX в. складывалось воровское арго, которое впитало в себя элементы распадающихся предшествующих профессиональных и социальных говоров (офеней-коробейников, ремесленников-отходников и др.), а также слова из территориальных диалектов, других языков и т.п. Арго формировалось в торговых центрах, портовых и столичных городах, местах ссылок и поселений.

Термин «арготизм» заимствован в русский язык в середине XIX в. из французского языка. Впервые фиксируется в Словаре Толля в 1863 г. [Толль 1963. Т. I: 5]. Ранее в Словаре И. Татищева в 1839 г. этот термин представлен статьей: «argotisme, s.m. Слово, употребляющееся мошенниками» [Татищев 1839. Т. I: 90] [см.: Шанский 1963: 137].

Проблемами арготологии, изучения арго и арготизмов и других социальных диалектов – жаргонов, сленга на материале различных языков занимались многие российские и зарубежные ученые: И.И. Срезневский, А.И. Соболевский, В.А. Богородицкий, Бодуэн де Куртенэ, Ш. Балли, А.А. Шахматов, П.В. Шейн, В.М. Жирмунский, М.В. Сергиевский, Н.М. Каринский, Б.А. Ларин, Е.Д. Поливанов, В.А. Аврорин, Д.С. Лихачев, Р.Р. Гельгардт, А.Д. Швейцер, А.А. Леонтьев, Р.Т. Белл, М.В. Панов, Е.А. Земская, И. Г. Добродомов, В.Д. Бондалетов, А.М. Шахнарович, Ф.Л. Скитова, Р.А. Юналеева, Е.Ф. Будде, В.И. Чернышев, Ф.П. Филин, В.Г. Орлова и др. Исследователи имели разные, иногда противоположные, точки зрения на проблемы использования этих терминов в разных языковых ситуациях. До сих пор эти нерешенные вопросы терминологии в данной области социолингвистики остаются предметом научных дискуссий.

Современные исследователи продолжают изучение различных аспектов социальных диалектов на материале русского языка и языков народов России: В.М. Алпатов, В.И. Беликов, А.С. Герд, И.Е. Гальченко, О.Б. Сиротинина, Т.И. Ерофеева, В.В. Колесов, Л.П. Крысин, Т.С. Коготкова, А.Н. Рудяков, М.В. Китайгородская, И.В. Ливинская, Ю.Ю. Магерамова, А.П. Майорова, А.И. Матвеев, И.В. Матвеева, Ю.В. Дорофеев, М.М. Молчанова, Б.И. Осипова, Р.В. Попов, Н.А. Гайдамак, Н.А. Прокуровская, Н.Н. Розанова, В.И. Теркулов, В.И. Трубинский и др.

Особое внимание ученых в XX в. привлекли исследования арго профессиональных групп и арго деклассированных и криминальных элементов.

Ремесла, по мнению большого знатока профессиональных диалектов Альбера Доза, являются одной из причин дифференциации языка. «Дело не в том, что человек занимается тем или иным ремеслом: профессия накладывает отпечаток на всю жизнь в целом и на речь индивидуума» [Доза 2006: 449]. При описании арготизмов прежде всего упоминается, что это социально-групповой феномен. Арготический вокабуляр является средством, с помощью которого та или иная группа выделяется на фоне других групп. Примечательно в этой связи высказывание Марселя Коэна: «Любая группа стремится обособиться, потому что она является группой» [Cohen 1919: 139].

Особенно подробно социолингвистами исследовались профессиональные арготизмы французского языка: работы Е. Бутми [Boutmy 1874], Е. Гуже [Gouget 1892], А. ван Геннепа [Van Genep 1908], А. Нисефоро [Niceforo 1912], А. Доза [Dauzat 1917, 1946], М. Коэна [Cohen 1919], Л. Сенеана [Sainéan 1920], Э. Шотара [Chautard 1931], Ш. Балли [Балли 1991], Д. Алльо [Alliot 2004, 2009], Э.М. Береговской [Береговская 2008], Т.И. Ретинской [Ретинская 2010, 2013, 2020, 2022, 2023, 2024] и др.

Внимание социолингвистов сфокусировано также на описании языка замкнутых социальных групп общества, деклассированных и криминальных элементов (нищих, бродяг, воров, мошенников, картежных шулеров и других маргиналов), стремящихся к изоляции от основной части общества и, следовательно, к созданию и использованию тайного языка, малопонятного непосвященным. Первоначально термином «арго» обозначалась речь подонков общества, он был синонимом «воровского языка». В ряде этих социальных групп используются условные, так называемые «тайные» языки. Вот как характеризует эту узкую группу арготизмов и язык этих групп А.М. Шахнарович: «Термин “арго” чаще употребляется в узком смысле, обозначая способ общения деклассированных элементов, распространенный в среде преступного мира (воровское арготизм). Основа арготизма – специфический словарь, широко включающий иноязычные элементы, например цыганские, немецкие в русском воровском арготизме. Своей грамматики арготизм не имеет, подчиняясь общим законам разговорной речи. Арготизм является источником арготического лексикона (арготизмов), используемой в разговорной речи и в языке художественной литературы в социально-символической функции» [Шахнарович 1990: 43].

Позднее термин «арго» приобрел более широкое значение. Как пишет французский лингвист Ж. Марузо, «теперь арготизм не обязательно представляет собой форму вульгарного языка, существует арготизм и культурных слоев общества: арготизм артистов, ученых, студентов...» [Марузо 1960: 36-37].

В свое время Ю.Н. Караулов отмечал: «Мы всегда старались избегать “отрицательного” языкового материала» [Караулов 1991: 85], поэтому работ, посвященных проблемам арго деклассированных элементов, было не очень много. В настоящее время эта тема стала актуальной, к ней вырос интерес и появилось много работ, монографий и диссертационных исследований, затрагивающих разные аспекты данной проблемы: работы Ю.К. Александрова, Ю.А. Алферова, Д.С. Балдаева, Е.И. Бегловой, В. Быкова, Г.С. Виноградова, Т.Г. Голощаповой, Л.М. Городина, М.А. Грачева, А.И. Гурова, Е.Н. Гуц, О.П. Дубягиной, Ю.П. Дубягина, К.А. Егiazарян, В.С. Елистратова, О.П. Ермаковой, Л.А. Захаровой, З.М. Зугумова, Л.К. Ланцовой, Г.М. Лисиной, Т.Г. Никитиной, В.Ф. Пирожкова, А.А. Платоновой, Е.В. Прокутиной, В.А. Саляева, Е.Г. Тонковой, Н.В. Хорошевой, В.С. Хукка, А.В. Цыбулевской, В.Н. Чалидзе, О.В. Черiан и др.

Многие исследователи занимаются разработкой современных молодежных арго и интернет-сленга, из которых активно пополняется арготический вокабуляр: [Береговская 2007], [Войнова 2022], [Го Цзини 2023], [Захарова, Шуваева 2014], [Кудрявцева 2023], [Никитина 1998, 2006], [Ретинская 2022a, 2022b], [Ретинская, Кузьмина 2020], [Скворцов 1964], [Химик 2004] и др. Интернет-коммуникация пользуется чрезвычайной популярностью у школьников и студентов. В молодежной среде создается специальный язык, своеобразное арго – сетевой сленг для общения в интернет-пространстве. Интернет-сленг имеет особенность постоянно и стремительно изменяться, развиваться и становиться все разнообразнее. В этой среде происходит непрерывающееся создание новой арготической лексики. Молодежные объединения являются ядром «городского арго», по меткому замечанию В.С. Елистратова [Елистратов 1995: 156-157]. Однако у этого процесса есть как положительные, так и отрицательные стороны, в частности, исследователи отмечают стремительное падение уровня грамотности среди молодежи, пользователей интернет-ресурсов.

Понятия «арго», «жаргон», «сленг», «социальный диалект» в современной лингвистической литературе у разных авторов трактуются неоднозначно. В настоящее время существует достаточно большое количество толкований этих терминов, зачастую противоречащих друг другу. В зарубежном и отечественном языкознании широко распространены данные термины, но в разных языках они имеют свои особенности, связанные с историко-культурными традициями народов, и интерпретируются по-разному. На данном этапе отсутствуют общепринятые дефиниции этих понятий: арго, жаргон и сленг. Недостаточная изученность этой группы лексики, а также их подвижность в языке –

способность «мигрировать» из одной лексической группы в другую – отражается и в непоследовательности их толкования в специальной литературе, а это приводит к тому, что часто они используются как синонимичные исследователями и составителями словарей.

При выборе термина для наименования определенного варианта социального диалекта, например, профессиональной речи, приходится учитывать, что в отечественной арготологии термины «профессиональное аргю», «жаргон», «профессиональный говор», «несмотря на все попытки их разграничить, употребляются как синонимы» [Береговская 2004: 205]. Понятия «арго» и «жаргон» используются также как синонимы при описании некодифицированного лексического репертуара любой социальной группы (см., например, работу Б.А. Ларина [Ларин 2003]). В процессе выбора исследователем терминологических наименований и их дублетов принимается во внимание еще один нюанс: «<...> за каждым из терминов стоит либо определенный ракурс взглядов на язык (стилистический, социологический и т.д.), либо определенная национальная традиция (арго – французская традиция, сленг – англоязычная)» [Елистратов 1995: 10].

Говоря об условности терминов «арго», «жаргон» и др., академик Д.С. Лихачев справедливо полагал, что «исследователи различных стран, эпох и направлений выделяют ими всегда однородную, определенную группу языковых явлений». «Мы безошибочно можем выделить арготические слова в языке самых разнообразных социальных групп: ремесленников, моряков, нищих, солдат, учащихся. Мы безошибочно отличим их от технических выражений, от терминов и никогда не назовем аргю – специальный язык инженеров, ученых, техников, квалифицированных рабочих». Ценно и еще одно замечание Д.С. Лихачева: «Арготические явления замечательны тем, что даже никогда не задумавшийся над языковыми процессами человек легко и безошибочно выделит и отличит их и в своей, и в чужой речи» [Лихачев 1964: 331-332].

Проанализировав и сопоставив разные точки зрения лингвистов на проблему статуса и характеристики трех понятий: «арго», «жаргон» и «сленг» – можно сделать некоторые выводы и наметить различия между тремя лингвистическими терминами.

Самым строгим и узким термином представляется аргю как закрытый код профессиональных или социальных групп. Слово пришло из преступного криминального мира (воры, мошенники и др.) и некоторых закрытых профессиональных сообществ прошлого (бродячих торговцев, офеней-коробейников, ремесленников-отходников и др.), противопоставляющих себя обществу. Кроме того, надо иметь в виду, что именно в этих сообществах в прошлом создавались и функционировали «тайные языки». Система была

максимально закрытой для непосвященных. Главная функция у арго – конспиративная (скрыть смысл).

Итак, арго – это тайный, искусственный язык определенной замкнутой социальной или профессиональной группы, созданный для сокрытия смысла высказывания от посторонних.

При определении понятия «арго» нужно учитывать тот факт, что в арготологии сформировалось две трактовки этого понятия – узкая и широкая. Эти разные, можно сказать, противоположные подходы отмечает в своей работе Г.М. Лисина: «Узкая трактовка основывается на ограничении его носителей, так В.Д. Бондалетов причисляет к ним лишь торговцев, ремесленников, нищих. В широком понимании арго приравняется к социальному диалекту (спортивное, картежное, театральное и др. виды). В определении термина мы придерживаемся понимания В.М. Жирмунского и М.А. Грачева, считающих арго лексикой деклассированных элементов. Язык арго является синонимом так называемого “воровского языка”. Это профессиональный жаргон деклассированных (нищих, бродяг, воров) и некоторых связанных с ними общественных групп (бродячих торговцев и ремесленников и др.). Важнейшим семантическим признаком арго является полная или частичная зашифрованность/затемненность внутренней формы, иногда характеризующаяся как “тайнопись”» [Лисина 2021b: 4]. «Дифференцирующим признаком арго, отличающим его от других социолектов, является то, что этот пласт представляет собой наиболее закрытую, с частично или полностью зашифрованной внутренней формой лексику, которую в большинстве своем используют только деклассированные элементы. <...> Арготизмы в речи его носителей отличаются большим набором специфических функций: конспиративной, идентифицирующей, мировоззренческой, номинативной, опознавательной, игровой, псевдоэстетической и пр.» [Лисина 2021b: 5–6].

Однако другая группа исследователей, придерживаясь широкого взгляда на арго, считает его вполне нейтральным языком общения представителей определенных, ограниченных по составу профессиональных, социальных или возрастных групп населения, состоящим из произвольно избираемых, своеобразно освоенных (в смысловом и словообразовательном отношении) элементов общеупотребительной лексики одного или нескольких естественных языков, широко включающим иноязычные элементы (цыганские, немецкие, английские, польские, новогреческие и др.). Надо подчеркнуть, что и при широком понимании арго основной функцией всех его разновидностей остается конспиративная функция – быть средством обособления, отделения данной группы от остальной части

общества в целях конспирации (для сохранения «тайн» своей профессии и свободной беседы «между собой» в присутствии «чужих» людей и т.п.).

О.С. Ахманова в своем «Словаре лингвистических терминов», определяя термин «арго», подчеркивает его нейтральный характер: «АРГО́ англ. *slang*, фр. *argot*, нем. *Sondersprache*, исп. *jerga*. То же, что жаргон; в отличие от последнего, термин арго лишен пейоративного, уничижительного значения. *Арго артистическое. Арго военное. Арго воровское. Арго картежное. Арго профессиональное. Арго спортивное. Арго школьное*» [Ахманова 1966: 53].

Арготизмы могут проникать в литературный язык и становиться его частью, особенно если они широко используются в обществе. Арготизмы, перешедшие в общеупотребительный язык и используемые в общей речи, «как правило, семантически преобразуются, теряя связи с источником и естественной средой бытования, но при этом могут сохранять яркую экспрессивную окраску. Ср., напр., *тусовка, тусоваться* (о встрече, о собрании “своих”), *на ушах стоять* (шуметь, веселиться), *на халяву, халявщик* (за чужой счет, задаром) и т.п. Многие из старых арготизмов оторвались от арготической почвы, и их бывшие связи восстанавливаются лишь в результате специальных исследований (напр., *двурушник, на пушку брать, втирать очки, для мебели, темнить, стоять на стрёме, липовый, на мази* и т.п.)» [Скворцов 1977: 36-37].

«В языке художественной литературы арготизмы применяются как средство стилистической характеристики, главным образом в речи персонажей, а также в авторской речи при т.н. сказовой манере повествования или для реалистического изображения соответствующей обстановки, деталей лагерного быта и др. Арготизмы используются переводчиками для адекватной передачи просторечно-жаргонной стихии другого языка» [Скворцов 1977: 37]. Например, в новелле В. Каверина «Большая игра» приводятся диалоги карточных игроков с использованием профессиональных арготизмов: «Играем, брат, на гранд... – Пожалуйста шеперочку! – А ну-ка, натянем чижики! – Просадил, – сказал банкомет, бросая карты на стол» (*гранд* – крупная сумма денег, *шеперочка* – взятка).

В научной литературе предлагаются разные классификации арготизмов русского языка, функционирующие в социальных или профессиональных группах и построенные на разных основаниях и принципах: по социальным и профессиональным группам, по тематическим группам, по происхождению, по сфере употребления, по выполняемым функциям, по стилистической окраске, по степени открытости, по нормативности и др.

Чаще всего арготизмы классифицируют по социальным или профессиональным группам, которые их порождают и используют. Границы между этими разновидностями арготизмов очень подвижны. Слово из уголовного арготизма (например, *тусовка*) может перейти в молодёжное арготизм, а из него — в общеразговорную речь. Слово из профессионального арготизма (например, *ангрейд*) становится понятным почти всем.

Во многих случаях авторы классификаций подробно распределяют анализируемые арготизмы по тематическим группам. Так, в работе Т.А. Бушуй представлено 15 функционально-тематических групп коммуникативных арготизмов русского языка, которые имеют разные способы образования:

1) арготизмы в речи заключённых (другое название для тюремных арготизмов — «блатная музыка», «феня» или «блатной жаргон»): *антрацит* — хлеб, кокаин; *шаронка* — куртка; *бачить* — смотреть; *вальнуть* — убить; *маза* — заступничество; *кинуть* — обмануть;

2) арготизмы молодёжной, студенческой речи: *телега* — преподаватель; *чувырла* — некрасивая девушка; *шуба* — декан; *парафинить* — позорить; *коза* — секретарь в деканате; *завалить* — не сдать экзамен; *засветиться* — показать шпаргалку; *врубаться* — понимать; *музон* — музыка; *отвали* — отстань;

3) арготизмы молодых людей, состоящих в неофициальных группировках: *прокатит* — все получится; *гасить* — бить, завалиться, хряпнуть; *шваркнуть* — ударить; *баиню сносит* — сходить с ума; *кайф ловить* — наслаждаться; *классно, клево* — хорошо; *дерябнуть* — выпить; *бухать* — пить; *врубаться* — понимать; *заценить* — оценить; *драпать* — убегать; *дубак* — холод; *отвали* — отстань; *блат* — связи, использующиеся в корыстных целях, либо общее название преступного; *кидать* — обокрасть, обмануть; *мандраж* — испуг;

4) арготизмы деклассированных элементов: *клюквенник* — заменяющий наименование вора, специализирующегося по кражам в церкви; *жук* — заменяющий слово вор; *блатарь* — профессиональный преступник; *кобурищик* — преступник, совершающий кражи при помощи подкопа или тайного хода;

5) арготизмы, обозначающие жертв преступников (жертв преступлений): *фрайер*; *фрайер ушастый*; *штымп*; *олень*; *штылет батайский*;

6) арготизмы, обозначающие оружие преступников и орудия преступлений: *перо* — нож; *ника* — заостренный металлический предмет, используемый преступным миром в качестве оружия; *фигура*, *игрушка* — револьвер; *балерина* — отмычка; *маслина* — пуля; *масленок с маслятами* — пистолет с патронами;

7) арготизмы, обозначающие наименования преступлений: *взлом с кабуром* – ограбление помещения с прокладкой тайного хода, *покупка* – кража, *рыхта* – подготовка к преступлению;

8) арготизмы, обозначающие наименования преступных действий: *дуплить* – избивать; *заделать* – убить; *выжарить* – изнасиловать; *обчистить* – обокрасть; *навести* – указать на объект преступления;

9) арготизмы – обозначения представителей правоохранительных органов: *вертухай* – надзиратель в местах лишения свободы; *митрополит* – председатель суда; *мильтон* – милиционер; *кум*, *мент*, *крючок* – представитель правоохранительных органов; *хозяин* – начальник исправительно-трудового учреждения;

10) арготизмы, обозначающие наименования мест лишения свободы: *взросляк* – место лишения свободы, где отбывают наказание совершеннолетние преступники; *дача*, *курорт* – место лишения свободы; *кича*, *кичеван* – тюрьма; *исправилка* – исправительно-трудовая колония;

11) арготизмы, обозначающие наименования предметов тюремного обихода: *намордник* – решетка на окне; *браслеты* – наручники; *пайка* – хлебный паек, который выдается в местах лишения свободы; *параша* – емкость для нечистот и испражнений в местах лишения свободы;

12) арготизмы, обозначающие наименования людей по их социальной, профессиональной, возрастной и психологической характеристике: *оголец* – подросток; *бобик* – ничтожный человек; *жлоб* – жадный человек; *заочница* – женщина, с которой осужденный познакомился заочно, по переписке; *валет* – дурак;

13) арготизмы, обозначающие наименования частей тела человека: *гребка* – рука, *маркоташки*, *буфера* – женские груди; *копыто* – нога; *маска* – лицо; *рубильник* – нос;

14) арготизмы, обозначающие наименования денег и драгоценностей: *горячий камешек* – драгоценный камень; *капуста* – деньги; *кол* – один рубль; *косая* – сто рублей; *кусок* – тысяча рублей;

15) арготизмы, обозначающие наименования спиртного и наркотиков: *гарь* – спиртной напиток; *травка*, *план* – наркотик гашиш; *джеф* – наркотик морфий; *колеса* – наркотики в виде таблеток; *пузырь Петрович* – бутылка водки [Бушуй 2023: 14–16].

«Остальные группы немногочисленны. <...> Наличие и количество арготизмов в речи зависит, главным образом, от непосредственной ситуации общения. Все ситуации общения с использованием арготизмов можно разделить на две большие категории: ситуации, связанные с

профессиональной деятельностью арготирующих, и ситуации, в которых арготирующие хотят сохранить в тайне предмет общения» [Бушуй 2023: 16].

Работа по фиксации и инвентаризации арготизмов, их лексикографированию ведется специалистами во многих странах и регионах мира, в том числе в Российской Федерации: созданы словари арготизмов, отражающие общий состав арготической лексики [Грачев 1997, 2003; Елистратов 2000], словари арготизмов, распространенных на определенной территории, в частности, словарь московского арго [Елистратов 1994], словари арготизмов, заимствованных из других языков [Баранников 1931; Дмитриев 1931], словари молодежного арго [Ретинская 2022а], словари арготизмов, включающие лексику разных социальных групп [Бен-Яков 1982; Грачев 1992].

Ключевые слова: арго, жаргон, сленг, диалект, идиолект, социолект, арготизмы, жаргонизмы, сленгизмы, социолектизмы, диалектизмы, арготическая лексика, заимствование, словари арго.

Keywords: argot, jargon, slang, dialect, idiolect, sociolect, argotisms, jargonisms, slangisms, sociolectisms, dialectisms, argotic vocabulary, borrowing, argot dictionaries.

ЛИТЕРАТУРА

- Андреев В. Н. (2013) Словообразовательные и семантические изменения заимствований из английского языка в русском субстандарте (на материале арго) // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. № 5 (1). С. 364–366.
- Ахманова О. С. (1966) Словарь лингвистических терминов. М.: Сов. энциклопедия. 608 с.
- Балли Ш. (1961) Французская стилистика. М.: Изд-во иностр. лит. 394 с.
- Баранников А. П. (1931) Цыганские элементы в русском воровском арго // Язык и литература. Т. 7. С. 139–158.
- Бен-Яков Б. (1982) Словарь арго ГУЛАГа. Frankfurt am Main: Posev-Verlag. 149 с.
- Береговская Э. М. (2004) Пятиаспектный анализ профессиональных арго: (На материале арго французских авто- и мотогонщиков) // Социальные варианты языка–III. Н. Новгород: Изд-во НГЛУ. С. 205–209.
- Береговская Э. М. (2007) Языковая игра в русском молодежном арго // Риторика в свете современной лингвистики. Смоленск: Изд-во СмолГУ. С. 9–11.
- Береговская Э. М. (2008) Языковая картина мира в арго французских шахтеров // Проблемы социального разноречия. Вып. 2. Смоленск: Изд-во СмолГУ. С. 94–106.
- Береговская Э. М. (2011) Изучение французского арго в России // Французская арготология в России. Смоленск: Изд-во СмолГУ. С. 5–10.
- Бодуэн де Куртенэ И. А. (1963) «Блатная музыка» В.Ф. Трахтенберга // Избр. тр. по общему языкознанию. Т. 2. М.: Изд-во Акад. наук СССР. С. 161–162.
- Бондалетов В. Д. (1967) Заимствования из германских языков в лексике русских условно-профессиональных арго // Язык и общество. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та. С. 226–234.
- Бондалетов В. Д. (1974) Условные языки русских ремесленников и торговцев (условные языки как особый тип социальных диалектов). Вып. 1. Рязань: Изд-во Ряз. гос. пед. ин-та. 110 с.
- Бондалетов В. Д. (1982) Греческие заимствования в русских, украинских, белорусских и польских арго // Этимология. М. С. 64–79.

- Бондалетов В. Д. (1990) Иноязычная лексика в русских аргю. Куйбышев: Изд-во Куйбыш. пед. ин-та. 114 с.
- Бондалетов В. Д. (1991) Тюркские заимствования в русских аргю. Самара: Изд-во СГПИ. 100 с.
- Бондалетов В. Д. (1992) Финно-угорские заимствования в русском языке. Самара: Изд-во СамГПИ. 160 с.
- Бондалетов В. Д. (2004) Арготическая лексика в словарях русского языка // Бондалетов В.Д. В.И. Даль и тайные языки в России. М.: Флинта: Наука. С. 180–238.
- Бондалетов В. Д. (2006) Арготические изолексы: пензенские аргю, их сходство и различия // Лексика и лексикография. Вып. 17. М.: Отд. ист.-филол. наук РАН; ОрелГТУ. С. 22–32.
- Бондалетов В. Д. (2007) Греческие существительные и их производные в русских аргю // Лексика и лексикография. Вып. 18. М.: Отд. ист.-филол. наук РАН; ОрелГТУ. С. 29–38.
- Бондалетов В. Д. (2008) Офенский язык в Ульяновской области // Лексика и лексикография. Вып. 19. М.: Отд. ист.-филол. наук РАН; ОрелГТУ. С. 39–63.
- Бондалетов В. Д. (2009) «Латынский» условный язык в Мордовии // Лексика и лексикография. Вып. 20. М.: Отд. ист.-филол. наук РАН; ОрелГТУ. С. 40–62.
- Бушуй Т. (2023) Когнитивные особенности функционально-тематических групп арготизмов русского языка // Традиции и инновации в исследовании и преподавании языков. Вып. №1 (1). С. 12–17.
- Быков В. (1994) Русская феня. Смоленск: Изд-во ТРАСТ-ИМАКОМ. 224 с.
- Войнова Н. В. (2022) Заимствования из традиционного аргю как источник формирования французского общего молодежного аргю // Известия Саратовского университета. Серия: Филология. Журналистика. Т. 22, вып. 1. С. 30–36.
- Высоцкая А. С. (2024) Модель системного описания арготизмов, инкорпорированных в ткань художественного текста: (На материале романа Клод Изнер «Sang dessus dessous») // Филологические науки. Вопросы теории и практики. № 17 (2). С. 273–280.
- Го Цзини (2023) Интернет-сленг в виртуальном общении как языковой феномен // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Т. 16, вып. 4. С. 1082–1088.
- Грачев М. А. (1986) Русское дореволюционное аргю 1861–1917 гг.: Дисс. ... канд. филол. наук. Горький. 295 с.
- Грачев М. А. (1992) Язык из мрака: блатная музыка и феня. Словарь арготизмов. Н. Новгород: Флокс. 207 с.
- Грачев М. А. (1994) Об этимологии в русском аргю // Русская речь. № 4. С. 67–70.
- Грачев М. А. (1995) Происхождение и функционирование русского аргю: Автореф. дисс. ... д-ра филол. наук. СПб. 35 с.
- Грачев М. А. (1996) Как появляются арготизмы в нашей речи // Русская речь. № 4. С. 67–72.
- Грачев М. А. (1997) Русское аргю. Н. Новгород: НГЛУ им. Н.А. Добролюбова. 245 с.
- Грачев М. А. (2003) Словарь тысячелетнего русского аргю: 27000 слов и выражений. М.: Рипол-Классик. 1120 с.
- Грачев М. А., Мокиенко В. М. (1995) Русский жаргон. Историко-этимологический словарь. М.: АСТ-Пресс Книга. 336 с.
- Дмитриев Н. К. (1931) Турецкие элементы в русском аргю // Язык и литература. Т. 7. С. 159–179.
- Дьячок М. Т., Шаповал В. В. (2009) Русские арготические этимологии. Режим доступа: <https://www.bibliofond.ru/view.aspx?id=75860>. Дата обращения: 16.05.2025.
- Елистратов В. С. (1993) Аргю и культура (на материале современного московского аргю): Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. М. 22 с.
- Елистратов В. С. (1994) Словарь московского аргю (материалы 1980–1994 гг.). М.: Рус. словари. 700 с.
- Елистратов В. С. (1995) Аргю и культура. М.: Изд-во МГУ. 232 с.

- Елистратов В. С. (2000) Словарь русского арго: материалы 1980–1990 гг. М.: Рус. словари. 694 с.
- Жирмунский В. М. (1936) Национальный язык и социальные диалекты. Л.: Худож. лит. 296 с.
- Журавлев А. Ф. (2001) Иноязычные заимствования в русском арго // Русский язык в научном освещении. № 1 (1). С. 106–124.
- Захарова Л. А., Шуваева Л. А. (2014) Словарь молодежного сленга (на материале лексикона студентов Томского государственного университета): учеб.-методич. пособие. Томск: Изд-кий дом Томского гос. ун-та. 126 с.
- Караулов Ю. Н. (1991) О состоянии русского языка современности: Доклад на конф. «Русский язык и современность. Проблемы и перспективы развития русистики». М.: [Б. и.]. 65 с.
- Крысин Л. П. (1968) Иноязычные слова в современном русском языке. М.: Наука. 208 с.
- Кудрявцева Н. А. (2023) Англоязычные заимствования как источник формирования французского молодежного арго // Известия Саратовского университета. Серия: Филология. Журналистика. Т. 23, вып. 4. С. 346–351.
- Ларин Б. А. (1931) Западноевропейские элементы русского воровского арго // Язык и литература. Т. 7. С. 113–130.
- Ларин Б. А. (2003) Западноевропейские элементы русского воровского арго // Ларин Б.А. Филологическое наследие: Сб. статей. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та. С. 314–326.
- Лисина Г. М. (2021a) Арготизмы заимствованного происхождения в русском языке: Дисс. ... канд. филол. наук. Казань. 232 с.
- Лисина Г. М. (2021b) Арготизмы заимствованного происхождения в русском языке: Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Казань. 20 с.
- Лихачев Д. С. (1964) Арготические слова профессиональной речи // Развитие грамматики и лексики современного русского языка. М. С. 311–359.
- Марузо Ж. (1960) Словарь лингвистических терминов. М: Изд-во иностранной литературы. 436 с.
- Никитина Т. Г. (1998) Так говорит молодежь: Словарь молодежного сленга. 2-е изд., испр. доп. СПб: Фолио-Пресс. 587 с.
- Никитина Т. Г. (2003) Словарь молодежного сленга (Материалы 1980–2000 гг.). 3-е изд., испр. и доп. СПб: Фолио-Пресс. 704 с.
- Никитина Т. Г. (2006) Региональный фразеологический компонент молодежного жаргона // Слово в словаре и дискурсе: Сб. научн. ст. к 50-летию Харри Вальтера. М.: ООО «Изд-во “ЭЛПИС”». С. 743–745.
- Орлова Н. О. (2004) Сленг vs жаргон: проблема дефиниции // Ярославский педагогический вестник. № 3 (40). С. 36–39.
- Ретинская Т. И. (2010) Синонимика как компонент полиаспектного анализа французских профессиональных арго // Вестник Волгоградского государственного университета. № 2 (12). С. 131–136.
- Ретинская Т. И. (2013a) Арго французских булочников и кондитеров // Риторика в свете современной лингвистики. Смоленск: Изд-во СмолГУ. С. 86–89.
- Ретинская Т. И. (2013b) Арго французских отельеров и рестораторов // Риторика. Лингвистика. Вып. 10. Смоленск: Изд-во СмолГУ. С. 305–310
- Ретинская Т. И. (2022a) Словарь арго французской учащейся молодежи. 3-е изд. М.: ЛЕНАНД. 168 с.
- Ретинская Т. И. (2022b) Французское молодежное арго: Опыт анализа механизмов словотворчества: Уч. пособие. Орел: Изд-во ОГУ им. И.С. Тургенева. 163 с.
- Ретинская Т. И. (2023a) Французские профессиональные арго: Социолингвистический и функционально-стилистический анализ: Монография. 2-е изд., доп. М.: ЛЕНАНД. 288 с.

- Ретинская Т. И. (2023b) Семантическая характеристика компонентов неконвенционального лексического континуума. Орел: Изд-во ОГУ им. И.С. Тургенева. 89 с.
- Ретинская Т. И., Кузьмина О. А. (2020) Системные механизмы арготического словопреобразования: (На материале новейшего синхронического среза французского молодежного арготизма) // Вестник Удмуртского университета. Серия: История и филология. Т. 30, вып. 6. С. 1031–1036.
- Руденко М. Ю. (2016) Исследование арготизмов, жаргона и сленга: вопросы терминологии // Филологические науки. Вопросы теории и практики. № 5, ч. 3. С. 127–134.
- Русский язык: Энциклопедия (2003) / Под ред. Ю.Н. Караулова. Репринт. изд. М.: Большая рос. энцикл. 704 с.
- Русский язык: Энциклопедия (2020) / Под общ. ред. А.М. Молдована. 3-е изд., перераб. и доп. М.: АСТ-Пресс: Школа. 904 с.
- Салеев В. А. (2010) Карнавальная разгерметизация арготизмов как предпосылка формирования сленга // Вестник Нижегород. ун-та им. Н.И. Лобачевского. № 2. С. 286–291.
- Скворцов Л. И. (1964) Об оценках языка молодежи (Жаргон и языковая политика) // Вопросы культуры речи. Вып. 5. М. С. 45–70.
- Скворцов Л. И. (1966) Жаргонная лексика в языке современной художественной литературы // Вопросы культуры речи. Вып. 7. М. С. 142–163.
- Скворцов Л. И. (1972) Профессиональные языки, жаргоны и культура речи // Русская речь. № 1. С. 48–59.
- Скворцов Л. И. (1977) Литературный язык, просторечие и жаргоны в их взаимодействии // Литературная норма и просторечие. М.: Изд-во «Наука». С. 29–57.
- Скворцов Л. И. (1997) Арготизмы // Русский язык: Энциклопедия (1997) / Гл. ред. Ю.Н. Караулов. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Большая рос. энциклопедия; Дрофа. С. 36–37.
- Стратен В. В. (1931) Арготизмы // Тр. Комиссии по русскому языку АН СССР. Т. I. Л. С. 111–148.
- Татищев И. (1839) Всеобщий французско-русский словарь, составленный по изданиям Раймонда, Нодье, Боаста и Французской академии Иваном Татищевым. Изд. 3-е. Т. I. М. 651 с.
- Толль Ф. Г. (1863) Настольный словарь для справок по всем отраслям знаний / Под ред. Ф. Толля и В. Зотова. Т. I. СПб. 800 с.
- Трахтенберг В. Ф. (1908) Блатная музыка («жаргон» тюрьмы). СПб.: Тип. А.Г. Розена. 129 с.
- Тулегенов В. В. (2003) Криминальная субкультура и ее криминологическое значение: Дисс. ... канд. филол. наук. Ростов н/Д. 228 с.
- Фридман М. М. (1931) Еврейские элементы «блатной музыки» // Язык и литература. Т. 7. С. 131–138.
- Химик В. В. (2004) Язык современной молодежи // Современная русская речь: состояние и функционирование. СПб.: СПбГУ. С. 7–66.
- Шанский Н. М. (1963) Этимологический словарь русского языка. Том I. Выпуск 1: А. М.: Изд-во Московского университета. 196 с.
- Шарандина Н. Н. (2000) Арготическая лексика в функциональном аспекте: Дисс. ... канд. филол. наук. Тамбов. 231 с.
- Шахнарович А. М. (1990) Арготизмы // Лингвистический энциклопедический словарь / Гл. ред. В.Н. Ярцева. М.: Сов. энциклопедия. С. 43.
- Шейн П. В. (1899) К вопросу об условных языках // Известия ОРЯС. Т. IV, кн.1. СПб. С. 277–300.
- Юганов И., Юганова Ф. (1994) Русский жаргон 60–90-х годов. Опыт словаря. М: Помовский и партнеры. 318 с.
- Якович Т. Н. (2010) Социолектизмы в толковых словарях русского языка // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. № 4 (2). С. 808–810.

- Alliot D. (2004) *Chier dans le cassetin aux apostrophes... et autres trésors du vert langage des enfants de Gutenberg*. P. : Éds Horay. 188 p.
- Alliot D. (2009) *Larlépem-vous louchéhem ? L'argot des bouchers*. P. : Éds Horay. 93 p.
- Boutmy E. (1874) *Les typographes parisiens, suivi d'un petit dictionnaire de la langue verte typographique*. P. : Chez l'Auteur. 52 p.
- Chautard É. (1931) *La vie étrange de l'argot*. P. : Denoël et Steele. 720 p.
- Cohen M. (1919) Note sur l'argot // *Bulletin de la Société de Linguistique de Paris*. T. XXI (1918–1919). Pp. 132–147.
- Dauzat A. (1917) *Les argots de métiers franco-provençaux*. P. : Champion. 268 p.
- Dauzat A. (1946) *Les argots: Caractères. Évolution. Influence*. P. : Delagrave. 189 p.
- Gouget E. (1892) *L'argot musical. Curiosités anecdotiques et philologiques*. P. : Librairie Fischbacher. 431 p.
- Niceforo A. (1912) *Le Génie de l'Argot. Essai sur les langages spéciaux, les argots et les parlers magiques*. P. : Mercure de France. 277 p.
- Retinskaya T.I., Ponchon T. French argotology in Russia in the first quarter of the 21st century // *Sociolinguvistika*. 2024. no. 3 (19). Pp.135–146. DOI: 10.37892/2713-2951-3-19-135-146
- Sainéan L. (1920) *Le langage parisien au XIXe siècle*. P. : E. de Boccard Éditeur. 590 p.
- Van Gennep A. (1908) *Linguistique et sociologie. II. Essai d'une théorie des langues spéciales* // *Revue des études ethnographiques et sociolinguistiques*. P. : Librairie Paul Geuthner. Pp. 327–337.

REFERENCES

- Ahmanova, O.S. (1966) *Slovar' lingvisticheskikh terminov* [Dictionary of linguistic terms]. Moscow: Sovetskaia entsiklopediia. 608 p. (In Russian).
- Alliot, D. (2004) *Chier dans le cassetin aux apostrophes... et autres trésors du vert langage des enfants de Gutenberg*. Paris : Éditions Horay. 188 p. (In French).
- Alliot, D. (2009) *Larlépem-vous louchéhem ? L'argot des bouchers*. Paris : Éditions Horay. 93 p. (In French).
- Andreev, V.N. (2013) Slovoobrazovatel'nye i semanticheskie izmeneniia zaimstvovaniia iz anglijskogo iazyka v russkom substandarte (na materiale argo) [Word-formation and semantic changes in borrowings from English in the Russian substandard (based on argot)]. *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo* [Bulletin of the Lobachevsky University of Nizhny Novgorod]. no. 5 (1), pp. 364–366. (In Russian).
- Bally, Ch. (1961) *Frantsuzskaia stilistika* [French Stylistics]. Transl. from French. Ed. by E.G. Eitkind. Moscow: Izd-vo inostranoi literatury. 394 p. (In Russian).
- Barannikov, A.P. (1931) Tsyganskie elementy v russkom vorovskom argo [Gypsy elements in Russian thieves' argot]. *Iazyk i literatura* [Language and Literature]. Leningrad. Vol. 7, pp. 139–158. (In Russian).
- Baudouin de Courtenay, I.A. (1963) «Blatnaia muzyka» V.F. Trakhtenberga [«Thug Music» by V.F. Trakhtenberg]. *Izbrannye trudy po obshchemu iazykoznaniuu* [Selected Works on General Linguistics]. Vol. 2. Moscow: Izd-vo Akademii nauk SSSR, pp. 161–162. (In Russian).
- Ben-Yakov, B. (1982) *Slovar' argo GULAGa* [Dictionary of argot GULAG]. Frankfurt am Main: Posev-Verlag. 149 p. (In Russian).
- Beregovskaya, E.M. (2004) Piatiaspektnyi analiz professional'nykh argo: (Na materiale argo frantsuzskikh avto- i motogonchshchikov) [Five-aspect analysis of professional argot: (Based on the argot of French car and motorcycle racers)]. *Sotsial'nye varianty iazyka–III* [Social variants of language–III]. Nizhnii Novgorod: Izd-vo Nizhegorodskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta, pp. 205–209. (In Russian).
- Beregovskaya, E.M. (2007) Iazykovaya igra v russkom molodezhnom argo [Language game in Russian youth argot]. *Ritorika v svete sovremennoi lingvistiki* [Rhetoric in the light of modern

- linguistics]. Smolensk: Izd-vo Smolenskogo gosudarstvennogo universiteta, pp. 9–11. (In Russian).
- Beregovskaya, E.M. (2008) Iazykovaja kartina mira v argo frantsuzskikh shakhterov [The linguistic picture of the world in the argot of French miners]. *Problemy sotsial'nogo raznorechiia* [Problems of social heterogeneity]. Smolensk: Izd-vo Smolenskogo gosudarstvennogo universiteta. Iss. 2, pp. 94–106. (In Russian).
- Beregovskaya, E.M. (2011) Izuchenie frantsuzskogo argo v Rossii [Study of French argot in Russia]. *Frantsuzskaia argotologiya v Rossii* [French argotology in Russia]. Smolensk: Izd-vo Smolenskogo gosudarstvennogo universiteta, pp. 5–10. (In Russian).
- Bondaletov, V.D. (1967) Zaimstvovaniia iz germanskikh iazykov v leksike russkikh uslovno-professional'nykh argo [Borrowings from Germanic languages in the vocabulary of Russian conditionally professional argot]. *Iazyk i obshchestvo* [Language and Society]. Saratov: Izd-vo Saratovskogo universiteta, pp. 226–234. (In Russian).
- Bondaletov, V.D. (1974) *Uslovnye iazyki russkikh remeslennikov i torgovtsev (uslovnye iazyki kak osobyi tip sotsial'nykh dialektov)* [Conventional languages of Russian artisans and traders (conventional languages as a special type of social dialects)]. Riazan': Izd-vo Riazanskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo instituta. Iss. 1. 110 p. (In Russian).
- Bondaletov, V.D. (1982) Grecheskie zaimstvovaniia v russkikh, ukrainskikh, belorusskikh i pol'skikh argo [Greek borrowings in Russian, Ukrainian, Belarusian and Polish argots]. *Etimologiya* [Etymology]. Moscow, pp. 64–79. (In Russian).
- Bondaletov, V.D. (1990) *Inoiazychnaia leksika v russkikh argo* [Foreign language vocabulary in Russian argot]. Kuibyshev: Izd-vo Kuibyshevskogo pedagogicheskogo instituta. 114 p. (In Russian).
- Bondaletov, V.D. (1991) *Tiurkskie zaimstvovaniia v russkikh argo* [Turski loanwords in Russian argot]. Samara: Izd-vo Samarskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo instituta. 100 p. (In Russian).
- Bondaletov, V.D. (1992) *Finno-ugorskie zaimstvovaniia v russkom iazyke* [Finno-Ugric borrowings in the Russian language]. Samara: Izd-vo Samarskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo instituta. 160 p. (In Russian).
- Bondaletov, V.D. (2004) Argoticheskaya leksika v slovariakh russkogo iazyka [Argot vocabulary in Russian dictionaries]. In: *V.I. Dal' i tainye iazyki v Rossii* [V.I. Dal and secret languages in Russia]. Moscow: Flinta: Nauka, pp. 180–238. (In Russian).
- Bondaletov, V.D. (2006) Argoticheskie izoleksy: penzenskie argo, ikh skhodstvo i razlichia [Argotic isoleks: Penza argots, their similarities and differences]. *Leksika i leksikografiia* [Lexicon and lexicography]. Moscow: Otdelenie istoriko-filologicheskikh nauk RAN; Orlovskii gosudarstvennyi tekhnicheskii universitet. Iss. 17, pp. 22–32. (In Russian).
- Bondaletov, V.D. (2007) Grecheskie sushchestvitel'nye i ikh proizvodnye v russkikh argo [Greek nouns and their derivatives in Russian argot]. *Leksika i leksikografiia* [Lexicon and lexicography]. Moscow: Otdelenie istoriko-filologicheskikh nauk RAN; Orlovskii gosudarstvennyi tekhnicheskii universitet. Iss. 18, pp. 29–38. (In Russian).
- Bondaletov, V.D. (2008) Ofenskii iazyk v Ul'ianovskoi oblasti [Ofen language in the Ulyanovsk region]. *Leksika i leksikografiia* [Lexicon and lexicography]. Moscow: Otdelenie istoriko-filologicheskikh nauk RAN; Orlovskii gosudarstvennyi tekhnicheskii universitet. Vol. 19, pp. 39–63. (In Russian).
- Bondaletov, V.D. (2009) «Latynskii» uslovnyi iazyk v Mordovii [«Latin» conventional language in Mordovia]. *Leksika i leksikografiia* [Lexicon and lexicography]. Moscow: Otdelenie istoriko-filologicheskikh nauk RAN; Orlovskii gosudarstvennyi tekhnicheskii universitet. Iss. 20, pp. 40–62. (In Russian).
- Boutmy, E. (1874) *Les typographes parisiens, suivi d'un petit dictionnaire de la langue verte typographique*. Paris : Chez l'Auteur. 52 p. (In French).

- Bushui, T. (2023) Kognitivnye osobennosti funktsional'no-tematicheskikh grupp argotizmov russkogo iazyka [Cognitive features of functional-thematic groups of argotisms in the Russian language]. *Traditsii i innovatsii v iazykovykh issledovaniyakh i prepodavanii* [Traditions and innovations in language research and teaching]. Iss. 1 (1), pp. 12–17. (In Russian).
- Bykov, V. (1994) *Russkaia fenja* [Russian criminal slang]. Smolensk: TRAST-IMAKOM. 224 p. (In Russian).
- Chautard, É. (1931) *La vie étrange de l'argot*. Paris : Denoël et Steele. 720 p. (In French).
- Chimik, V.V. (2004) Iazyk sovremennoi molodezhi [The language of modern youth]. *Sovremennaiia russkaia rech': sostoianie i funktsionirovanie* [Modern Russian speech: state and functioning]. Saint Petersburg: Izd-vo Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo universiteta, pp. 7–66. (In Russian).
- Cohen, M. (1919) Note sur l'argot. *Bulletin de la Société de Linguistique de Paris*. Vol. 21, pp. 132–147. (In French).
- Dauzat, A. (1917) *Les argots de métiers franco-provençaux*. Paris : Champion. 268 p. (In French).
- Dauzat, A. (1946) *Les argots: Caractères. Évolution. Influence*. Paris : Delagrave. 189 p. (In French).
- Dmitriev, N.K. (1931) Turetskie elementy v russkom argo [Turkish elements in Russian argot]. *Iazyk i literatura* [Language and Literature]. Leningrad. Vol. 7, pp. 159–179. (In Russian).
- D'yachok, M.T., Shapoval, V.V. (2009) *Russkie argoticheskie etimologii* [Russian argot etymologies]. Available at: <https://www.bibliofond.ru/view.aspx?id=75860> Access date: 16.05.2025. (In Russian).
- Elistratov, V.S. (1993) *Argo i kul'tura (na materiale sovremennogo moskovskogo argo)* [Argot and culture (based on contemporary Moscow argot)]: Abstract of Candidate of Sciences (Philology) Dissertation. Moscow. 22 p. (In Russian).
- Elistratov, V.S. (1994) *Slovar' moskovskogo argo (materialy 1980-1994 gg.): Okolo 8000 slov, 3000 idiomaticheskikh vyrazhenii* [Dictionary of Moscow argot (materials from 1980–1994): About 8,000 words, 3,000 idiomatic expressions]. Moscow: Russkie slovari. 700 p. (In Russian).
- Elistratov, V.S. (1995) *Argo i kul'tura* [Argot and culture]. Moscow: Izd-vo Moskovskogo universiteta. 232 p. (In Russian).
- Elistratov, V.S. (2000) *Slovar' russkogo argo: Materialy 1980-1990 gg.: Okolo 9000 slov, 3000 idiomaticheskikh vyrazhenii* [Dictionary of Russian argot: Materials from the 1980s–1990s: About 9,000 words, 3,000 idiomatic expressions]. Moscow: Russkie slovari. 694 p. (In Russian).
- Fridman, M.M. (1931) Evreiskie elementy «blatnoi muzyki» [Jewish elements of «criminal music»]. *Iazyk i literatura* [Language and Literature]. Leningrad. Vol. 7, pp. 131–138. (In Russian).
- Go Czzini (2023) Internet-slang v virtual'nom obshchenii kak iazykovoi fenomen Interneta [Slang in Virtual Communication as a Linguistic Phenomenon]. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki* [Philology. Theory & Practice]. Vol. 16, iss. 4, pp. 1082–1088. (In Russian).
- Gouget, E. (1892) *L'argot musical. Curiosités anecdotiques et philologiques*. Paris : Librairie Fischbacher. 431 p. (In French).
- Grachev, M.A. (1986) *Russkoe dorevoliutsionnoe argo 1861-1917 gg.* [Russian pre-revolutionary argot of 1861-1917]: Dissertation of Candidate of Sciences (Philology). Gorky. 295 p. (In Russian).
- Grachev, M.A. (1992) *Iazyk iz mraka: blatnaia muzyka i fenya. Slovar' argotizmov* [Language from darkness: thieves' music and fenya. Dictionary of argotisms]. Nizhnii Novgorod: Floks. 207 p. (In Russian).
- Grachev, M.A. (1994) Ob etimologii v russkom argo [On etymology in Russian argot]. *Russkaia rech'* [Russian Speech]. no. 4, pp. 67–70. (In Russian).
- Grachev, M.A. (1995) *Proiskhozhdenie i funktsionirovanie russkogo argo* [Origin and functioning of Russian argot]: Abstract of Doctor of Philological Sciences Dissertation. Saint Petersburg. 35 p. (In Russian).

- Grachev, M.A. (1996) Kak poiavliaiutsia argotizmy v nashei rechi [How argotisms appear in our speech]. *Russkaia rech'* [Russian Speech]. no. 4, pp. 67–72. (In Russian).
- Grachev, M.A. (1997) *Russkoe argo* [Russian argot]. Nizhnii Novgorod: NGLU. 245 p. (In Russian).
- Grachev, M.A. (2003) *Slovar' tysiacheletnego russkogo argo: 27000 slov i vyrazhenii* [Dictionary of a thousand-year-old Russian argot: 27,000 words and expressions]. Moscow: Ripol-Klassik. 1120 p. (In Russian).
- Grachev, M.A., Mokienko, V.M. (1995) *Russkii zhargon. Istoriko-etimologicheskii slovar'* [Russian jargon. Historical and Etymological Dictionary]. Moscow: AST-Press Kniga. 336 p. (In Russian).
- Karaulov, Yu.N. (1991) *O sostoianii russkogo iazyka sovremennosti* [On the state of the modern Russian language: Report at the conference «Russian language and modernity. Problems and prospects for the development of Russian studies»]. Moscow. 65 p. (In Russian).
- Krysin, L.P. (1968) *Inoiazychnye slova v sovremennom russkom iazyke* [Foreign Words in Modern Russian]. Moscow: Nauka. 208 p. (In Russian).
- Kudryavtseva, N.A. (2023) Angloyazychnye zaimstvovaniia kak istochnik formirovaniia frantsuzskogo molodezhnogo argo [English-Language Borrowings as a Source for the Formation of French Youth Argot]. *Vestnik Saratovskogo universiteta. Seriya: Filologiya. Zhurnalistsika* [Bulletin of the Saratov University. Series: Philology. Journalism]. Vol. 23, iss. 4, pp. 346–351. (In Russian).
- Larin, B.A. (1931) Zapadnoevropeiskie elementy russkogo vorovskogo argo [Western European elements of the Russian thieves' argot]. *Iazyk i literatura* [Language and Literature]. Leningrad. Vol. 7, pp. 113–130. (In Russian).
- Larin, B.A. (2003) Zapadnoevropeiskie elementy russkogo vorovskogo argo [Western European elements of Russian thieves' argot]. In: *Filologicheskoe nasledie: Sbornik statei* [Philological heritage: Collection of articles]. Saint Petersburg: Izd-vo Sankt-Peterburgskogo universiteta, pp. 314–326. (In Russian).
- Likhachev, D.S. (1964) Argoticheskie slova professional'noi rechi [Argot words of professional speech]. *Razvitie grammatiki i leksiki sovremennogo russkogo iazyka* [Development of grammar and vocabulary of the modern Russian language]. Moscow, pp. 311–359. (In Russian).
- Lisina, G.M. (2021a) *Argotizmy zaimstvovannogo proiskhozhdeniia v russkom iazyke* [Argotisms of borrowed origin in the Russian language]: Dissertation of Candidate of Sciences (Philology). Kazan. 232 p. (In Russian).
- Lisina, G.M. (2021b) *Argotizmy zaimstvovannogo proiskhozhdeniia v russkom iazyke* [Argotisms of borrowed origin in the Russian language]: Abstract of Candidate of Sciences (Philology) Dissertation. Kazan. 20 p. (In Russian).
- Marouzeau, J. (1960) *Slovar' lingvisticheskikh terminov* [Dictionary of linguistic terms]. Transl. from French. Ed. by A.A. Reformat'skii. Moscow: Izd-vo inostrannoi literatury. 436 p. (In Russian).
- Niceforo, A. (1912) *Le Génie de l'Argot. Essai sur les langages spéciaux, les argots et les parlers magiques*. Paris : Mercure de France. 277 p. (In French).
- Nikitina, T.G. (1998) *Tak govorit molodezh': Slovar' molodezhnogo slenga* [That's what the young people say: a dictionary of youth slang]. 2nd ed. Saint Petersburg: Folio-Press. 587 p. (In Russian).
- Nikitina, T.G. (2003) *Slovar' molodezhnogo slenga (Materialy 1980-2000 gg.)* [Dictionary of youth slang (Materials from 1980-2000)]. 3rd ed. Saint Petersburg: Folio-Press. 704 p. (In Russian).
- Nikitina, T.G. (2006) Regional'nyi frazeologicheskii komponent molodezhnogo zhargona [Regional phraseological component of youth jargon]. *Slovo v slovare i diskurse: Sbornik nauchnykh statei k 50-letiiu Kharri Val'tera* [Word in dictionary and discourse: Collection of scientific articles for the 50th anniversary of Harry Walter]. Moscow: Izd-vo «ELPIS», pp. 743–745. (In Russian).

- Orlova, N.O. (2004) Sleng vs zhargon: problema definitsii [Slang vs jargon: the problem of definition]. *Iaroslavskii pedagogicheskii vestnik* [Yaroslavl Pedagogical Bulletin]. no. 3 (40), pp. 36–39. (In Russian).
- Retinskaya, T.I. (2010) Sinonimika kak komponent poliaspektnogo analiza frantsuzskikh professional'nykh argo [Synonymity as a component of the French professional argots polyaspectual analysis]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta* [Science Journal of Volgograd State University]. no. 2 (12), pp. 131–136. (In Russian).
- Retinskaya, T.I. (2013a) Argo frantsuzskikh bulochnikov i konditerov [Argot of French bakers and pastry chefs]. *Ritorika v svete sovremennoi lingvistiki* [Rhetoric in the light of modern linguistics]. Smolensk: Izd-vo Smolenskogo gosudarstvennogo universiteta, pp. 86–89. (In Russian).
- Retinskaya, T.I. (2013b) Argo frantsuzskikh otel'eroi i restoratorov [Argot of French hoteliers and restaurateurs]. *Ritorika. Lingvistika* [Rhetoric. Linguistics]. Smolensk: Izd-vo Smolenskogo gosudarstvennogo universiteta. Vol. 10, pp. 305–310. (In Russian).
- Retinskaya, T.I. (2022a) *Slovar' argo frantsuzskoi uchashcheisia molodezhi* [Dictionary of argot for French studying youth]. 3rd ed. Moscow: LENAND. 168 p. (In Russian).
- Retinskaya, T.I. (2022b) *Frantsuzskoe molodezhnoe argo: Opyt analiza mekhanizmov slovotvorchestva* [French youth argot: Experience in analyzing the mechanisms of word creation]: Textbook. Orel: Izd-vo Orlovskogo gosudarstvennogo universiteta. 163 p. (In Russian).
- Retinskaya, T.I. (2023a) *Frantsuzskie professional'nye argo: Sotsiolingvisticheskii i funktsional'no-stilisticheskii analiz* [French professional argot: A sociolinguistic and functional stylistic analysis]: Monograph. 2nd ed. Moscow: LENAND. 288 p. (In Russian).
- Retinskaya, T.I. (2023b) *Semanticheskaia kharakteristika komponentov nekonventsional'nogo leksicheskogo kontinuum* [Semantic characteristics of the components of the non-conventional lexical continuum]: Textbook. Orel: Izd-vo Orlovskogo gosudarstvennogo universiteta. 89 p. (In Russian).
- Retinskaya, T.I., Kuzmina, O.A. (2020) Sistemnye mekhanizmy argoticheskogo slovopreobrazovaniia: (Na materiale noveishego sinkhronicheskogo sreza frantsuzskogo molodezhnogo argo) [System mechanisms of argot word-formation: (Based on the latest synchronic stratum of the French youth argot)]. *Vestnik Udmurtskogo universiteta. Seriya Istoriia i filologiya* [Bulletin of Udmurt University. History and Philology Series]. Vol. 30, no. 6, pp. 1031–1036. (In Russian).
- Retinskaya, T.I., Ponchon, T. (2024) French argotology in Russia in the first quarter of the 21st century. *Sociolingvistika* [Sociolinguistics]. no. 3 (19), pp. 135–146. DOI: 10.37892/2713-2951-3-19-135-146
- Rudenko, M.Yu. (2016) Issledovanie argo, zhargona i slenga: voprosy terminologii [Study of argot, jargon and slang: issues of terminology]. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki* [Philology. Theory & Practice]. no. 5, part 3, pp. 127–134. (In Russian).
- Russkii iazyk: Entsiklopediia* (2003) [Russian language: Encyclopedia (2003)]. Ed. by Yu.N. Karaulov. Reprint ed. Moscow: Bol'shaia rossiiskaia entsiklopediia. 704 p. (In Russian).
- Russkii iazyk: Entsiklopediia* (2020) [Russian language: Encyclopedia (2020)]. Ed. by A.M. Moldovan. 3rd ed. Moscow: AST-Press: Shkola. 904 p. (In Russian).
- Sainéan, L. (1920) *Le langage parisien au XIXe siècle*. Paris : E. de Boccard Éditeur. 590 p. (In French).
- Salyaev, V.A. (2010) Karnaval'naia razgermetizatsiia argo kak predposylka formirovaniia slenga [Carnival depressurization of argot as a prerequisite for the formation of slang]. *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta* [Nizhny Novgorod University Bulletin]. no. 2, pp. 286–291. (In Russian).

- Shakhnarovich, A.M. (1990) Argo [Argot]. *Lingvisticheskii entsiklopedicheskii slovar'* [Linguistic Encyclopedic Dictionary]. Ed. by V.N. Yartseva. Moscow: Sovetskaia entsiklopediia, p. 43. (In Russian).
- Shanskii, N.M. (1963) *Etimologicheskii slovar' russkogo iazyka* [Etymological Dictionary of the Russian Language]. Vol. 1, iss. 1: A. Moscow: Izd-vo Moskovskogo universiteta. 196 p. (In Russian).
- Sharandina, N.N. (2000) *Argoticheskaya leksika v funktsional'nom aspekte* [Argot vocabulary in a functional aspect]: Dissertation of Candidate of Sciences (Philology). Tambov. 231 p. (In Russian).
- Shein, P.V. (1899) K voprosu ob uslovnykh iazykakh [On the issue of conventional languages]. *Izvestiia Otdeleniia russkogo iazyka i slovesnosti Imperatorskoi Akademii nauk* [Izvestia of Russian language and literature department]. Vol. 4, book 1. Saint Petersburg, pp. 277–300. (In Russian).
- Skvortsov, L.I. (1964) Ob otsenkakh iazyka molodezhi (Zhargon i iazykovaia politika) [On assessments of the language of youth (Jargon and language policy)]. *Voprosy kul'tury rechi* [Questions of speech culture]. Vol. 5. Moscow, pp. 45–70. (In Russian).
- Skvortsov, L.I. (1966) Zhargonnaia leksika v iazyke sovremennoi khudozhestvennoi literatury [Jargon vocabulary in the language of modern fiction]. *Voprosy kul'tury rechi* [Questions of speech culture]. Vol. 7. Moscow, pp. 142–163. (In Russian).
- Skvortsov, L.I. (1972) Professional'nye iazyki, zhargony i kul'tura rechi [Professional languages, jargons and speech culture]. *Russkaia rech'* [Russian Speech]. no. 1, pp. 48–59. (In Russian).
- Skvortsov, L.I. (1977) Literaturnyi iazyk, prostorechie i zhargony v ikh vzaimodeistvii [The interaction of literary language, vernacular and jargons]. *Literaturnaia norma i prostorechie* [Literary norm and vernacular]. Moscow, pp. 29–57. (In Russian).
- Skvortsov, L.I. (1997) Argo [Argot]. *Russkii iazyk: Entsiklopediia* (1997) [Russian language: Encyclopedia (1997)]. Ed. by Yu.N. Karaulov. 2nd ed. Moscow: Bol'shaia rossiiskaia entsiklopediia; Drofa, pp. 36–37. (In Russian).
- Straten, V.V. (1931) Argo i argotizmy [Argot and argotisms]. *Trudy Komissii po russkomu iazyku AN SSSR* [Proceedings of the Commission on the Russian Language of the USSR Academy of Sciences]. Vol. 1. Leningrad, pp. 111–148. (In Russian).
- Tatishchev, I. (1839) *Vseobshchii frantsuzsko-russkii slovar', sostavlennyi po izdaniiam Reimonda, Nod'e, Boista i Frantsuzskoi akademii Ivanom Tatishchevym* [General French-Russian dictionary, compiled from the publications of Raymond, Nodier, Boist and the French Academy by Ivan Tatishchev]. 3rd ed. Vol. 1. Moscow. 651 p. (In Russian).
- Toll', F.G. (1863) *Nastol'nyi slovar' dlia spravok po vsem otrasliam znaniia* [A Desk Dictionary for Reference on All Branches of Knowledge]. Ed. by F. Toll and V. Zotov. Vol. 1. Saint Petersburg. 800 p. (In Russian).
- Trakhtenberg, V.F. (1908) *Blatnaia muzyka («zhargon» tiur'my)* [Criminal music («jargon» of prison)]. Saint Petersburg: Tipografiia A.G. Rozena. 129 p. (In Russian).
- Tulegenov, V.V. (2003) *Kriminal'naia subkul'tura i ee kriminologicheskoe znachenie* [Criminal subculture and its criminological significance]: Dissertation of Candidate of Sciences (Philology). Rostov-na-Donu. 228 p. (In Russian).
- Van Gennepe, A. (1908) Linguistique et sociologie. II. Essai d'une théorie des langues spéciales. *Revue des études ethnographiques et sociolinguistiques*. Paris : Librairie Paul Geuthner, pp. 327–337. (In French).
- Voynova, N.V. (2022) Zaimstvovaniia iz traditsionnogo argo kak istochnik formirovaniia frantsuzskogo obshchego molodezhnogo argo [Borrowings from the traditional argot as a source of the formation of French commun youth argot]. *Izvestiia Saratovskogo universiteta. Filologiya. Zhurnalistskaia* [Izvestiya of Saratov University. Philology. Journalism]. Vol. 22, iss. 1, pp. 30–36. (In Russian).

- Vysotskaya, A.S. (2024) Model' sistemnogo opisanija argotizmov, inkorporirovannykh v tkan' khudozhestvennogo teksta: (Na materiale romana Claude Izner «Sang dessus dessous») [A model of a systematic description of argot units incorporated in the fabric of the literary text: (Based on the novel «Sang dessus dessous» by Claude Izner)]. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki* [Philology. Theory & Practice]. Vol. 17, no. 2, pp. 273–280. (In Russian).
- Yakovchits, T.N. (2010) Sotsiolektizmy v tolkovykh slovariakh russkogo iazyka [Sociolectisms in explanatory dictionaries of the Russian language]. *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo* [Bulletin of the Lobachevsky University of Nizhny Novgorod]. no. 4 (2), pp. 808–810. (In Russian).
- Yuganov, I., Yuganova, F. (1994) *Russkii zhargon 60-90-kh godov. Opyt slovaria* [Russian jargon of the 1960s–1990s. A dictionary essay]. Moscow: Pomovskii i partnery. 318 p. (In Russian).
- Zakharova, L.A., Shuvaeva, L.A. (2014) *Slovar' molodezhnogo slenga (na materiale leksikona studentov Tomskogo gosudarstvennogo universiteta)* [Dictionary of youth slang (based on the vocabulary of students of Tomsk State University): educational and methodological manual]. Tomsk: Izd-vo Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. 126 p. (In Russian).
- Zhirmunskii, V.M. (1936) *Natsional'nyi iazyk i sotsial'nye dialekty* [National language and social dialects]. Leningrad: Khudozhestvennaia literatura. 296 p. (In Russian).
- Zhuravlev, A.F. (2001) Inoiazychnye zaimstvovaniia v russkom argo [Foreign language borrowings in Russian argot]. *Russkii iazyk v nauchnom osveshchenii* [Russian language in scientific coverage]. no. 1 (1), pp. 106–124. (In Russian).

Т.И. Ретинская,

Орловский государственный университет
имени И.С. Тургенева

М.В. Орешкина,

Институт языкознания РАН

Ретинская Татьяна Ивановна – доктор филологических наук, доцент, зав. кафедрой романской филологии, руководитель Международной научно-исследовательской лаборатории «Проблемы социального и территориального разноречия» Орловского государственного университета имени И.С. Тургенева.

Адрес: 302026, Россия, г. Орел, ул. Комсомольская, 95.

Эл.адрес: tatret@mail.ru

<https://orcid.org/0000-0002-1369-1475>

Орешкина Мария Васильевна – кандидат филологических наук, член-корреспондент Академии педагогических и социальных наук, старший научный сотрудник Научно-исследовательского центра по национально-языковым отношениям, Институт языкознания РАН.

Адрес: 125009, Российская Федерация, г. Москва, Б. Кисловский пер., 1/1.

Эл. адрес: m.oreshkina@iling-ran.ru

<https://orcid.org/0000-0003-4654-6618>

Tatiana I. Retinskaya – Doctor of Philology, Associate Professor, Head of Department of Romance Philology, Head of Research laboratory Problems of Social and Territory Heteroglossia, Orel State University named after I.S. Turgenev.

Address: Komsomolskaya st. 95, Orel, Russia, 302026.

E-mail address: tatret@mail.ru

<https://orcid.org/0000-0002-1369-1475>

Maria V. Oreshkina – Candidate of Philological Sciences, Correspondent Member of the Academy of Pedagogical and Social Sciences, Senior researcher of the Research Center on Ethnic and Language Relations, Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences.

Address: B. Kislovsky lane 1/1, Moscow, Russian Federation, 125009.

Email address: m.oreshkina@iling-ran.ru

<https://orcid.org/0000-0003-4654-6618>

Для цитирования: *Ретинская Т.И., Орешкина М.В. Арготизмы // Социолингвистика. 2025. № 4 (24). С. 203–223. DOI: 10.37892/2713-2951-4-24-203-223*

For citation: *Retinskaya T.I., Oreshkina M.V. Argotisms // Sociolinguistika. 2025. No. 4 (24). Pp. 203–223. (In Russian). DOI: 10.37892/2713-2951-4-24-203-223*

Заявление о конфликте интересов | Conflict of interest statement

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

The authors declare no conflicts of interests.

The article was submitted 13.07.2025;
approved after reviewing 30.09.2025;
accepted for publication 12.12.2025.

ТРЕБОВАНИЯ И РЕКОМЕНДАЦИИ К ОФОРМЛЕНИЮ СТАТЕЙ

1. Материалы предоставляются в электронном формате статьи.
2. Обязательно предоставление следующей информации:

2.1. Сведения об авторе статьи (в конце статьи), включающих фамилию, имя, отчество полностью, номер orcid, ученую степень и ученое звание, контактную информацию (место работы и должность автора, почтовый адрес организации, контактный телефон, e-mail). Сведения представляются на русском и английском языке.

2.2. Аспирантам и магистрантам необходимо представить рекомендацию научного руководителя к опубликованию статьи, заверенную в отделе кадров.

Требования к оформлению статей

1. Рекомендуемый объем статьи — 32 000 знаков с пробелами, максимальный объем статьи — 1 п.л. (40 000 с пробелами).
2. В статье должны содержаться следующие элементы издательского оформления:
 - Индекс УДК;
 - Заглавие. Подзаголовочные данные (на русском и английском языках);
 - Фамилия, имя, отчество автора; ученое звание, ученая степень; должность и место работы (на русском и английском языках); адрес электронной почты;
 - Аннотация на русском и английском языках.
 - 5–8 ключевых слов и/или словосочетаний (каждое ключевое слово или словосочетание отделяется от другого запятой) (на русском и английском языках).
 - Текст статьи.
 - Список литературы на русском языке, оформленный в соответствии с правилами, принятыми в журнале, а также список References.
 - При необходимости – примечания, приложения, иллюстрации.
 - Автор обязан уведомить редакцию о реальном или потенциальном конфликте интересов, включив информацию о конфликте интересов в конце статьи. Если конфликта интересов нет, автор должен также сообщить об этом. Пример формулировки для одного автора и для авторских коллективов:

Пример формулировки:

Автор (авторы) заявляет (заявляют) об отсутствии конфликта интересов. The author(s) declare(s) no conflicts of interests.

Требования к заглавиям статей

- заглавия научных статей должны быть информативными;
- в заглавиях статей можно использовать только общепринятые сокращения;
- в переводе заглавий статей на английский язык не должно быть транслитерации с русского языка (кроме непереводаемых названий собственных имен, приборов и др.

объектов, имеющих собственные названия). Это требование распространяется на авторские аннотации и список ключевых слов.

Требования к оформлению сведений об авторе

- указание фамилии, имени, отчество автора (авторов). Указание orcid.
- указание ученого звания и ученой степени;
- предоставление данных о должности и месте работы с указанием адреса организации и электронной почты автора.
- аспирантам необходимо представить рекомендацию научного руководителя к опубликованию статьи, заверенную в отделе кадров.

Образец

Имя Отчество Фамилия – ученая степень, ученое звание, должность, место работы, страна.

<https://orcid.org/0000-0000-0000-0000>

Адрес: индекс, страна, город, улица, дом.

Эл. адрес: name@mail.ru

Name P. Surname – degree, academic title, position, place of work, country.

<https://orcid.org/0000-0000-0000-0000>

Address: street house, city, country, index code.

E-mail: name@mail.ru

Требования к аннотации

В аннотации не должно быть общих слов, увеличивающих объем, но не способствующих раскрытию содержания статьи. Она должна отражать существенные результаты работы, быть лаконичной (150–160 слов), свободной от второстепенной информации, структурированной (следовать логике описания результатов в статье). Англоязычная аннотация, вследствие ее перевода на английский язык, может быть увеличена до 200 слов.

Требования к оформлению списка ключевых слов

Список ключевых слов на русском и английском языках состоит из 5–8 ключевых слов и/или словосочетаний (каждое ключевое слово или словосочетание отделяется от другого запятой).

Требования к тексту статьи

Текст статьи представляется на русском или на английском языке в соответствии с требованиями к авторским оригиналам в электронном формате.

Текст статьи необходимо структурировать. Структурирование подразумевает деление текста на смысловые части. Каждый подраздел должен иметь краткий тематический заголовок. Если исследование имеет характер эксперимента, то структурировать статью допускается по модели, традиционной для публикаций в международных изданиях: Введение, Методика, Результаты и обсуждение, Выводы.

Требования к оформлению текста:

- материал должен быть представлен в формате Microsoft Word с расширением *.rtf или *.docx;
- шрифт Times New Roman, кегль 12, междустрочный интервал для текста статьи – 1,5, для всех остальных разделов статьи – одинарный интервал;
- поля страницы по 2 см с каждой стороны;
- выравнивание текста по ширине;
- строки внутри одного абзаца не должны переводиться вручную («мягкий» ввод, пробелы, табуляции и пр.).
- использование р а з р ы д к и как способа выделения слов не допускается.
- сноски проставляются постранично; шрифт Times New Roman, кегль 10, междустрочный интервал сносок – одинарный интервал; выравнивание по ширине;
- переносы не допускаются.
- абзацный отступ 1,25. Табуляция абзацев не допускается.
- имя файла набрано латиницей и содержит фамилию автора (например: Ivanova.docx).

Требования к оформлению библиографических ссылок в тексте статьи

Внутритекстовые ссылки на пристатейный список литературы приводятся в квадратных скобках, где указывается фамилия автора, год издания статьи или книги и, если приводится цитата, то страница или диапазон страниц, например [Виноградов, 2017: 47] или [Виноградов, 2017: 47–48].

Если даются ссылки на несколько работ, то фамилии авторов приводятся в алфавитном порядке через точку с запятой: [Иванов, 1987: 83; Петров, 1995: 213–218]; в случае, если это работы одного автора, они перечисляются в хронологическом порядке: [Виноградов, 1984; Виноградов, 1997].

При наличии авторов-однофамильцев после фамилии приводятся инициалы. Если встречаются ссылки на две или несколько работ одного автора, опубликованные в одном и том же году, они приводятся с буквенным маркером около цифры, обозначающей год: [Звягинцев, 2010а; Звягинцев, 2010б].

Если авторов двое или трое, то упоминается только фамилия первого автора, а вместо фамилий остальных пишется «и др.» – в случае использования русскоязычного источника, «et al.» – в случае использования источника на английском языке. Если авторов больше трех, а также если приводится ссылка на сборник, то дается первое слово названия либо два первых слова, если они логически связаны (с многоточием), далее год и страницы (если необходимо), например: [Национальные языки..., 1994].

Если указывается источник (словарь, архив и др.), то в ссылке в круглых скобках приводится сокращенное наименование источника, номер тома (если есть) и страница (если есть), например: (РПНГ, т. 8, с. 75) или (ОГРГС, с. 7) (при этом сокращения должны быть указаны в списке источников).

Оформление списка литературы

Пристатейный список литературы, озаглавленный как **Литература**, не нумеруется и составляется в алфавитном порядке. Он должен быть оформлен согласно ГОСТ Р 7.0.5–2008 с указанием обязательных сведений библиографического описания. Фамилия и инициалы автора выделяются *курсивом*.

Если описываемая публикация имеет DOI, его указание обязательно. Образец: DOI: 10.37892/2713-2951-5-15-66-98

В списке сначала в алфавитном порядке приводится перечень работ на русском языке, затем – работ на иностранных языках. Список литературы должен свидетельствовать о том, что автор знаком с отечественной и зарубежной научной литературой по теме статьи, поэтому

рекомендуется включать в библиографический список не менее чем 10 позиций. Не допускаются ссылки на анонимные источники (например, Wikipedia).

Список литературы должен быть оформлен в следующем порядке:

- ФИО автора (выделяется *курсивом*);
- год издания работы в скобках (только цифры);
- заглавие работы;
- название журнала или сборника (если это статья из журнала или сборника материалов), без кавычек;
- выходные данные, исключая год: для журнала — номер и страницы статьи; для сборника статей, материалов конференции — город и название издательства.

В выходных данных монографий, учебников, сборников материалов конференций указываются данные ответственного редактора, название издательства, общее количество страниц.

При оформлении интернет-источника (научного, индексируемого) в списке литературы указываются: автор (если есть), год публикации (если указано), название статьи, полное название сайта (портала), точная ссылка на упоминаемый документ (Режим доступа:), указать дату обращения.

Статья из журнала

Биткеева А. Н. (2018) Развитие языков Российской Федерации: динамика, проблемы, прогнозы // Вопросы филологии № 1 (61) С. 31–37

Материалы конференции

Михальченко В. Ю. (2018) Национально-языковая политика и языковые конфликты // Лингвострановедение: методы анализа, технология обучения. Сборник материалов научного семинара. Ч. 1. Языки в аспекте лингвострановедения М. МГИМО С. 12–13

Книга (монография, сборник)

Михальченко В. Ю. (1984) Проблемы функционирования и взаимодействия литовского и русского языков Вильнюс Мокслас 224 с

Языковая политика в контексте современных языковых процессов (2015) Отв. ред. А. Н. Биткеева М. Азбуковник 471 с

Интернет-ресурс

Жукоцкая А. В. (2009) Феномен идеологии Режим доступа: <http://service.ebooksearch.webfactional.com/en> Дата обращения: 12.11.2019

Образец оформления References

Пристатейный список литературы в латинском алфавите, озаглавленный как **References**, составляется в порядке полностью идентичном списку литературы. References помещается после списка литературы.

References должен быть оформлен согласно гарвардскому стилю 'Harvard referencing':

- Для транслитерации рекомендуем использовать систему на сайте www.translit-online.ru
- Обязательно добавляется указание на оригинальный язык публикации, для всех языков, кроме английского, напр. (In Russian).

Статья из журнала

Bitkeeva, A.N., Wingender, M. and Mikhilchenko, V.Yu. (2009) 'Prognozirovanie i iazykovoe mnogoobrazie v Rossiiskoi Federatsii: sotsiolingvisticheskiy aspekt' [Language prognosis and language diversity in the Russian Federation: sociolinguistic aspect], *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2, *Iazykoznanie*, pp. 6–23. DOI: 10.15688/jvolsu2.2019.3.1. (In Russian)

Статья из онлайн журнала

Lamazhaa, Ch.K. (2014) 'Zasaianskie tuvinty: obraz zhizni, tsennosti, idealy' [Tuvans beyond the Sayan Mountains: way of living, values and ideals], *The New Research of Tuva*, 3. Available at: <https://nit.tuva.asia/nit/article/view/138> (Accessed: 1 November 2019). (In Russian)

Материалы конференции

Golovko, E.V. (2016) 'Sovremennaya iazykovaia politika i problema sokhraneniia iazykovogo i kul'turnogo raznoobrazii v Rossiiskoi Federatsii' [Present-day language policy and problem of preservation of language and cultural diversity in the Russian Federation], in *Materialy IV Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii "Sokhranenie i razvitie yazykov i kul'tur korenykh narodov Sibiri"*, Abakan, pp. 9–12. (In Russian)

Книга (монография, сборник)

Borgoyakova, T.G. (2002) *Sotsiolingvisticheskie protsessy v respublikakh Iuzhnoi Sibiri* [Sociolinguistic processes in the republics of South Siberia]. Abakan: Khakass State University Press. 166 p. (In Russian)

Yazykovaya politika v kontekste sovremennykh yazykovykh processov [Language policy in the context of modern language processes] (2015) Ed. by A.N. Bitkeeva. Moscow: Azbukovnik. 471 p. (In Russian)

Интернет-ресурс

Pravila Tsitirovaniya Istochnikov [Rules for the Citing of Sources] Available at: <http://www.scribd.com/doc/1034528/> (Accessed: 7 February 2024). (In Russian)

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ | SCIENTIFIC JOURNAL

СОЦИОЛИНГВИСТИКА | SOCIOLINGUISTICS

№ 4 (24)

2025

Главные редакторы | Editors-in-chief

В.М. Алпатов | Vladimir M. Alpatov

(академик РАН, д.ф.н., Институт языкознания РАН) | (Academician of the Russian Academy of Sciences, Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences)

А.Н. Биткеева | Aysa N. Bitkeeva

(д.ф.н., Институт языкознания РАН) | (DSc in Philology, Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences)

Редактор и корректор | Editor and proofreader

Н.В. Рожкова | N.V. Rozhkova

(Орловский государственный университет им. И.С. Тургенева) | (Orel State University named after I.S. Turgenev)

Редактор английских текстов ***С.В. Кириленко | Translation into English S.V. Kirilenko***

Компьютерная верстка | Desktop publishing

М.В. Каплунова | M.V. kaplunova

Институт языкознания РАН | Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences

Дата выхода: 31.12.2025 | Published 31.12.2025

Формат 60x84/8. Усл. Печ. л. 14,21 | Format 60x84/8. Printed sheets 14.21

Учредители, редакция, издатели:

Институт языкознания Российской академии наук, 2020

Орловский государственный университет им. И.С. Тургенева, 2020

Founders, editors, publishers:

Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences, 2020

Oryol State University named after I.S. Turgenev, 2020

Адрес редакции: 125009 Российская Федерация, Москва, Б. Кисловский пер. 1/1

Editorial address: 125009 Russian Federation, Moscow, B. Kislovsky per. 1/1